

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ СОНЯ
И ЗОВ
АРЕНЫ

САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЕТЕР
БЕЗДНЫ

1

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛАДЫКА
ПАДШИХ

2

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЦИТАДЕЛЬ
ПЕСКОВ

3

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН
СНОВ

4

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ

5

РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ
БОГ

6

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЩЕЛЫЕ
СМЕРТИ

7

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КРОВЬ
ВЕДЬМЫ

8

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ

9

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЗНИКИ
КАМНЯ

10

РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕЧ
СЕВЕРА

11

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЗОВ
АРЕНЬ

12

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВОВ
АРЕНА

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС"
2000

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Р 93

*Серия основана в 1998 году.
Серийное оформление Дмитрия Вяземского.*

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее
части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

Р93

Рыжая Соня и зов арены: Романы.— СПб.,
«Северо-Запад Пресс», 2000.— 400 с.

ISBN 5-93698-007-3

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Ken Kelly, обложка, 1992
© Д. Вяземский, серийное
оформление, 1999
© С.Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2000

ISBN 5-93698-007-3

Росматые языки пламени жадно лизали толстые сосновые поленья, наполняя сводчатую опочивальню уютным сухим теплом, но стоявший у роскошного камина из черного мрамора высокий мужчина могучего телосложения не переставал дрожать. Стыдясь своей слабости, он обхватил плечи руками и сердито тряхнул густой шевелюрой, подернутой, как инеем, серебристой сединой. Ночная тьма окутала все вокруг, и огонь освещал лишь этого мрачного великана и стройную коленопреклоненную фигуру в темном плаще с капюшоном, скрывавшим лицо. Звонкий голос вспугнул тишину:

— Государь мой, ты призвал меня, и вот я здесь!

Мужчина отошел от камина и сел на массивный резной табурет, указав своему позднему посетителю на изящный стул с высокой спинкой.

— Дитя мое, видят боги, как долго я, правитель Бритунии Гвальберт, стараюсь избавить мой

народ от свалившихся на него напастей. Кровью обливается мое сердце и глаза наполняются слезами, когда я, разъезжая по стране, вижу разоренные деревни, сожженные города, вытопанные поля. Неурожай, мор, пожары, разбойники — не успевает одна беда отступить благодаря моим усилиям, как ей на смену спешит другая. Люди, как дикие звери, скрываются в лесах. Даже наши могучие кони-тяжеловозы, коими столь заслуженно мы гордимся, и те не в силах помочь моему истекающему кровью государству, хоть и платят за них приезжие купцы баснословные деньги. Что толку в золоте, если междоусобица разрывает страну, если брат встает на брата, а сын — на отца...

Король резко отвернулся к камину. Собеседник его, затаив дыхание, не сводил с него глаз и, когда повисшая тишина стала нестерпимой, упал перед ним на колени и горячо воскликнул:

— Отец мой, я знаю, какую глубокую рану нанес тебе мой брат, посмев поднять против тебя свой меч. Вижу, как печаль все ниже гнетет тебя к земле. Скажи, что я могу сделать?! Клянусь, ни перед чем не отступлю, ничто меня не остановит — лишь бы ушло горе с нашей земли и из твоего сердца! Но об одном лишь молю тебя — не заставляй меня проливать родную кровь!..

Гвальберт повернулся к своему посетителю, долго смотрел, как огонь отражается в заблестевших преданных глазах. Если бы в эту минуту он был менее взволнован, то его тонкий слух воина и охотника, несомненно, различил бы чуть слыш-

ный шорох за тяжелыми парчовыми портьерами. Легкий сквознячок пролетел по комнате, всколыхнув огненные язычки, но оба собеседника были столь поглощены друг другом, что ничего не заметили.

— Не бойся, дитя мое, никто не заставит тебя пойти на братоубийство. Но, увы! Твоя ноша будет не легче!

— Умоляю, располагай мной и моей жизнью по своему усмотрению! Я не мечтаю ни о чем другом!

Гвальберт мучительно потер лоб, запустил пальцы в густую шевелюру, напоминавшую львиную гриву.

— О, сколь тяжело быть отцом и государем! Что за ужасная ноша!

Юный гость поймал его руку и припал к ней губами:

— Повелевай!

Правитель погладил склоненную голову:

— О, нет, дитя мое. Это не может быть приказом. На это должно быть твое добровольное согласие и желание. Иначе все жертвы бессмысленны...

Он недолго помолчал, потом заговорил, медленно подбирая слова:

— Ты знаешь, конечно, обычай наших предков — каждые три года я приношу в жертву богам лучшего коня. Кони идут на жертву слепо, не думая, а людям боги дали знание. И если я отвечаю за мой народ то готов, если надо, принести себя в жертву. Так же и ты...

Смертельная бледность залила молодое лицо, но Гвальберт, казалось, не видел этого.

— Все говорит нам, что час настал. О, если б я мог взять это на себя! Увы!.. Боги послали мне сон: они ждут тебя.

Он с любовью вглядывался в родные черты лица, еле видного в тени капюшона:

— Уедешь тайно. Провожатых я выберу тебе сам. И... вот еще. Повезешь с собой ларец с нашими фамильными драгоценностями. Дорога дальняя, опасная, никто не знает, какие испытания выпадут на твою долю. Так что распорядишься ими по своему усмотрению. А когда найдете это древнее святилище, тебе придется...

За портьерой затаили дыхание. Лишь перекликалась изредка ночная стража, стуча по каменным плитам кованными сапогами и бряцая оружием. Пробегали по стенам светлые красноватые блики от их факелов.

— По силам ли тебе это?

— О, да, государь! Нет в моем сердце ни сомнений, ни слабости, ни страха. Я все выполняю. Мне тяжело лишь расстаться с тобой. Прошу тебя, не оплакивая меня! Боги милосердны. Все будет хорошо, поверь!

Они долго стояли обнявшись. Наконец, отведя низкий поклон и припав в последний раз к отцовской руке, ночной гость удалился, и Гвальберт остался один. Тяжело ступая, он подошел к столу, плеснул себе темного вина в серебряный кубок, но так и не выпил: замер, всматриваясь в светлеющее окно, за которым уже становились

видны окружающие город бескрайние леса. Как тяжело управлять государством и быть отцом! Какая это мука!

* * *

... Вот она — удача! Вот оно — счастье! В самых дерзких своих мечтах он и помыслить не смел о таком везении! Неужели это не сон? На всякий случай он ушибнул себя за ляжку и тут же скривился от боли. Ах, какие пустяки!.. Да он бы согласился на ежедневное бичевание, лишь бы каждый этот день, каждый удар кнута и каждая капля крови приближали его к намеченной цели! Она того стоила. О, да! Они все над ним тайком насмеются. Злосчастные завистники! Кроме одного Гвальберта — тот можно сказать, ест из его рук. Но теперь птичка сама идет в его силки! Цып-цып... Эта дивная птичка принесет сначала себя... Цып-цып! Потом — трон. Цып-цып... Потом — государство... Цып-цып-цып. Потом... Потом — мир! О, он сумеет поставить дело на широкую ногу! И тогда уже никто его не осилит. И не остановит! Он мечтательно закрыл глаза, и блаженная улыбка расплзлась по его физиономии.

* * *

... Гвальберт торопливо шел по пустым коридорам и лестницам, пугая стражников, дремавших на карауле в обнимку с алебардами. Догоравшие факелы нещадно чадили, протягивая к высоким каменным сводам черные ленточки копо-

ти. Тень правителя то устало тащилась позади, то вдруг стремительно выскакивала вперед. Его шаги гулко раздавались в темных залах, и лишь поблескивал расшитый золотом камзол, да развевался за плечами бархатный плащ. Вдруг какие-то странные звуки донеслись до него из-за угла, с главной лестницы.

Гвальберт поспешил туда — невероятное зрелище явилось королевскому взору: доблестный ирл Агилульф, известный всем спорщик, игрок и невероятный задира, широко расставив могучие ноги и слегка покачиваясь, поднимался по широкой лестнице в зал, где похоже, все еще пировали самые стойкие гуляки, и хрипло распевали во всю глотку:

Ах, в мире нет несчастной,
которая б сильней,
чем я, терзалась от любви напрасной!
Следом шел залихватской припев:
Эх, бочка вина
Вся уж выпита до дна!
Эге-гей, гоп!

На могучей спине доблестного ирла, сверкая влажными боками, покачивалась огромная бочка с благородным напитком. Гвальберт недоуменно развел руками:

— Что это с тобой, милейший? Почему ты уподобился мулу нашего повара? Уж не околело ли несчастное животное? Или это просто твоя походная фляга?

Ирл медленно преодолел последние ступени, бережно опустил на пол свою ношу, распрямил-

ся, отдуваясь, и, отвесив поклон, степенно ответил:

— Нет, государь. Клянусь своим жеребцом Альдобрандом! Угораздило же этих безмозглых надутых индюков побиться со мной об заклад, что я не смогу принести в зал эту толстуху. Хо-хо! Плакали их денежки И заплачут еще посуда и мебель в тех тавернах, куда мы завтра же с этими денежками и отправимся! Не будь я ирл Агилульф!

Он радостно похохатывал, предвкушая молодецкую гулянку и прислушиваясь к бряканью кружек и кубков о дубовые столы. Гвальберт задумчиво окинул взглядом светловолосого богатыря.

— Дошло до меня, любезный ирл, что ты большой любитель играть в кости и биться об заклад. И, к несчастью, фортуна не всегда бывает на твоей стороне. Беда, тебя постигшая, привела в смятение многие светлые умы в моем дворце, и случилось мне слышать, как няньки пугают малых детей твоим именем.

Агилульф вдруг так испугался, что даже веснушки побледнели и мгновенная судорога исказила лицо, а Гвальберт, словно не замечая его смятения, продолжал:

— Тяжела твоя участь, ирл, — скоро ты и шага не сможешь ступить в моем государстве. И что же дальше? Добровольное изгнание? Бегство от самого себя? От своего имени, своей тени?..

Агилульф повалился в ноги венценосному повелителю:

— Прости, государь! Нергал попутал! Не помню ничего!

Он замотал, как бык, лобастой головой.

— Опоил меня тот демон неведомым зельем. Околдовал! Опозорил! Теперь не то, что на турнирах — в коридорах дворца, и то показываться стыдно... Не вели казнить, государь! Я верный твой слуга, и честь твоя никакого ущерба не претерпела. Ушли меня на дальние границы, с глаз долой, где я, сражаясь с врагами, с честью сложу свою несчастную голову!..

Гвальберт нетерпеливо махнул рукой, прерывая бурные излияния и негромко пробормотал:

— Повороты судьбы воистину непредсказуемы... Возможно, случившееся с тобой закономерное, и стоит в череде событий, связанных друг с другом. Для богов случай — лишь мальчик на побегушках...

И вдруг оживился:

— А что, любезный Агилульф, не тяжело ли тебе было с этакой ношей на плечах?

Ирл небрежно хлопнул бочку по крышке, потом любовно потер медный обруч, стягивавший ее бока.

— Да разве это ноша? Баловство одно. Вот подъемный мост удержать...

Глаза его задорно сверкнули. Гвальберт спрятал усмешку в бороде.

— Заклинаю тебя, только не предлагай биться об заклад! Ведь ты уже имел неосторожность... А я заинтересован в том, чтоб ты был цел и невредим: есть у меня для тебя достойная служба.

Агилульф вспыхнул радостно:

— Трудна ли она, государь?

— Трудна, славный ирл!

— А опасна ли, государь?

— Ох, как опасна!

— А потребует ли от меня умственной изворотливости и прозорливости?

— Безусловно!

Ирл без слов опустился на колени и облобызал край плаща:

— Я твой, государь! Со всеми потрохами, со всем, что от меня осталось!.. Выполню любую твою волю!

Он горестно вздохнул так, что качнулось пламя ближайших факелов.

Гвальберт положил руку на его склоненную голову:

— Доверяю тебе, доблестный воин, самое дорогое, что у меня есть: благополучие моей страны и жизнь родного мне человека. Возьмешься ли?

Ирл лишь раздул щеки и выпучил глаза. Правитель тихо добавил:

— Мне будет спокойнее, если ты будешь рядом... Впрочем, может статься, и тебе этот поход пойдет на пользу: попробуй вернуть себе то, что потерял... Но смотри же — сохрани все в тайне! И после первой стражи будь готов!

Агилульф поспешно развернулся и поспешил вниз по ступенькам, совершенно забыв про пирушку, бормоча бессвязно какие-то клятвы и уверения, хоть его давно никто не слушал — государь уже шел дальше.

* * *

Первое, что бросилось в глаза Гвальберту, когда он толкнул низенькую дверь круглой башни и, согнувшись в три погибели, шагнул в царство придворного астролога и мага Куфаронуса — это страшный беспорядок. Словно вырвавшийся на свободу сумасшедший раскидал здесь все, что попало на его пути. Бесценные манускрипты на дорогом пергаменте валялись на столе и на полу вперемешку с чучелами птиц и гадов, какими-то мешочками, склянками, сухими корешками и загадочными инструментами. Лысого сморщенного хозяина комнаты, склонившегося над расчетами, освещал лишь синеватый мигающий огонек реторты.

На халате его, расшитом магическими знаками, казалось, оставили следы все порошки и снадобья его лаборатории, настолько он был грязен. Куфаронус правой рукой выхватывал из кучи хлама нужный ему свиток, просматривал его, быстро шевеля губами, и кидал за спину, чтоб тут же потянуться за следующим, сделав кое-какие пометки на глиняной дощечке. Длинные же и цепкие пальцы левой проворно снова ли по столу с инструментами, иногда кидая щепотку благовоний на маленькую медную жаровню. Дымок, сплетаясь в затейливые узоры, тянулся к высокому окну, а маг старательно водил носом по старинным письмам, выискивая нечто, ведомое лишь одному ему. Он, казалось, не замечал своего высокого гостя — столь поглотила его работа.

Гвальберт прокашлялся, пнул ногой нахально разгуливавшую среди этого разгрома крысу и уже открыл было рот, чтоб погромче обратиться к колдуну, но тот внезапно с громким воплем выскочил из-за массивного каменного стола, за которым он столь рьяно трудился, и кинулся к двери, тут же врезавшись головой в живот своего посетителя.

— Ал...— Гвальберт невольно прижал руки к ушибленному месту, а астролог кулем повалился ему в ноги:

— О!.. О, господин мой! Ах, какая неловкость!..

Он так отчаянно принялся заламывать руки, что, казалось, вот-вот оторвет их вовсе.

— Мой повелитель! Клянусь, те известия, с которыми я поспешил к тебе, простят мою дерзкую неуклюжесть!

Гвальберт насторожился. Он позволил звездочету увлечь себя к окну, в которое тот принялся тыкать пальцем, захлебываясь поспешным шепотом:

— Десятки лет я посвятил изучению тайных сил, связей между нашим и иным миром. Постигая суть явлений, причин и следствий событий, влияние высших сил и законов на наши жалкое судьбы, я изучил всё, что знали об этом наши предки и что пытаются творить наши современники. Нет для меня тайн в движении светил по небосводу, во влиянии их друг на друга и на нас, ничтожных. О, государь, подними свои глаза к небу! Смотри! Смотри внимательно!..

Обгрызенный ноготь мага гневно тыкался то в одну, то в другую звезду.

— Утренняя лазоревая Аструс никогда не была столь близка к воинственной Морре. А вон твоя звезда, золотистая Шис-Ха. Что? Не видишь? Конечно! Ещё бы! Ведь к ней приблизилось созвездие Ледяного Дракона, и затмило её чистое сияние! — Он стукнул кулаком о стену и припал к руке правителя.

— Луна находится в своем шестом доме, мой повелитель, и в той своей фазе, которая особенно влияет на тяжелые огненные духи Ра, угнетая эфирные...

Гвальберт терпеливо ждал. Вот уже два года, как этот чудак прижился в его дворце. Конечно, болтали о нем всякое... Кого из нас миловала злая молва? И высокомерен, и заносчив до дерзости, и глаз у него дурной, а уж язык — тот впору вырвать. Мага давно бы уже поколотили, но боялись нечаянно прибить до смерти — и тогда не миновать гнева правителя. Ведь звездочет пекся о благополучии правителя более, чем о себе, поражая точностью предсказаний. Сколько раз он спасал его, отводя кинжал убийцы или кубок с ядом. Сколько раз предупреждал о предательстве, измене, коварных засадах и ловушках! И благородство Гвальберта не позволяло ему быть неблагодарным. Да и долгие их беседы приучили прислушиваться к словам этого человека.

Зато дворцовая челядь шарахалась при виде его в сторону, боясь услышать: «Дом твой вижу

объятый огнем...», или «Готовься к похоронам — не сегодня, завтра овдовеешь». Или просто: «Остерегись!» Тогда только и жди — либо палец топором оттяпаешь, либо кошель на базаре срежут... И ведь каждому, изверг, найдет, что сказать!..

Гвальберт тем не менее полагал, что всё это — наговоры, свидетельство зависти людской и глупости, и продолжал советоваться с ним всякий раз, когда дело казалось ему сложным или важным для государства. Мудрец хрустел пальцами и, потупив очи, бойко вещал про звезду Аль-Кра и лунные фазы. Да, что-то, а предсказывать астролог умел. Даже тогда, полгода назад, когда белые ледяные пчелы кружились в стылом воздухе и этот безумный юнец решил, что пора ему носить отцовскую корону, даже тогда он — он! — оказался прав. А как не хотел верить тогда Гвальберт в этот заговор! О! Стоило на это полюбопытствовать! Метался, как раненый зверь, круша всё на своем пути и, обещая затравить его голодными псами, пока сам не убедился. Щенок, правда, всё равно сбежал... Уж, конечно, не без попустительства папаша. Зато теперь воюют друг с другом, и конца этой войне не видно! А тогда, когда он увидел сборище предателей, ах, какая мука обезобразила его красивое лицо! Ах, как отрадно было осознавать магу, что сам правитель Бритунии — ходячая легенда! — оказался всего лишь жалким несчастным отцом, словно простой кузнец, узнавший, что его дочь бежит на сеновал к соседскому сынку.

И вот сейчас он, астролог и маг Первой ступени Куфаронус, прислушиваясь к горляющим у кого-то на дворе петухам, убеждал короля взволнованным голосом, хватаясь то за древние свитки, то за свое сердце:

— Государь, страна в опасности, и лишь ты знаешь, как её спасти, какой ценой! Но надобно тебе поторопиться: Дракон смыкает своё кольцо над маленькой золотистой звездой! Всё сложится для тебя удачно, и боги будут милостивы, но цену за это хотят немалую, и я вижу, как тучи сгущаются над твоим посланцем! О, он слишком одинок! Ему нужны спутники!..

Гвальберт молчал, и лишь желваки на скулах выдавали его смятение.

— Король мой, то, что суждено, должно свершиться быстро и тайно! Без промедления! Но я слышу топот копыт трех коней! Трех! Ибо мало одного пылкого сердца. Надобно ему помочь сильными руками и мудрой головой! Поспеш, государь!

Куфаронус устало опустил на скамью и закрыл глаза. Он чувствовал себя совсем разбитым — такие предсказания высасывали из него все силы и, казалось, саму жизнь. Его охватывало полное безразличие ко всему происходящему — будь что будет! Он сделал всё, что мог... Гвальберт уронил на грудь тяжелую голову. Даже не глядя на него, маг знал, о чем сейчас он думает.

Между тем, дворец просыпался. Ночь, полная тревог и сомнений, подошла к концу. Гвальберт подошел к окну и мысленно взмолился: «Боги,

если вы меня слышите, и если я прав — пошлите мне знак!» И он совсем не удивился — он был к этому готов — когда мимо окна навстречу восходящему солнцу пролетели три голубя. И тогда он повернулся к Куфаронусу:

— Послушай, друг мой, воистину, всеведущие боги свели наши жизненные пути...

Маг, с непроницаемым лицом, степенно кивал...

* * *

Солнце только поднималось над ближним лесом, когда три всадника поспешно покинули город через восточные ворота, показав часовым перстень короля и не вдаваясь в долгие объяснения.

Топот копыт далеко разносился в молочном тумане, белки испуганно взлетали на верхушки сосен и с любопытством поглядывали вниз, прислушиваясь к странной песне:

Ах, если б не была любовь ревнива,
На свете бы слыла
Я между женщин самую счастливою!..

Джуй жеребец приседал на задние ноги, когда в конце куплета седок хлопал его по плотному заду и восклицал, обращаясь к хрупкому на вид собеседнику:

— Эх, друг мой Дионео! Да в компании с тобой мне дорога вдвое короче покажется! Хоть юн ты и слаб, как комар, но весел и красноречив изрядно! Давай биться об заклад, что мы славно

И вот сейчас он, астролог и маг Первой ступени Куфаронус, прислушиваясь к горланящим у кого-то на дворе петухам, убеждал короля взволнованным голосом, хватаясь то за древние свитки, то за свое сердце:

— Государь, страна в опасности, и лишь ты знаешь, как её спасти, какой ценой! Но надобно тебе поторопиться: Дракон смыкает своё кольцо над маленькой золотистой звездой! Всё сложится для тебя удачно, и боги будут милостивы, но цену за это хотят немалую, и я вижу, как тучи сгущаются над твоим посланцем! О, он слишком одинок! Ему нужны спутники!..

Гвальберт молчал, и лишь желваки на скулах выдавали его смятение.

— Король мой, то, что суждено, должно свершиться быстро и тайно! Без промедления! Но я слышу топот копыт трех коней! Трех! Ибо мало одного пылкого сердца. Надобно ему помочь сильными руками и мудрой головой! Поспеши, государь!

Куфаронус устало опустился на скамью и закрыл глаза. Он чувствовал себя совсем разбитым — такие предсказания высасывали из него все силы и, казалось, саму жизнь. Его охватывало полное безразличие ко всему происходящему — будь что будет! Он сделал всё, что мог... Гвальберт уронил на грудь тяжелую голову. Даже не глядя на него, маг знал, о чем сейчас он думает.

Между тем, дворец просыпался. Ночь, полная тревог и сомнений, подошла к концу. Гвальберт подошел к окну и мысленно взмолился: «Боги,

если вы меня слышите, и если я прав — пошлите мне знак!» И он совсем не удивился — он был к этому готов — когда мимо окна навстречу восходящему солнцу пролетели три голубя. И тогда он повернулся к Куфаронусу:

— Послушай, друг мой, воистину, всеведущие боги свели наши жизненные пути...

Маг, с непроницаемым лицом, степенно кивал...

* * *

Солнце только поднималось над ближним лесом, когда три всадника поспешно покинули город через восточные ворота, показав часовым перстень короля и не вдаваясь в долгие объяснения.

Топот копыт далеко разносился в молочном тумане, белки испуганно взлетали на верхушки сосен и с любопытством посматривали вниз, прислушиваясь к странной песне:

Ах, если б не была любовь ревнива,
На свете бы слыла
Я между женщин самой счастливою!..

Дюжий жеребец приседал на задние ноги, когда в конце куплета седок хлопал его по плотному заду и восклицал, обращаясь к хрупкому на вид собеседнику:

— Эх, друг мой Дионео! Да в компании с тобой мне дорога вдвое короче покажется! Хоть юн ты и слаб, как комар, но весел и красноречив изрядно! Давай биться об заклад, что мы славно

проведем время! И скоро уже два голоса горла-
нили на весь лес:

Эх, бочка вина
вся уж выпита до дна!
Тирлим-бом-бом...

Лишь третий всадник зябко кутался в теплый
плащ и, казалось, совсем не разделял веселья
своих спутников.

* * *

... Да, покойничек уже пахивал. Соня в
этом убедилась, забравшись в мраморную гробни-
цу недавно почившего градоправителя Шади-
зара, почтенного нобиля Беритолы. Столь пыш-
ных похорон, как накануне вечером, она еще ни
разу не видела. Соня привыкла встречать смерть
в более прозаическом облики: метко пущенная
стрела, ловкий удар меча — и жертва в лучшем
случае заваливается камнями или комьями земли
тут же, у дороги, а в худшем — летит на дно
оврага на радость воронам и куницам. И эта
вызывающая роскошь кортежа не могла оставить
ее равнодуш сточительством с их стороны, но и
величайшей любезностью для Сони. А почему
бы и нет? Дураков, слава богам, в любом городе
хватает.

Она тщательно запомнила, где находится се-
мейный склеп Беритолы, чтоб потом в темноте
не плутать по кладбищу, не тревожить усопших.
И вот она здесь. Чего бояться? Покойники —
самая тихая компания. Лежат себе, кормят чер-

вей, никого не трогают... Соня скручивала пер-
стни с ледяных пальцев и мечтала о том, как
завтра же пойдет на базар, постучится в лавку
седобородого Сулиша, щедрее всех скупающего
краденое. И в темном закутке, подальше от по-
сторонних глаз, она выложит на узорчатый пла-
ток все эти сокровища. А потом... Потом она
купит себе коня. Это первое. И уже после этого
подумает, что делать с оставшейся кучей денег.

Если эти драгоценности и впрямь стоят доро-
го, возможно, ей даже удастся наконец вопло-
тить в жизнь давнюю свою мечту: снарядить
небольшой корабль, нанять команду и отпра-
виться поразбойничать на Вилайете.

А почему бы и нет? Не столь давно она вволю
насладилась жизнью морских рабойников у бере-
гов Западного Океана, и эта жизнь пришлось ей
по душе. Соня погрузилась в воспоминания, но
тут же одернула себя: сперва следовало покон-
чить с этим неприятным делом здесь, в затхлом
и сумрачном склепе.

Один перстень, самый тяжелый, никак не
хотел пролезать через распухший сустав. По-
простому-то, плюнуть бы на непослушный па-
лец, перстень и соскользнул бы по мокрой коже.
Но что-то ее останавливало... Одно дело — пле-
ваться в лесу или в чистом поле, а в гробнице...
Просто кощунственно, в конце концов! Отрезать
палец — и того хуже. Но и уходить без перстня
не хотелось... Вот так задачка!

Тут Соня вспомнила о шелковом платочке в
своем кармане. Поспешно достала его и приня-

лась теребить, пока ей не удалось вытащить из него пару ниток. Ну, дальше — дело пустячное: продеть эти нитки в маленький зазор между кожей и перстнем. По скользким шелковым нитям упрямый красавец прошел через сустав, как маслом намазанный.

Внезапно какие-то звуки привлекли внимание воровки. В тишине раздавались чьи-то неуверенные шаги... О, отродья Нергала, неужели она потревожила-таки мертвецов?! Соня затаила дыхание. Шаги приближались... Девушка нащупала рукоять короткого гирканского кинжала. Тяжелая каменная крышка со скрежетом поползла в сторону, послышалось чье-то кряхтение...

Нет, это явно был не покойник. В мерцающем свете крохотного огарка, поставленного на край гробницы, большая угловатая тень скользнула вниз. Но еще раньше, чем человек спустился, Соню чуть не вытошнило на месте от смердящего запаха нечистот, его сопровождавшего. Да этот наглец вонял похлеще покойника! Не повышая голоса, девушка возмущенно спросила:

— Эй, недоумок, откуда ты такой вылез?

Человек от неожиданности дернулся и застыл, одеревенев от страха, но Соня продолжила насмешливо:

— Не бойся, дружок. Мертвецу уже не до тебя. С тобой говорю я, а не достопочтенный нобиль. Но, в любом случае, ты опоздал. Брать здесь больше нечего. Я за это ручаюсь...

Она ожидала ответа, возможно даже, ругательства, но ничего более — в конце концов, то,

что один вор оказался удачливее другого, никогда не служило поводом для смертоубийства... и потому то, что случилось далее, оказалось для нее полной неожиданностью.

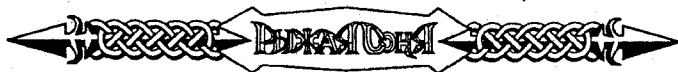
Человек молча бросился к девушке, в безумной ярости пытаясь добраться до ее горла. Он рычал и всхлипывал, навалившись на нее всем телом, движимый слепой жадой убийства. Соня молча боролась, проклиная в душе строителей гробницы: не то что отскочить — она и замахнуться не могла толком.

Одно радовало: у ее противника, похоже, не было оружия. Во всяком случае, он не торопился им воспользоваться. Девушка с силой схватила его за запястья, рванула к себе, резко боднула головой в лицо.

И пока ослепший от боли противник не пришел в себя, откатился в сторону и припечатала его ногами к каменной стене, навалилась сверху, вывернув за спину руки. В крошечной тьме слышалось лишь хриплое дыхание и невнятные стоны поверженного соперника. Во время этой короткой потасовки Соня не успела даже толком разозлиться и, пытаясь разглядеть свою жертву, спокойно сказала:

— Я тебе не по зубам: кошки не охотятся на ягуара. Либо ты даешь слово быть благоразумным, либо я тебя связываю и оставляю здесь. Выбирай.

И тут же почувствовала, как обмякло бессильно под ее коленом поверженное тело. Человек вдруг всхлипнул совсем по-детски:

— О, Святое Пламя!.. Ты победила. Отпусти меня...

Он запнулся на миг, а потом через силу произнес:

— Клянусь, что не нападу на тебя.

Девушка села рядом, настороженно не спуская с него глаз, но он даже не пошевелился.

— Ах, лучше бы я умер! Лучше бы ты меня убила!..

В глухом голосе слышалась такая бездна неподдельного отчаяния, что Соня слегка опешила. Она протянула руку за чающим огарком свечи на сдвинутой крышке гробницы и поднесла его к лицу человека. Молодой гирканец... Вот это сюрприз! Но что ты здесь делаешь, степная птица? Каким ураганом тебя занесло в эту сточную канаву — город? И почему у тебя столь плачевный вид?

Она спросила об этом странного незнакомца. Парень медленно сел, потирая разбитый нос, и горько усмехнулся:

— Когда-то я жил здесь с отцом, а вот теперь довелось вернуться. Спросишь, зачем? Все очень просто... Знаешь ли ты, какие кони самые могучие и выносливые? Правильно, это бритунские тяжеловозы. Вот за ними-то меня и послали. Путь сюда из Гиркании долог, но я все выдержал — это очень важно для моего народа. И деньги мне с собой дали немалые — дорожат бритунцы своими конями. А я, хоть и молод, но толк в лошадях знаю. Вот хожу я по рынку, щупаю коням ноги, заглядываю в зубы... и — дурак! —

всем купцам показываю свой кошелек, пусть не думают, что я просто глазею. Ах, что же я надеялся!..

Рассказ в этом месте надолго прервался бы стонами и плачем, но Соня пнула своего недавнего соперника носком сапога, и тот сразу успокоился.

— Встретил там случайно старуху, бывшую когда-то в нашем доме в услужении, поболтал с ней немного да и вернулся на постоянный двор. А это все видела одна здешняя плутовка. Вот она пристала к той старухе и все у нее выведала... Уж не знаю, что она ей наплела, только приходит ко мне эта моя старая знакомая и говорит, мол, желает тебя видеть некая молодая госпожа. Поторопись, де...

Он вздохнул тяжело.

— Ну кто же устоит, если зовет молодая госпожа?.. Пошел я, себе на погибель, в ее дом. А плутовка эта статная, пригожая, одета роскошно... Сбежала ко мне по лестнице, обняла, расцеловала в обе щеки, да и говорит: «Добро пожаловать, мой дорогой братец Хайрас!» Я оторопел. А она взяла меня под руку, повела наверх, в залу, усадила за стол, принялась потчевать. Сама уселась напротив, завела такой разговор:

— Вижу, Хайрас, тебя приводят в изумление мои ласки и мои слезы, ведь ты вряд ли обо мне слышал. Но знай же — я твоя сестра! И сейчас я тебе все расскажу. Как тебе ведомо, наш отец, благородный Шох-Хан, одно время жил в этом городе, и многие его до сих пор помнят. Моя

мать, будучи тогда уже вдовой, полюбила его всем сердцем и отринув страх перед родней, сошлась с ним так близко, что следствием этого явилась я. Потом Шох-Хан вернулся на родину в Гирканию, оставив мою мать с ребенком, и больше о нас не вспоминал. Ну, что было — то было. Прошное легче осудить, чем исправить, но я не держу на него зла. Зато я теперь наконец-то увиделась с тобой, мой братец!

С этими словами она снова обняла меня и, плача, поцеловала в лоб. А когда она стала расспрашивать о родственниках, перечисляя всех поименно, еще больше ей поверил. Беседа наша затянулась. Как я теперь понимаю, не без умысла. Я хотел было уйти, но она сделала вид, что обиделась, и мне пришлось остаться, терпеть не могу женских слез.

После ужина меня отвели в покои, и мальчик-слуга помог мне переодеться. А жара была такая, что я быстро снял с себя верхнюю одежду и спросил у мальчика, где можно... э-э-э... облегчить желудок? Он указал на дверь в углу комнаты и сказал: «Вон там.» Я, ничего не подозревая, туда вошел, наступил на какую-то доску и тут же загремел вниз. Слава богам, не ушибся, но... весь вымазался в нечистотах, еле выбрался наружу... Вот и все. Долго я потом стонал, орал, колотил в дверь, пока добрые соседи не сказали: «Нечего здесь буяннить! Скажи спасибо, что тебя не уколошили у этой девки, сумел остаться в живых. Уходи, если жизнь тебе дорога!» Так я в одно мгновение лишился и золота и сестры...

Соня хохотала, размазывая слезы по лицу, и никак не могла успокоиться. Потом спросила:

— Ну, хорошо, умник, а как же ты здесь-то очутился?

— А кони? Мне же во что бы то ни стало нужно их купить! Да я готов на любое преступление!.. А пока я прятался среди колонн какого-то дома, мне удалось подслушать разговор двух слуг об этих похоронах. Вот я и решил попытаться. Но удача выбрала тебя...

Что-то изменилось в его голосе, и Соня быстро выхватила кинжал, прижав его к горлу Хай-раса.

— Боюсь, что сейчас тебе опять не повезет. Он обречено кивнул и уронил руки.

— Что же мне делать? Неужели ты мне не поможешь?

Соня покачала головой. Велико было искушение бросить этого теленка на произвол судьбы, пусть сам расхлебывает свои неприятности... но он был гирканцем! И голос крови заглушал доводы рассудка, повелевая прийти на помощь соплеменнику.

— Ну почему я вечно во что-нибудь вляпаюсь? — вздохнула она. — И зачем ты только сюда полез? Возись теперь с тобой!..

Она стукнула кулаком по стенке гробницы так, что сдвинутая крышка зашаталась. Юноша с уважением посмотрел на нее, а Соня пробурчала:

— Видно, никак не обойтись в жизни без приключений. Что ж, пошли, сокровище, хоть отмоем тебя для начала. А вдруг ты золотой?..

Соня важно шествовала по рынку. Хайрас семенил сзади, отбивая зубами мелкую дробь после купания в ледяной речке, и не сводил глаз с Сониной рыжей гривы, ослепительно сиявшей у него перед глазами.

Но девушка о нем, казалось, и не вспоминала. Она высокомерно посматривала на сновавших туда-сюда людей, и чувствовала себя повелительницей мира. Ей казалось, что она уже ощущает под ногами шершавую палубу легкой галей... Соленый ветер треплет волосы, паруса хлопают над головой, и чайки с криком проносятся мимо. На боку у Сони — кривая абордажная сабля и пара кинжалов, украшенных драгоценными камнями...

Хайрас дернул ее за полу кожаной куртки. Соня с удивлением взглянула на его сухоощавое смуглое лицо с коричневыми, как лесные орехи, глазами. Пришлось спуститься с палубы корабля на землю...

— Ну, что тебе?

Он молча кивнул в сторону головой, и у Сони невольно раскрылся рот от изумления. О! Какие кони! Какие кони! Забыв обо всем на свете, она кинулась к ним, вдыхая терпкий запах пота и навоза, гладила шелковые шеи, целовала нежные трепетные ноздри, не обращая внимания на надувшихся купцов. Какое ей до них дело! Она вернется сюда, покуда эта собака еще лакает воду из фонтана, и скупит хоть весь этот базар, вместе с дудкой заклинателя змей и ковриком последнего нищего!

Соня последний раз ткнула кулаком могучего тяжеловоза, даже не шелохнувшегося, и направилась дальше. Мимо лавок с глиняной посудой, мимо вонючих чанов дубильщиков кож и красильщиков тканей, мимо кузнецов и оружейников, напрямик к гостеприимному темнокожему Сулишу, старому ее приятелю, которому она перетаскала кучу всевозможного добра, честно отобранного с мечом в руках у проезжих купцов или мимоходом прихваченного у ротозеев.

Все произошло почти так, как и думала Соня. Они оставили безутешного Хайраса на улице — греться на солнце, а сами прошли в заднюю каморку, о существовании которой знал только сам хозяин.

Он тут же принялся хлопотать вокруг Сони. Усадил ее на маленький, обшитый атласом, стульчик, вынес ей блюдо с засахаренными фруктами, и, сияя хитрыми черными щелочками глаз, подробно расспрашивал ее о здоровье. Соня, соблюдая приличия, в свою очередь степенно отвечала, интересовалась его делами и домочадцами, мечтательно разглаживая ладонями яркий шелковый платок, брошенный хозяином на высокий сундук, служивший ему заодно и столом. Наконец, с обязательным ритуалом было покончено, девушка медленно, чтоб растянуть удовольствие, выложила перед купцом свою ночную добычу. И откинулась на спинку стула, наслаждаясь произведенным эффектом.

Вот с этого-то момента все и пошло наперекосяк. Соня вдруг почувствовала, что удача не

просто от нее отвернулась, а еще успела перед этим плюнуть ей в лицо. Сулиш продолжал улыбаться, но уже как-то неуверенно. Он вертел в пальцах украшения, разглядывал их на свет, пробовал на зуб. Потом принес какие-то склянки и ювелирные принадлежности. Соня с ужасом наблюдала, как шипят и темнеют перстни, едва на них попадают капли снадобий, как вытягивается лицо Сулиша, и углы узких губ разочарованно сползают к белой бороде. У девушки екнуло в груди.

Да, родственники покойного оказались не такими уж простаками. А ее крылатая галера с огромной дырой в днище стремительно погружалась в морскую пучину, трепеща обрывками парусов. Соня сидела с каменным лицом, не поднимая глаз. Что ж... Девушка вздрогнула от голоса Сулиша:

— Мне очень жаль. Соня, поверь, но эти колечки можешь либо раздать детям на улице, либо, извини, вернуть тому, кто тебе их дал. Заметь, я ни о чем тебя не спрашиваю...

Будущая предводительница пиратов внимательно следила, как исчезала под водой самая высокая мачта...

— На, Соня, выпей воды! Она из лучшего в городе источника. Это вернет тебе силы. Да не надо так отчаиваться! Ты же крепкая, как скала и гордая, как орел!

— О, да... — Она вздохнула и безмятежно посмотрела ему в глаза. — Пожалуйста, отдай эти бирюльки своей дочке, почтенный Сулиш.

— Да нет же! Ты не поняла! Один из них все-таки настоящий! И как он затесался в эту компанию! Смотри!

Конечно, девушка его узнала: это был тот самый перстень, с которым она так долго провозилась. Видимо, перед наследниками встала подобная же проблема, но, в отличие от Сони, они с ней не справились. Дивный темный рубин изумительной огранки в массивной золотой оправе. Скупщик хитро улыбнулся:

— Корабль на него, конечно, не купить, но пару хороших коней...

Соня встрепелась:

— Пару коней?

— Конечно! А почему нет? Тебе не стыдно ходить пешком?

И положил перед ней толстый кошелек с золотом. Соня украдкой вытерла глаза, улыбнулась:

— До встречи, достопочтенный Сулиш. Пожелай мне удачи!

* * *

— Бряк-бряк! — Колокольчик над дверью...

Взгляды посетителей тут же обратились на вошедшую пару. Мигом оценили их потрепанный вид и вернулись к своим прерванным занятиям: щипать вертявых подавальщиц и ублажать себя любимым напитком. Соня и Хайрас протиснулись в дальний угол, заняли широкую скамью. Соня с любопытством огляделась. Большой зал с низким закопченным потолком был

заставлен тяжелой, грубо сколоченной мебелью. Лохматая собака, высунув красный язык, лениво перебирала лапами в огромном колесе, насаженном на рукоятку вертела. Дымок от догоравших в очаге дров облизывал со всех сторон вращавшуюся тушу кабана. По стенам висели пучки лука и трав, блестела на полках медная кухонная утварь. Хозяин заведения, сдвинув на затылок полосатый колпак, хлопотал за стойкой. Краснокожий матрос, с цветной татуировкой по всему телу, играл на каком-то странном инструменте заунывную мелодию. Пахло жареным мясом и острыми восточными приправами. Соня вздохнула, глядя на стол, который проворные служанки тут же заставили снедью:

— По крайней мере, нужно отдать должное этим бараньим ребрышкам.

Хайрас рассеянно кивнул. Ребрышки и впрямь заслуживали внимания. Они призывно торчали из мисок с фасолью, украшенные пучками петрушки.

Девушка набросилась на еду, продолжая украдкой изучать публику, большую часть которой составляли оборванцы, воры, попрошайки, шлюхи. Встречались здесь и добропорядочные граждане — они заходили в таверну пропустить кружечку-другую вина, поболтать о том, что творится на белом свете, послушать странствующих сказителей и песнопевцев.

Соня жевала мясо, отламывала куски лепешки, выплевывала под стол мелкие косточки и думала: «Боги играют нами, как фарфоровыми

кхитайскими болванчиками. Разве могла я думать, скользя длинным бархатным шлейфом по отполированным полам хауранского дворца, что когда-нибудь окажусь в таком заведении?...» Она не сразу сообразила, что ее спутник уже давно что-то пытается ей втолковать:

— ...страшно навлечь на себя гнев древних богов, но я не вижу другого выхода: я не могу вернуться без коней, и не хочу скитаться изгнанником. И если меня там ждет смерть... Что ж, я готов.

Соня резко отодвинула миску:

— Что? Что ты там про коней?..

Юноша заморгал обиженно:

— Я тебе говорю о сокровищах, а ты вцепилась, как дикарка, в эти кости и обо всем забыла!

— Что-о?! Какие еще сокровища? — Соня немедленно насторожилась. Гирканец насупился.

— Да ты совсем меня не слушала! Говорю же — по пути в Замору я подслушал разговор двух жрецов, когда прятался среди колонн древнего храма...

— О чем?

— О святилище древних зверобогов где-то на севере Кезанкийских гор!

Соня передернула плечами.

— Я тысячи раз слышала подобные сказки. Мир полон легенд о забытых всеми сокровищницах, полных золота и драгоценностей, которые только и ждут, чтобы мы с тобой явились пожить ими! С чего ты взял что в этих байках есть хоть толика истины?

Хайрас шуганул какого-то попрошайку и сжал ее руку:

— Я уверен, что жрецы не лгали. С чего бы? Ведь они не знали, что их кто-то слышит! Они говорили — святилище настолько древнее, что никто не помнит, когда оно появилось. Люди ходили туда веками со своими бедами, вымаливая у суровых небожителей милость, и оставляли взамен все самое ценное!.. Но место это охраняется богами, сила которых очень велика. Так что вряд ли я выберусь оттуда живым...

Девушка задумчиво уставилась на языки пламени.

— Все равно я не очень верю в эти рассказы. Но придется самой убедиться — другого выхода я не вижу.

Она выдержала долгую паузу, наслаждаясь его смутением:

— Что ж... Я покупаю нам в дорогу коней, а ты будешь проводником.

Хайрас вскочил:

— Ах, Соня!..

Она остановила его движением руки:

— Спокойно! Не люблю суеты...

— Я буду тебя охранять!

Соня хмыкнула:

— Ты? Меня?

Хайрас умоляюще сложил руки:

— Соня, поехали! Пожалуйста! Ведь вдвоем вдвое легче! Я буду коней чистить, стряпать... А в сокровищнице, если доберемся, мне лишнего не надо. Только чтобы бритунских лошадок ку-

пить, как обещал. Это дело чести, сама понимаешь...

Соня медленно встала, кинула хозяину монетку и вышла на улицу. Хайрас поспешил следом. Она со странной усмешкой, не мигая, уставилась на него.

— Вы, степняки, народ дикий: «Честь, честь!..» Правда, мой отец тоже был из ваших мест... Поэтому, наверное, и я такая уродилась. Ну, со своей честью ты разбирайся сам, а уж если едешь со мной, знай: как только у меня возникнут сомнения, что ты можешь меня бросить в трудный момент, я позабочусь о том, чтоб ты до этого момента не дожил... Предупреждаю сразу. Это к слову о чести.

Хайрас молча протянул ей руку. Соня плюнула на свою ладонь и хлопнула его по руке, скрепив таким образом договор.

* * *

Ветви гигантских деревьев смыкались над их головами, образуя высокий ажурный свод, пронизанный сотнями тонких солнечных лучей. Соня, закинув голову, шурилась от яркого света, наслаждаясь ровным ходом своего белоснежного крепыша.

Она специально не стала обрезать его длинный хвост, струящийся почти до земли. Нергал с ними, с кустами и репейниками — можно ведь и подвязать его, если будет надо.

Хайрас зевал во весь рот, то заваливаясь на бок, то клюя носом в гриву. Он не спал большую

часть ночи, охраняя их маленький лагерь от хищников, и сейчас ему было не до красот природы: лишь бы его рыжий Бониций не споткнулся о змеившиеся по земле толстые корни — полет с высокой спины коня мог бы кончиться для него плачевно. Но гордость не позволяла ему признаться в своей слабости, а Соня ехала впереди как ни в чем не бывало и даже не оборачивалась.

Если бы у юноши были силы раскрыть глаза пошире, он бы удивился тому, как изменилась девушка. Она стала похожа на дикую лесную кошку, обходившую собственные владения. Соня чутко ловила каждый шорох и, прищурившись, зорко смотрела по сторонам, примечая любую мелочь на пути: царапины от когтей рыси на стволе дерева, следы оленя на влажной земле, застывшие в паутине капли дождя. Раздувая тонкие ноздри, она впитывала в себя все чудесные запахи этого леса, забыв о городском зловонии и о существовании города вообще.

Действительно, ей давно пора было уехать из тех мест: уже поползли слухи об особо дерзких кражах из богатых дворцов и даже достигли ушей начальника стражи и нового градоначальника. Незачем зря рисковать... И вот она опять вдыхает полной грудью свежий ветер, пахнувший прелыми листьями, цветами и дождем.

Соня была так поглощена собственными ощущениями, что совсем забыла о своем спутнике, и, обернувшись назад, вдруг обнаружила, что осталась одна. Пришлось возвращаться к той поляне, на которую свернул почуявший свободу Бони-

ций: его седок крепко спал, обхватив руками конскую шею. «Вот так всегда! — вздохнула про себя Соня. — Только свяжись с этими мужчинами, и они тут же попытаются сесте тебе на шею и превратить тебя в няньку! Нергал бы их всех побрал, кровососов никчемных!» Пришлось остановиться, привязать коней. Соня уложила прижимавшего младенца-переростка на траву под деревом и решила отправиться на охоту: закинула за плечо лук и колчан, сунула за широкий пояс дротики... Кроме нее самой никто о ней не позаботится! Девушка давно к этому привыкла, избавив себя от многих разочарований.

Она неслышно пробиралась между большими круглыми валунами, поросшими голубым кружевом лишайников, вспугивая юрких ящериц. Не спеша поднялась на вершину ближайшего холма и, повернувшись спиной к солнцу зорко смотрела вдаль. Где-то там, в Кезанкийских горах, их ждут несметные сокровища. Соня не знала точно, где находится древнее святилище, но надеялась, как всегда, на свое чутье: она найдет это место, чего бы ей это не стоило. Правда, последнее время девушка все чаще задумывалась о том, что, возможно, боги не одобряют ее планов...

Заяц выскочил внезапно из-за куста боярышника. Соня замерла, не дыша. Ветер дул в ее сторону, и учуять человека косою не мог. Зверек уселся к ней спиной, прядая длинными ушами с темными кончиками. Большой жук привлек его внимание, и это погубило зайца: Соня неслышно сняла с плеча лук, натянула тетиву... Стрела с

серым оперением прервала недлинную заячью жизнь. Все друг на друга охотятся. Заяц — на жука, девушка — на зайца...

А вот, похоже, и на нее охотник нашелся... Или... Соня с сомнением смотрела на замершего в кустарнике огромного волка. Или это не охотник, а страж?.. Неужели они уже так близко, что боги заступили ей путь? Девушка облизнула пересохшие губы. Зачем она здесь? Не ошибка ли это? Стоит ли тягаться с богами из-за горстки цветных камешков и желтого металла? Хотя выбора у нее уже нет: страж это или нет, но он не даст ей уйти живой.

Не отводя широко раскрытых глаз от прижавшегося к земле матерого зверя, она положила на траву зайца и бесполезный лук, достала из-за голенища сапога нож и приготовилась к бою. Соня с восторгом смотрела на огромного серого хищника с песочным подпалом — если в это чудовище вселился бог, то будет не обидно погибнуть здесь, в цветущем вереске.

И вот он прыгнул. Соня была готова к этому, но не удержалась на ногах, и они кубарем покатились в овраг. Девушка судорожно цеплялась за траву на крутом склоне, но лишь выронила при этом нож. Он сверкнул на солнце и исчез, не оставив ей никакой надежды. О, боги, вы — рядом. И ждете жертвы... Но почему же вы молчали?!

На ноги они вскочили одновременно. Зверь оскалился. Своими челюстями он перекусывал ноги лосям, и стоявший напротив него слабый

человек не представлял для него никакой опасности. И вдруг Соня рванулась к нему с отчаянным воплем и вцепилась зубами в его морду. Зверь взвизгнул, они упали в траву, сплетаясь в рычащий ком. Соня пыталась стиснуть пальцы на его глотке, уворачиваясь от лязгающих зубов, но это было равносильно тому, как если бы ее пытался придушить тот заяц... Сверкнули клыки, и из рваной раны на бедре толчками хлынула кровь. Это конец...

У Сони красные круги заплясали перед глазами. Она изо всех сил цеплялась за густую жесткую шерсть, судорожно ища выход... О! Дротики! Но ведь для этого надо разжать руки... Девушка больше не думала ни о чем. Она просто боролась за свою жизнь. Молча, с остервенением она впилась зубами в волчий нос. Зверь взвыл, как пес, которого добряк-сосед обдал кипятком, и тут же дротик вошел в его могучее горло. Волк рванулся, но что-то забулькало у него внутри. Зверь недоуменно взглянул на вмиг потемневший мир, задержал лапами, и тут второй дротик нашел его сильное безжалостное сердце.

Соня, хрипя, лежала на дне оврага. Глядя сквозь розовую дымку на застывшую оскаленную пасть, она подумала, что, пожалуй, действительно эти древние дикие зверобоги, о которых почему-то все чаще стали вспоминать люди, ей совсем не рады. Девушка легла на бок и, сжав зубы, стянула с себя сначала куртку, потом полотно рубашку. Сейчас она боялась только одного: потерять сознание и истечь кровью. Бо-

рясь с подступающей дурнотой, она постаралась как можно туже завязать ногу. На это ушли последние силы, и Соня провалилась в беспамятство, успев подумать, что этим склочным богам все-таки придется ее потерпеть. И кое-чем с ней поделиться...

Она пришла в себя, ощутив, как чьи-то дрожащие руки касаются ее обнаженной груди...

* * *

Хайрас, проснувшись, сначала не мог понять, где он находится и что с ним случилось. Потом увидел привязанных лошадей и все понял. Конечно, он позорно заснул! Еще хорошо, что из седла не выпал... Или все-таки выпал?.. Он тщательно себя ощупал, но синяков и шишек не обнаружил, и обрадовано подумал, что, конечно, настоящий степняк с лошади никогда не упадет, пока он жив. Он не выпал — его вынули. И уложили. Ах, Соня!..

Хайрас с удовольствием потянулся, шурясь на солнце, потом вдруг забеспокоился. Похоже, он проспал довольно долго. Куда же она могла уйти? Осмотреть местность? Поохотиться? В любом случае, она давно должна была вернуться обратно...

Юноша оглянулся вокруг. Все тихо. Тогда он взял меч и пошел по ее следам, хорошо видимым по примятой траве. На камнях следы потерялись, зато Хайрас издали заметил убитого зайца и брошенный лук... Ему стало страшно.

— Соня! Со-о-ня!..

—...о-ня...— Откликнулось эхо из леса. Хайрас поспешил к этому месту, и тут ясно увидел следы волка. Приложил к ним свои смуглые ладони и закусил губу: вмятины на земле были большие. Ну и чудовище здесь побывало? И где теперь Соня?..

Юноша вскочил, сжал рукоятку меча, быстро оглянулся — никого. Совсем никого. Только сойки разгалделись в овраге. Сойки!.. Кровь застыла у него в жилах, когда он подошел к осыпавшемуся краю оврага и посмотрел вниз. Меч выпал из его рук, печально звякнув о камни.

— Соня! Соня, не умирай!

Хайрас кубарем скатился вниз, кинулся к ее полуобнаженному телу, едва взглянув на мертвого зверя.

Слава богам! Девушка была лишь без сознания. Но ее грудь плавно поднималась и опускалась. Конечно, не волк же ее раздел и завязал ногу...

Хайрас стоял рядом с ней на коленях, и не мог отвести глаз от розовых сосков. Во рту пересохло. Он облизнул губы и дрожащими руками коснулся чудесных нежных холмиков...

Соня приоткрыла глаза. Она не закричала, не прикрыла грудь руками. Она просто указала ему взглядом на труп волка с торчавшими в нем дротиками. Хайрас отдернул руки и густо покраснел. Потом нагнулся к ней, приподнял ее за плечи и воскликнул:

— Но я же не каменный! Я — мужчина!

— Ты — свинья.

Она стряхнула с плеч его руки и спокойно сказала:

— Если ты еще раз вспомнишь о том, что ты — мужчина, я тебя убью. Помоги-ка лучше мне одеться...

Юноша подчинился безропотно, отдав Соне свою рубашку. Потом они пошли наверх. Соня, сжав зубы, кое-как доковыляла до их стоянки. Легла на траву и велела, закрывая глаза:

— Принеси мои дротики и волчью шкуру.

* * *

В путь смогли тронуться только на следующее утро. Хайрас всю ночь не спал, прислушиваясь к Сониному дыханию. Рану они промыли, смазали бальзамом, обложили лечебными травами, и теперь она мало беспокоила девушку. Слабость еще оставалась, но Соня решила, что в седле она скорее поправится. Такое у нее было верное средство от всех болезней.

Позавтракав зайчиной и водой из ручья, они уселись на коней и поехали дальше, мимо вековых дубов и зарослей орешника. Соня лениво поинтересовалась:

— Скажи, парень, а зачем вам тяжеловозы? Вам что, мало ваших лохматых лошадок? Неужели они не в силах таскать ваш нехитрый скарб?

— Как зачем? Затем же, зачем и вам — для осадных орудий... О! Я видел на базаре, как один такой конь тащил повозку, на которой сидел целый отряд воинов! Вот силач!..

У Сони полезли наверх брови:

— Осадные орудия? С каких пор у степняков — уж извини!.. Да у меня у самой отец — гирканец... Так откуда у вас, степняков, вдруг взялись осадные орудия? И зачем?..

Она вдруг испуганно зажала рот ладошкой. Но Хайрас улыбнулся:

— Вот видишь, ты сама поняла, зачем. А откуда... Да, в общем, это уже не секрет: аквилонские согладатаи давно про это знают.

Соня насторожилась: где-то неподалеку, впереди, слышались какие-то странные звуки. Хайрас продолжал:

— Года четыре назад у нас появился человек, быстро снискавший себе всеобщее уважение и славу. Он мечтает вдохнуть новую жизнь в нашу древнюю землю: объединяет мелкие племена, собирает их под свое знамя, и готовится вести их на завоевание новых земель и городов...

— Что?

— Да-а, он был бы хорошим правителем, он умеет зажечь сердца. — Хайрас уважительно цокнул языком. — Если Богиня изберет его...

— Почему бы и нет, если он такой достойный человек, — заметила Соня и опять прислушалась: звуки были все громче, и все явственнее походили на крики о помощи и звон оружия. О, как ей это было знакомо! Но сейчас она была путником, а не разбойником. Хайрас, по-прежнему ничего не замечая, продолжал:

— За этим молодцом тянется какая-то кровавая тайна. Никто ничего не знает о его семье и откуда он пришел. Но он уже давно собирает

отовсюду мастеров по постройке осадных орудий — нельзя же завоевывать города только с луками да копьями!..

Но Соня уже мчалась вперед, нахлестывая своего белоснежного Лизимаха. Хайрас пустился за ней вдогонку.

Они подоспели вовремя: задержись они еще хоть немного, помогать было бы уже некому. Ведь что может сделать один человек против целой шайки разбойников? А пытался оказать сопротивление лишь огромный толстяк, закованный в латы, размахивающий что было сил своим мечом и выкрикивающий зычным басом проклятия. Двое его спутников, высокий сутулый старик с неприветливым лицом и красивый юноша без кровинки в лице, жались к большому камню за его спиной. Соня сразу поняла, что на них рассчитывать не придется, а у ирла уже сочилась кровь из-под забрала: метко брошенный из пращи камень пробил его шлем и рассек бровь, кровь из которой теперь заливала ему глаза, мешая смотреть. Разбойники атаковали его, как свора собак медведя, оглашая лес радостными воплями в предвкушении добычи.

Спасти несчастных путников могло только чудо. Злодеи с вождением поглядывали на сундучки и котомки у ног дрожащего юнца, который, зажмурив глаза, бормотал срывающимся голосом молитвы. Еще напор — и добыча по справедливости достанется сильнейшим!

Соня летела во весь опор. Она успела лишь один раз выстрелить из лука, раздробив затылок

одному из нападающих, и через миг уже оказалась в гуще схватки. Ее яростный вопль внес сумятицу в ряды разбойников, чем она и не преминула воспользоваться. Меч сверкнул в воздухе, как молния, и тут же обрушился на головы злодеев. Кровь брызнула ей в лицо, на одежду, но она лишь смеялась, скаля белые зубы. Кони храпели, визжали, сшибались друг с другом, кричали раненые, и эти звуки боя были сладостной музыкой для ушей девушки. Она, привстав на стременах, рубила со всего плеча, рассекая податливые тела, а тут и Хайрас подоспел. Подхватив с земли кем-то брошенную саблю, он поспешил вволю напоить ее кровью. И очень скоро все было кончено: жалкие остатки шайки поспешили убраться восвояси, бросив своих убитых и умирающих дружков. Впрочем, последним Соня не дала долго мучиться: она быстро прикончила раненых, и после этого принялась тщательно вытирать свой меч пучками сорванной травы.

Юнец так и стоял, зажмурившись, пока старик не шепнул ему что-то. Тогда он приоткрыл глаза, оказавшиеся дивного густо-синего цвета, и с неммым восторгом уставился на Соню, которая в это время обменивалась крепким рукопожатием с могучим ирлом:

— В бою ты настоящий лев, доблестный ирл! Я полагаю, что ты легко управился бы с этими разбойниками и без нас!

— Агилульф. Зови меня Агилульф.— Толстяк заодно сверкал подбитым глазом и топорщил усы.— Конечно, я бы управился с этими шакала-

ми, если бы кровь не мешала. Так что не умаляя своей заслуги: я готов биться об заклад, что, если бы не ты, эти негодяи уже перебили бы моих друзей, а меня, как рака в панцире, поджарили бы над костром!

Он радостно захохотал, хлопая себя по ляжкам огромными ладонями. Соня с завистью посмотрела на его блестящие доспехи и нарядный малиновый плащ, и, подмигнув Хайрасу, громко сказала:

— Я безмерно счастлив встретить столь славного ирла и оказать посильную помощь. Я бы не простил себе, если бы позволил стае злобных трусливых соек заклевать гордого орла! Зови меня Соннис...— В мужском дорожном костюме она не боялась, что случайные знакомцы признают в ней девушку, выдавать же себя за юнца было не впервой. Почему ей пришлось на ум сделать это именно сейчас, Соня и сама толком не знала — однако внутренний голос твердил, что так будет лучше, а инстинктам своим рыжеволосая искательница приключений привыкла доверять.— А это мой друг —Хайрас.

Она кивнула головой на своего спутника и попыталась слезть с лошади, но боль в раненой ноге заставила ее вскрикнуть. Соня почти упала на землю, и синеглазый юнец в бархатном костюме и богатом меховом плаще тут же кинулся к ней:

— Ах, славный воин, добрый наш спаситель, позволь мне помочь тебе! Давай я обмою и перевяжу твои раны!

Соня бесцеремонно оттолкнула его руки и, чтоб загладить свою грубость, пробормотала, глядя на Агилульфа:

— Глупец всегда отыщет неприятности на свою шею, вот мне и подсунул вчера Нергал волка вместо зайца. Удрать не успел — пришлось кое-как отбиваться... А рану мы уже и обмыли, и перевязали.

Юнец, крутившийся возле Сони, засмеялся было, но тут его взгляд упал на волчью шкуру, скрывавшую под собой круп коня. Синеглазый красавчик изменился в лице и воскликнул:

— О, Агилульф, неужели здесь встречаются такие чудовища?!

Старик высокомерно проскрипел:

— Не изволь беспокоиться, месьор Дионео. С нашим доблестным ирлом не страшны ни хищники, ни разбойники.

Но красавчик уже чуть не плакал:

— Нет, страшны, страшны! Что он один сможет? Ах, если бы эти благородные господа согласились нас сопровождать!

Он вцепился в Сонин рукав и заискивающе посмотрел ей в лицо, жалко улыбаясь. Соня стиснула зубы. Только этого не хватало! Мало ей этого дикаря, так еще какого-то напыщенного сопляка подсовывают. Нет уж!

— Нет! Нам, наверное, не по пути! У нас важные дела! Мы должны исполнить данный в храме обет... Мы спешим!

Но этот Дионео оказался прилипчивым, как пиявка:

— Что за дела? Что за обет? Скажи, месьор! Сдается мне, что наша встреча не случайна: словно Судьба специально свела нас вместе! О! Если бы это было так! Не оставляй меня! Скажи... Скажи, куда вы направляетесь?

Агилульф смущенно крикнул: ему вдруг стало неловко за своего юного приятеля. И что он вцепился в этого Сонниса?.. Соня, подумав, сказала:

— Мы с другом едем на север Кезанкийских гор...

Дионео радостно кинулся ей на шею:

— В древнее святилище зверобогов, да? Ну, скажи!

— Вообще-то, да...

Чудак захлопал в ладоши:

— Представь себе, и мы тоже!

— Я очень рад...— Пробормотала Соня, посылая мысленно его к Нергалу. Она точно знала, что вокруг этого выскочки несчастья так и роятся! И вдруг она услышала голос Хайраса:

— Конечно, мы поедем с вами. И веселее в компании, и спокойнее: никто не посмеет к нам сунуться.

Он смотрел во все глаза на Дионео. «Ну вот, еще один ненормальный!» — раздраженно подумала Соня и тут же присела от добродушного тумака.

— Смотри веселее, друг Соннис! Готов биться об заклад, что, поехав с нами, ты не пожалеешь! Ставлю своего коня против твоего.— добавил он с надеждой в голосе.

— Зачем же утруждать молодых господ? — забеспокоился противный старик, сразу ставший Соне симпатичным.— Пусть они едут своей дорогой, а мы...

— Не вмешивайся, достопочтенный Куфаронус! — накинулся на него Дионео.— Эти молодые господа уже согласились нас сопровождать!

Соня поразились: мальчишка-то, похоже, у них за главного...

Она бросила на землю шкуру волка и расположилась на ней, ни на кого не глядя. И зачем она ввязалась в эту историю? Пусть бы разбойники делали свое дело! Валялись бы эти путники сейчас в канаве, ни к кому бы не приставали!.. Что есть жизнь? Всего лишь подготовка к смерти. Все, от навозного жука до мыслящего человека,— все обречено рано или поздно умереть. Так стоит ли волноваться по пустякам? Сегодня, или через год... В канаве, или в постели... Не все ли равно? Соня запустила пальцы в густой волчий мех. Каждый наш шаг, каждое движение, когда люди, казалось бы, борются за жизнь, на самом деле лишь приближает их к смерти. Никто не может избежать своей Судьбы. Глупо даже мечтать об этом. Зато какое это удовольствие — раз за разом ее испытывать, искушать, дразнить и... оставаться живой! И опять скользить по острию ножа, в глубине души веря в свою неуязвимость. Как в детстве, когда все нянины сказки обязательно заканчиваются благополучно.

Рядом загудел довольный голос Агилульфа, будто огромный шмель жужжал:

— Не сердись, старина Куфаронус! Ох, ну и имячко у тебя... Ибо пытаюсь быть слишком умным, можно одурачить самого себя. Дабы с тобой сия напасть не случилась, послушай байку про одного мужа, который сам себе наставил рога.

Ирл не спеша принялся убирать с дороги убитых разбойников, откладывая в сторону оружие получше. Стреножив лошадей и отпустив их пастись, Хайрас поспешил ему на помощь.

— Так вот. Жил некий молодой человек, который имел счастье жениться на женщине весьма добродетельной. Но хоть он и желал, чтоб жена была ему верна, сам он нимало не считал себя обязанным отвечать ей тем же и прельстился собственной служанкой. У него был друг, с которым он делил все на свете, кроме жены. И, конечно, он посвятил приятеля в свои планы.

Агилульф поддал сапогом чью-то голову, и она послушно укатилась в кусты с глаз долой. Соня лежала на волчьей шкуре, изогнувшись с грацией хищника и не сводила глаз с ирла. Старик взглянул на нее мельком и вздрогнул.

— А служанка отказывалась уступить своему господину и пожаловалась хозяйке, его жене. Хо! Та очень обрадовалась, что, наконец, у нее будет возможность поймать его с поличным, и велела служанке назначить ему свидание в гардеробной. Сказано — сделано: счастливый муженек побежал к другу похвастаться, а заодно предложил ему разделить его удовольствие и воспользоваться женщиной после него.

Дионео вдруг покраснел и мучительно закашлялся, сделав вид, что глотнул дыма; рассказчик же продолжал, как ни в чем не бывало:

— И вот муж в назначенный час отправился в гардеробную, где, конечно, притаилась его жена. Он в темноте да впопыхах это не заметил. Пробыв с ней, сколько хватило сил, он вышел на улицу и послал туда же своего приятеля!.. Ха-ха-ха!.. А жена-то думала, что это опять муж! Дуреха!.. Эй, Хайрас, посмотри-ка вон тот кинжал! Может, сгодится?.. Так вот. Женщина эта была приятно поражена и так довольна, что даже не заметила, что у нее исчезло кольцо. А снял его, конечно, приятель мужа...

* * *

...Куфаронус из-под опущенных век внимательно смотрел на Соню. Что-то его насторожило, но он пока не мог понять, что именно... Ах, вот оно!

То ли игрой света, то ли по воле богов, но вдруг ему опять почудилось, что шкура волка вдруг подняла морду, в пустых глазницах сверкнули глаза... мурашки побежали по его спине: ох, не случайно скрестились их дороги с этими проходимцами! Непростые они люди! Да от этого мальчишки смердит звериной силой, которая не может принадлежать просто человеку... Впрочем, возможно, он об этом и не догадывается... Он опять бросил быстрый взгляд на нового знакомого: человек, свернулся клубочком, не спуская огромных светлых глаз с простака-ирла. И в тот

момент маг вдруг увидел — Рысь возлежит на волчьей шкуре. На побежденном ею волке! О!

Ирл, кряхтя, отволол за ноги два последних тела и подсел к Соне. Улыбки осветили уставшие лица, предвкушая забавный конец истории. И лишь Куфаронус, закрыв глаза, бормотал чуть слышно какие-то заклинания, на которые, впрочем, никто не обращал внимания.

— На следующий день муж, конечно, заметил кольцо на пальце у приятеля и спросил, откуда оно взялось. Тот ему честно выложил, что, мол, в порыве страсти взял на память. Изумлению мужа не было границ. В отчаянии он бился головой о стену и восклицал: «Неужели это я сам себе умудрился наставить рога?!»

Все рассмеялись, а маг раздраженно щелкнул пальцами.

— И в чем же смысл сей глупой шутки?

Агилульф вздохнул:

— Иногда надо позволить событиям самостоятельно выстраиваться друг за другом... Мы не умнее богов, и пусть все идет, как идет — своим чередом. Сейчас ты раздражен, но ведь тебе неизвестно, что скрывается вон за той горой. Может, мы еще возблагодарим судьбу за эту встречу со смелыми юношами? Бьюсь об заклад, что именно так и будет!

Старик отвернулся, чтоб никто не увидел его лица: такой человек, как этот Соннис, может стать для него просто находкой! Сам не ведая того, он усилит магию его заклинаний! И поможет ему справиться со всеми трудностями в

задуманном им деле! О, да! А пока пусть все видят, как он недоволен. Истинно, древо познается по плоду своему.

Немного отдохнув, они тронулись в путь. И раскатистый бас ирла вопрошал на весь лес:

Где же ты, моя милашка?

Почему ты не со мной?

Мое сердце, как букашка...

— Тьфу ты, Нергалово семя!

Мое сердце, словно пташка...

Любимый припев ирл вставлял во все известные ему песни:

Эх, бочка вина

Вся уж выпита до дна!

Соня подхватила, размахивая рукой:

— Эге-гей, гоп!

И вдруг рука ее замерла на полпути: она почувствовала, что сегодня упустила что-то для нее очень важное. Услышала и тут же забыла! Как же так?

* * *

Искры огненным роем взметались к небу, когда Хайрас ворошил горящие в костре сучья. Соня искоса наблюдала за тем, как он отгоняет мохнатой сосновой лапой дым от кашляющего Дионео.

Брови ее сами собой поползли на лоб, но она спохватилась и повернула бесстрастное лицо к потемневшему лесу. Агилульф попросил ее по-

мочь снять с него доспехи, чем они и занялись, заодно обсуждая преимущества аквилонских арбалетов перед бритунскими. Дионео с любопытством посматривал в их сторону, но вступать в разговор не решался, а собеседники решительно не обращали на него внимания. Юноша разочарованно сник, зябко обхватив плечи тонкими руками и еле сдерживая дрожь — вечерняя свежесть пробиралась под замшевый колет. Хайрас аккуратно поворачивал палочки с нанизанными на них тушками перепелок над раскаленными углями, следя, чтоб ни одна не подгорела. Он поглядывал на мага с надеждой, что тот его подменит, но старик ничего не замечал — сидел, как большая нахохлившаяся птица, прикрыв запавшие глаза тяжелыми веками, и по его безжизненному лицу порой юркой змейкой пробегала легкая усмешка. Тогда степняк решительно вытер руки о рубаху, подскочив к Дионео, принялся укутывать его в меховой плащ, за что был вознагражден благодарным взглядом.

* * *

...Небеса благоволили к Куфароносу. С самого детства он чувствовал себя не таким, как все: порой ему казалось, что у него волосы на темени шевелятся от дыхания богов. Они всегда были где-то рядом. Конечно, он рос для великого предназначения! И вот теперь, когда осталось совсем немного, боги делают ему такой подарок: посылают этого мальчишку. О! Маг торопливо потряхнул упавший на его плащ крохотный уго-

лек. Это знак! Ему надо торопиться. Но как подобраться к этому Соннису, чтоб он ничего не заподозрил? Он с тоской посмотрел на нетопырей в небе — их привлекли сюда тучей вившиеся над костром насекомые. И эти люди ничем от них не отличаются: одна презренная мечта набить свою утробу. О, как гнусен мир смертных! Как отвратителен и груб! И как долго он его терпел. Что ж, страдания зачтутся ему сторицей...

Маг прервал свои размышления лишь тогда, когда Хайрас протянул ему аппетитно подрумяненную перепелку. Старик рассеянно посмотрел на него, буркнул что-то невпопад и долго откручивал крылышко, мучительно думая, как же ему быть. Простое решение пришло внезапно, когда он выкинул в костер обглоданные косточки и вытирал травой руки. У него даже мурашки побежали вдоль позвоночника от предчувствия удачи. Прав был его гороскоп: пришло время действовать.

Куфаронус прислушался к общему разговору, который крутился вокруг схватки с разбойниками. Его это совсем не устраивало. Ирл дружелюбно похлопывал Сонниса по плечу и громыхал могучим басом на всю лошину:

— Ах, друг мой Соннис, как лихо ты расправился с этими бродягами! Налетел, как ястреб, и...

Дионео восторженно захлопал в ладоши:

— Ах, месьоры, это было так страшно! И так прекрасно!

Маг медленно произнес:

— Древние божества ткнут паутину наших судеб. И никто не знает, что нас ждет впереди...

Ирл, не понижая голоса, гаркнул, не обращая внимания на мага:

— А поспорим, друг Соннис, что я могу немедленно подарить тебе одну военную хитрость? А? Хочешь?

Хайрас подсел поближе, но Соня лишь рукой махнула:

— Если, любезный ирл, ты подразумеваешь заговоренные латы, волшебный лук или подземный ход в твой город, то ты опоздал: это предлагают все, на каждом базаре, в каждой таверне. Могу в свою очередь предложить тебе коготь тигра или бусы из зубов тринадцати черных кошек. Хорошие амулеты...

Маг опять попробовал вмешаться:

— Люди заносчивы и слепы. Они не видят тайных знаков...

Агилульф стукнул кулаком по земле:

— Нет, давай поспорим на эту вот волчью шкуру, что ты не знаешь то, о чем я собираюсь поведать!

— Ну давай, Нергал с тобой.

— Так вот. Если ты — главнокомандующий армией...

— Ха-ха-ха!

Старик возвысил голос:

— Древнее капище таит в себе немереную темную силу. Примет ли она нас? На кого обрушится?

Великан отмахнулся:

— Ни на кого она не обрушится. Так вот, друг мой Соннис. Ты приказываешь своим лучникам натянуть самые тонкие жилы, а в стрелах сделать узкие пазы...

Хайрас победно вскинул голову:

— Не продолжай, любезный ирл. Все знают, что при этом наши лучники смогут пользоваться стрелами неприятеля, прилетевшими на нашу сторону, а тем наши стрелы с узкими пазами не подойдут для толстой тетивы...

— Вот те на... — Ирл разочарованно хлопал белесыми ресницами.

— Не горюй! — рассмеялась Соня в ответ. — Готов биться об заклад, что мы с тобой сегодня еще о чем-нибудь поспорим!

Агилульф погрузился в размышления, и тут снова маг, протянув длинные пальцы к гаснувшему пламени костра, высокомерным голосом протянул:

— Хвала небесам, подарившим достойнейшим дар предвидения! Люди бессильны против сил природы и капризов богов, и истинная мудрость состоит в том, чтоб избежать разного рода неприятностей!

— Это как же? — заинтересовался Дионео.

Старик помолчал, делая над огнем легкие пассы руками. Его проворные узкие кисти порхали над костром, как белые пауки, завораживая своими плавными движениями.

— Имеющий глаза — да увидит...

— Эй, приятель, у меня целых два глаза! Что я должен ими увидеть?

— Посмотри на свою ладонь, достопочтенный Агилульф. Что ты видишь? Ирл воззрился на свою могучую длань и, после некоторого замешательства проговорил:

— Мозоли вижу, шрамы, а вот тут — пятно грязное от обгоревшей головешки.

Маг мягко взял его кисть, посмотрел на нее внимательно, потом накрыл своей ладонью:

— Жизненный путь твой длинен и извилист, сулит много неожиданностей, как бурный горный поток. Если отпразднуешь свое сорокатрехлетие живым, то дотянешь до глубокой старости. Гудит земля от поступи твоего коня, ирл, но будь осторожен при переходе рек вброд... Остерегайся яда, любезный Агилульф. И своего языка.

Ирл задумчиво рассматривал ладонь, словно надеясь увидеть на ней грозящие ему опасности и лики врагов. Ветер шуршал высокой травой, разнося по поляне негромкий скрипучий голос:

— В твоей жизни, Дионео, ожидаются большие перемены. Ты и сам о них пока не догадываешься, но это вот-вот случится... Что кажется черным — станет белым, что было золотом — обратится в прах, и единорог пронзит луну своим серебряным рогом... А отца ты увидишь нескоро. Или — никогда. Нет-нет, не пугайся: звезда его сияет ярким ровным светом, но издалека.

На руку Хайраса он почти не смотрел. Лишь глянул мельком и отмахнулся:

— Жизнь твоя, как полет ночного мотылька — если успешно минуешь огонь, то проживешь долго. А скорее всего вспыхнешь искрой и

сгоришь в каком-нибудь сражении. Но ты успеешь вкусить и большое счастье, и большое горе...

Закричала поблизости ночная птица. Дионео вздрогнул и подвинулся поближе к огню, усевшись рядом с Соней. Тут же около них возникла из темноты сутулая фигура Куфаронуса:

— А ты, месьор Соннис, не желаешь приподнять полог тайны над твоим будущим?

Соня поежилась. Она недолюбливала всевозможных магов и колдунов, бессознательно им не доверяя. Девушка уже привыкла за годы скитаний, что к ней обращаются в двух случаях: либо хотят как-то нажиться, либо просто облапошить. А что надо этому старику?

Девушка нехотя протянула ему руку.

Над поляной повисла тишина. Куфаронус замер, плотно сжав губы и прикрыв глаза, боясь выдать себя малейшим звуком. Вот оно что! Да это девушка! Как же он раньше не рассмотрел ясное и сильное сияние ее золотистой ауры?! И притом — девственница! Сонмы мыслей и чувств метались в его голове. Какими мелкими казались ему теперь его планы в сравнении с тем, чего он мог добиться, вооруженный таким знанием. Маг спрятал за спину дрожащие руки, ставшие вдруг влажными от волнения, и заговорил вкрадчивым голосом:

— Дитя мое, волнение сжимает мое сердце! Ибо большая беда нависла над твоей головой!

Соня пожала плечами:

— Я уже привык. Так что можешь на этом не задерживаться.

Старик всплеснул руками:

— Но я чувствую неведомую Силу, присутствие богов! Это плохой знак!

— Конечно, мы же идем к их святилищу! Понятно, что они не рады незванным гостям.

Она чуть было не добавила «желающих пожить за их счет», но вовремя спохватилась: для всех — они лишь обычные паломники. Лихорадочный румянец проступил на впалых щеках колдуна. Он понял, что девица не знает о своих способностях! Не знает! Но не мешало бы лишней раз в этом убедиться.

— Жизнь твоя трудна и полна бедствий и несчастий, но смерть обходит тебя, забирая других... Тех, кто рядом с тобой.

— Да уж... Не везет беднякам. Судьба!.. С этой госпожой не поспоришь.

— Ты чувствуешь беду. Ты чуешь ее приближение, крадется она или летит.

— Да что-то такое... Везет, наверное. Да просто не пришел еще мой час, вот и все. И, право же, это совсем не интересно. Расскажи-ка лучше, что меня ждет?

— О-о-о! Милый юноша, тьма подступила к самому порогу! Берегись!

Маг ликовал. Она действительно ничего не знала, эта бродяжка! Она полагала, что ей просто везет! И теперь ее сила — в его руках!

— Демоны Темного Мира и лесные духи уже близко! Совсем рядом. Один ты не выйдешь из этого леса. Я вижу, как лисицы глодают твои кости, как трава растет из пустых глазниц... — Он

продолжал что-то вдохновенно врать, а сам думал про себя: «Да, красавица! Духи действительно близко! И ты их чувствуешь. Ты не можешь не чувствовать бога! Но ты не знаешь... Зато кровь девственницы — это ключ к моему могуществу. Смогу ли я тебя обманом уговорить порезать руку над жертвенной чашей, или придется тебя для этого убить, но, смешав твою кровь и мои заклинания, я наконец получу власть над зверобогам!»

—...Соннис, послушай старика, тебе нельзя идти туда одному. Лишь мои заклинания и магические знаки спасут тебя от неминуемой смерти! А уж там, в святилище, мы вместе вымолим милость у грозных древних богов. Поверь, я от души желаю тебе добра!

Дионео, с тревогой прислушиваясь к их разговору, схватил Соню за руку:

— Прошу тебя, согласись! О, неужели ты можешь погибнуть?! Нет!

— Да что ты волнуешься? — Хайрас положил ему руку на плечо. — Мы и так идем с вами. Это уже решено. И, вообще, хватит с нас страшных сказок на ночь глядя.

Дионео улыбнулся через силу, но глаза его с тревогой перебегали с одного лица на другое в поисках защиты и поддержки. Хайрас сощурился и негромко сказал:

— Не бойся, Дионео, разгневанных богов — их можно умиловить. Бойся людей — они неумолимы.

Соня рассмеялась:

— Да что вы все, сговорились тоску нагонять? Есть темы куда более достойные воинов. Оставим же волшебство и прорицания детям и старикам, а сами поговорим о достоинствах маленьких гирканских луков и тонконогих шадизарских скакунов!

Агилульф замотал лохматой головой:

— Да уж, брат Куфаронус, гораздо ты туману напустить. Испугал совсем нашего brave Дионео.

С этими словами он ласково хлопнул юношу пониже спины:

— Отправляйся-ка ты спать, малыш. И ничего не бойся. Уж пора мужчиной становиться!

Соня с хрустом потянулась:

— Идите-ка вы все спать. А я посижу, покараулю. Все равно рана не даст уснуть. Буду от вас злых духов отгонять. Как полагаешь, маг, получится у меня?

Куфаронус натянуто улыбнулся и, поджав губы, полез в шалаш вслед за Дионео. Хайрас, прежде чем присоединиться к ним, сходил проверить коней.

* * *

Соня сидела на волчьей шкуре, прислушиваясь к таинственным ночным шорохам. Небо, налившееся густой синевой, сияло звездами. Девушка пыталась вспомнить, что же такое важное она упустила в разговоре с Хайрасом, но ноющее бедро мешало сосредоточиться. Она погладила подпаленные волчьими ушами. Боги посылают нам

знаки. Надо лишь увидеть их и понять. Зверь, чей ты посланник? О чем меня предупреждал?

Тяжелые шаги Агилульфа отвлекли ее от размышлений.

Ирл потоптался нерешительно, потом присел на край шкуры, протянул Соню склянку.

— На-ка вот, попробуй... Знаменитая мазь лекаря нашего правителя. Жар как рукой снимает! И, вообще, исцеляет в один миг.

Соня смутилась:

— Да, ладно, сущие пустяки... Не стоило беспокоиться. Но спасибо тебе за участие.

— Вот! Речь настоящего воина! Люблю тебя за это!

Могучий дружеский хлопок по плечу чуть не припечатал девушку к земле, но она нашла в себе силы непринужденно улыбнуться.

— А что, мой юный друг, не сразиться ли нам с тобой в одну занимательную кхитайскую игру? Глядишь, и ночь пролетит незаметно.

— С радостью, смелый ирл, если это доставит тебе удовольствие.

— Доставит, доставит... Вот слушай-ка. Я напьюсь эти два наперстка крепким аквилонским вином. И выпиваю. Вот, смотри... Теперь я должен либо рассказать какую-нибудь историю, либо правдиво ответить на любой твой вопрос. Затем наступает твоя очередь выпить наперсток и поведать свою байку. И так далее. Кто первый не сможет после наперсточка связать два слова, тот и проиграл. Готов биться об заклад, что я тебя переpleчу!

Соня скорчила серьезную мину, чтоб не рассмеяться, и согласно закивала рыжими кудрями. Она-то знала, что у нее в одном кармашке лежит жабий камень, который уже не раз выручал ее на шадизарских попойках, высокопарно именуемых пирами.

Много находилось желающих развязать красавице язык за щедрой выпивкой, но ни разу это не удалось. Вот уж не думала она, что и в дремучем лесу этот камешек ей понадобится! Надо только незаметно сунуть его под язык.

Круглая оранжевая луна плыла за острыми верхушками елей. Дикий лесной кот, пробираясь на охоту, долго следил немигающими глазами за людьми, коротающими ночь у костра. Запах дыма неприятно щекотал ноздри и вызывал острое желание пуститься наутек, но зверь, вздыбив шерсть, все прислушивался к незнакомым звукам человеческой речи. Огромный великан, развалившись на своем плаще, заплетающимся языком вещал:

— И тут возвращается одноглазый муж моей подружки! Что тут сделаешь? Под кровать с моим животом не залезть, в сундук — тоже... Да и негоже благородному ирлу в сундуках хорониться! Задержала моя пышечка балдахин над кроватью, а сама подбежала к супругу, обняла его, и радостно трепеща говорит: «Мой дорогой, мне приснился чудесный сон, что ты стал видеть и вторым глазом. Давай-ка проверим!» С этими словами она, конечно, закрывает ладошкой его единственный глаз, и муж становится слепым,

словно крот! А уж я не оплошал: проскользнул мимо него неслышно, словно тень! Вот ведь до чего ловка женщина, когда ей надо избежать опасности!.. Ха! Ну, мой любезный друг, теперь твоя очередь!

Соня легко опрокидывает наперсточек, и, как ни в чем не бывало подхватывает беседу:

— По поводу женщин ты, конечно, прав. Вот тому еще одно доказательство. Скончался один мой друг, человек очень жадный. И так он боялся гнева богов, что написал в завещании, чтоб жена продала его коня, а деньги раздала нищим у храма. Ну, супруга, конечно, в ужасе — кредиторы нагрянули, дети плачут... Пошла она в храм Митры, совершила, как полагается, жертвоприношение, попросила у бога совета. Так вот снится ей сон, будто водит она по базару коня и кошку. К чему бы это?..

— Да уж, к чему? — еле ворочает языком Агилульф.

— Вот она и ломала себе голову несколько дней, пока не сообразила. Вызывает к себе слугу и говорит. Так мол и так, ступай на базар, продай коня за один дублон. Но конь, говори, продается только вместе с кошкой, которая стоит девяносто девять золотых. Слуга так и сделал. И довольная хозяйка раздала попрошайкам один золотой, полученный за коня, а на оставшиеся девяносто девять зажила себе припеваючи.

Ирл начал клевать носом. Соня толкнула его в бок:

— Эй, приятель, я рад тебя выслушать.

Агилульф посмотрел на нее ословевшими глазами. Тогда Соня предложила:

— Что ж, если истории у тебя иссякли... При твоей любви к спору наверняка бывали у тебя проигрыши. Так расскажи мне о самом большом. Только честно!

Великан вмиг протрезвел. Он сидел, моргая испуганными глазами, открывая и закрывая рот.

— Ну что же ты?

— Что ты об этом знаешь?

Могучий рык прокатился до ущелья. Соня пожалела, что задала этот вопрос. И что это его так разобрало? Она сказала мягко:

— Я не знаю, любезный ирл, чем я мог тебя обидеть? Клянусь, что ничего раньше я не слышал, ничего не знаю. Но, признаться, ты раздражил мое любопытство, а поскольку условия игры предложены самим тобой, то...

Соня развела руками. Агилульф схватился за голову:

— О, горе мне, несчастному!

Девушка опешила:

— Прости, друг мой, если я по неведению разбередил твою старую рану, в то время, как ты так любезно пытался врачевать мою! Если тебе неприятен сей разговор, давай забудем о нем... Будем считать, что спора не было...

— Как это «не было»? — Ирл даже подпрыгнул. — Нет уж! Я честно выигрываю и мужественно проигрываю, и нет нужды отменять наш спор. Все равно ты все узнаешь, так уж лучше от меня...

Он решительно наполнил свой наперсток вином и быстро выплеснул его себе в рот. Соне стало стыдно за свою уловку с жабым камнем. Ну, что сделано — то не воротись. А Агилульф решительно произнес:

— Рядом с тобой лежит мой стальной щит. Дай-ка его сюда.

Девушка выполнила его просьбу. Ирл подвинулся к ней поближе и глухим напряженным голосом пробормотал:

— Смотри-ка в этот щит. Что ты видишь?

— О, боги!

У Сони волосы зашевелились: в начищенном до блеска небольшом круглом щите отражалась только она одна. Воин сидел, горестно опустив голову.

— Как же это случилось? Что произошло?

— Проиграл...

— Про... Что?

— Отражение. Проиграл свое отражение...

— Ты, наверное, смеешься надо мной, друг Агилульф?

— Да какой уж тут смех? Ты что, не видел?

— Не могу поверить...

— Придется. Хотя я был бы счастлив с тобой согласиться, что этого не может быть.

— Ну, значит, здесь без колдовства не обошлось. Не так ли?

— О, да.

— О! Я всегда говорил, что от колдунов надо держаться подальше! Если маг неумелый, то он ненароком может превратить тебя в паука, на-

пример. А если слишком умелый — он сделает это намеренно.

— Истинно... Истинно так! Именно так все и было! О, горе мне! И если зверобог мне не поможет, то хоть не выходи из этого леса к людям — не будет мне жизни!

Соня сочувственно обняла его за вздрагивающие опущенные плечи:

— Но что же все-таки произошло? Какой демон украл твоё отражение?

Ирл рассеянно хлебнул вино прямо из горлышка большой бутылки. Потом, разворошив усы, вытер губы тыльной стороной ладони и, вздохнув тяжело, поведал свою печальную повесть.

— Ах, друг мой Соннис, это был самый страшный день в моей жизни!

Он смотрел на темнеющий лес, но взгляд его блуждал где-то далеко отсюда.

— Как сейчас помню, препоганный выдался денек с самого утра: слуга, негодяй, опоил коня, и тот околел еще до наступления темноты. Из бочки моего любимого пива слуга выловил крысу, и благородный напиток вылили в канаву — на радость свиньям. Потом явился мой самый назойливый кредитор и долго бушевал под окнами, требуя суда и расправы. И в довершении всего, когда я уже под вечер собрался в таверну, то второпях прищемил себе дверью палец... Да. Даже ноготь потом сошел. А тогда... Тогда я был вне себя! Я мечтал оторвать кому-нибудь голову, сожрать его мозги и запить их вином, налитым в этот пустой череп. Ух! Вот как я был зол!

Прибежал в «Красного петуха», двинул кому-то в ухо, опрокинул на кого-то стол, словом — отвел душу. И вот тут-то все и началось. А что — я толком и не помню... Как морок какой-то на меня нашел! Словно и я это был, а как будто и не я. Точно знаю: играл с кем-то в кости. Сначала на всякую мелочь. Мне так везло! Я хохотал, как безумный! А этот... этот демон лишь раззадорил меня. И, конечно, ободрал до нитки. Это уж как водится: в плохом настроении кости в руки не бери! Ну, да мне не привыкать... А потом... О, боги!..

Потом он предложил мне отыграться. Поставить все против моей души. Я, конечно, уперся — ни за что! Лучше голым домой бежать, прикрыв срам ладошкой! Но этот... взял меня за руку, гладит ее эдак, да и говорит: «Ну, коли на душу играть боишься, так давай хоть на отражение». А сам все гладит руку, гладит. И тут такой азарт меня обуял — и страх куда-то подевался. Играю, руки трясутся, в глазах — круги кровавые, а я только на кости смотрю, только они в глазах... Пришел в себя на пороге своего дома. Видно, какая-то добрая душа пожалела, довела. А я-то как есть голый! Лишь чьим-то рваным плащиком прикрыт. Стою, дрожу, как лист, весь в холодном поту... То ли бред, то ли явь!.. Зуб на зуб не попадает, а вокруг, в воздухе, словно колокольцы звенят — будто смеется кто-то. Ну, тут слуги сбежались, ввели в дом, уложили в постель... Ох, такую ночьку нее скоро забудешь. Даже говорить не хочу, какие кошмары меня

терзали, какие чудовища скалили смердящие пасти у моего изголовья... Ох!

Ирл схватил дрожащими руками заветную бутылку и надолго припал к ней. Соня с любопытством следила за ним: не часто увидишь смелого ирла в столь плачевном состоянии.

— Проснулся я, как после тяжелой болезни. Едва передвигая ноги, как древний немощный старец, прошел по залу, постоял у окна, послушал завывание ветра в очаге. И потянулся к серебряному кувшину... Но в гладком блестящем боку сосуда я увидел лишь отражение свешивавшихся со стен боевых знамен! А меня там не было! Я ущипнул себя на всякий случай и взвыл от боли — это был не сон. Тогда я помчался по залам, но ни в одном зеркале, ни в одном щите или кувшине ни разу не увидел своего искаженного от страха лица!

О, друг мой Соннис, да не дадут боги пережить тебе такое несчастье, ибо с тех пор жизнь моя превратилась в кошмар. Одна зыбкая надежда у меня осталась — на милость здешних древних богов.

Тишина царила на поляне, нарушаемая лишь легким храпом Куфаронуса. Соня подбросила в костер лапник, чтоб разогнать надоевших комаров.

Огонь с яростным треском накинута на хвою, которая мгновенно скручивалась в спиральки пепла. Желтый дым пополз по траве, влажной от ночной росы. Девушка покосилась на поникшего ирла:

— А что, любезный Агилульф, если из огня живая саламандра выскочит, что мы будем делать?

Тот лишь рукой махнул:

— Подумаешь, беда какая... Вон в рукавицу мою поймаем. Я уже так-то ловил, помнится, демоненка на какой-то попойке... Накрыл его, как мышку. Только попискивал. Да обиделся он с тех пор на хозяина — нет-нет, да отчебучит какую-нибудь гадость. Больше меня в тот дом не приглашают...

Соня рассмеялась, хлопнув ирла по колену:

— Ну, друг мой, тогда я за тебя спокоен. Бесстрашное твое сердце не даст тебе впасть в пучину уныния. С отражением ли — без него ли, но ты не пропадешь! Покуролесишь еще на своем веку!

Агилульф с сомнением покачал головой:

— Но как же мне жить среди людей, которые всякий раз показывают на меня пальцем, где бы я ни появился?

Девушка пожала плечами:

— У каждого человека есть что-то такое, за что можно показать на него пальцем. После первого же скандала или хорошей драки жадная до новых развлечений публика забудет про тебя и накинется на новую жертву, как стая стервятников. Не горюй. Давай-ка лучше растолкаем степняка — пусть он теперь комаров кормит. А нам надо выспаться, а то что-то мне везет на приключения. Каждый день преподносит сюрпризы один другого хлеще. Иди буди Хайраса, да

ложись на его согретое место, а я пока воспользуюсь твоей чудодейственной мазью.

* * *

...Соня лежала распятая на огромном жертвенном камне. Взгляд ее блуждал по черным гранитным сводам высокой пещеры, холодной и гулкой.

Кто-то невидимый держал ее руки и ноги с такой силой, что она не могла даже шелохнуться. У самого уха раздавалось хриплое дыхание, изредка прерывавшееся стоном. Ей это уже порядком надоело, когда она сообразила, что стоны — ее собственные. О, боги! Какой стыд! Она тут же взяла себя в руки и больно прикусила дрожащие губы.

И вдруг чудовищный рев обрушился на нее сверху. Звук становился все выше, постепенно переходя в раздиравший уши визг. И тут же туча беспрерывно мелькавших перепончатых крыльев заполнила все пространство, принеся с собой удушливый запах серы. Что-то надвигалось вслед за этим копошащимся роем. Широко раскрыв глаза, Соня пыталась рассмотреть это в кромешной темноте свода. И вот показалось нечто, похожее на белое облако.

Девушка сжалась. О, ей бы сейчас лук в руки! Облако опускалось все ниже, приобретая очертания закутанной в длинный плащ фигуры... С тревогой вглядываясь в то место, где под капюшоном должно быть лицо, Соня ничего не могла увидеть — лишь какие-то смутные тени.

Фигура, казавшаяся бесплотной, опустилась на землю рядом с ней. Плащ клубился, словно от сильного ветра. Вот она взмахнула рукой, и в воздухе прямо над телом девушки повис старинный золотой кинжал с трехгранным лезвием и рукояткой в виде чудовищной головы не то зверя, не то демона. Визг внезапно смолк. И в мертвой тишине раздался чуть слышный скрежет: рукоятка кинжала явственно скрипела мелкими острыми зубами. По мановению все той же руки кинжал подплыл к телу девушки и застыл на расстоянии ладони от ее груди.

И тогда Соня не выдержала — забилась, закричала страшно, и тут же ощутила острую боль: мелкие зубы впились в ее обнаженное плечо. Брызнула кровь, девушка изогнулась в конвульсиях и бессильно упала на плиту: бороться не было возможности... Осталось покориться Судьбе. И вот кинжал золотым лучом коснулся ее нежного смуглого тела и тут же мягко и глубоко вошел в плоть. Он разрезал ее грудь и тут же исчез. Кровь горячим потоком хлынула на гранит. И тут же белая фигура склонилась над распростертым кровоточащим телом. Соня глянула под капюшон: за складками ткани развернулась черная бездна Холодная и безжизненная. Лед проник в ее рану, обжигая внутренности, и во взметнувшейся вверх длинной руке девушка увидела свое живое пульсирующее сердце.

В миг пещера заполнилась чудовищами — полулюдьми-полуживотными, которые, отталкивая друг друга, жадно тянулисьлизнуть ее кровь.

Бледные тела, поросшие редкой шерстью, звериные морды... Странное оцепенение охватило Соню. Будто все происходило не с ней. Она бесстрастно слушала, как чей-то голос произносит заклинания. И под эти звуки ее собственное тело начало покрываться пятнистой шерстью. Последнее, что она заметила, была огромная рысь с блестящими янтарными глазами, возникающая из ниоткуда и вонзившая клыки в ее трепещущее сердце, поднятое над ней костлявой рукой...

— Эй, друг Соннис, проснись! Ну что ты рычишь, как раненый зверь? Подумаешь, страшный сон!..

Соня, тяжело дыша, медленно открыла глаза. Сон? Неужели сон? Она с трудом села. Сердце билось у самого горла, как испуганная птица. Оглянулась вокруг: сквозь увядшие ветки шалаша проглядывало ясное утреннее солнце, играя на каплях росы в траве. Девушка несколько раз глубоко вздохнула. Наконец нашла в себе силы выйти из шалаша. Бедро почти не болело. Она присела несколько раз, разминая мышцы, потом подпрыгнула и повисла на толстой ветке дерева. Острая боль рванула плечо. Соня спрыгнула вниз и сдернула куртку: на коже атели глубокие следы острых зубов.

Сон...

* * *

К полудню погода испортилась. Солнце скрылось за низкими свинцовыми тучами, а ветер швырял в лица пригоршни мелкого града. Белые

горошины отскакивали от лат, таяли на горячих крупах коней. Холод пробирал до костей. Они ехали по узкой горной тропе вдоль крутого каменистого склона. Редкие корявые сосны, размахивая лапами, гнулись до самой земли. Кони беспокоились. Они храпели, прижимали уши и испуганно шарахались от каждого камня и куста. Соня с трудом сдерживала своего белоснежного Лизимаха, он то почти садился на склон, то вдруг вставал на дыбы, роняя с губ липкую пену. Всадники внимательно озирались по сторонам, опасаясь нападения разбойников или хищников. Хотя в такую погоду можно не бояться засады. Но кони были даже не просто обеспокоены: в их умных глазах светилась безумная паника.

Впереди маленького отряда ехал Агилульф. За ним — Дионео, которого осторожно поддерживал Хайрас, невзирая на сердитые взгляды следовавшего за ними по пятам Куфаронуса. Замыкала процессию Соня, беспокойно вертя головой, припорошенной мелкой ледяной крупой, и дуя на озябшие пальцы. Ее не пугала непогода — в долгих скитаниях ей случалось и замерзать в снегах на горных перевалах, и страдать от жажды в выжженной степи, и спастись от лесных пожаров. Но сейчас... Где-то рядом бродила опасность. Она лишь выжидала удобного момента, чтобы обрушиться на беспомощную горстку людей.

Далеко позади остался лес. Сейчас лишь горы скалились острыми обломками камней. Девушка порылась в кармане, нашла там несколько сухих ягод, сунула их за щеку. И тут же испуганно

выплюнула: ее глаза, уловили какое-то движение у вершины горы, вдоль которой они пробирались. Она не успела ничего сообразить, но уже кричала изо всех сил, зовя своих спутников. Люди испуганно сбились в кучу, с отчаянием глядя на потоки грязи и камней, стремительно скользящие по склону, сметая на своем пути сосны, как соломинки.

— Назад! Быстро все назад!

Кони понеслись вскачь не разбирая дороги. Соня бросила поводья

Она все равно ничего не могла сделать. Если повезет, то красавец-жеребец спасется сам и спасет ее. Теперь они в руках богов. Как тем заблагорассудится распорядиться их жизнями? Куда перетянет чаша весов?

Гул селя усиливался, приближался. Маленький отряд летел во весь опор, рискуя скатиться в каньон. В дрожащем холодном воздухе происходило что-то непонятное. И вот поток грязи и камней их настиг, увлек вниз по склону на дно ущелья. Соня только успела выдернуть из стремян ноги, чтоб конь не раздавил ее случайно, и заметила, что Хайрас прижал к себе Дионео. Дальше все смешалось. Вязкая каша подхватила девушку, закружила, сдавила грудь, не давая дышать.

Соня мертвой хваткой вцепилась в ствол сломанной сосны. Будь что будет. Она даже не испугалась, когда сосна, налетев на камень, сломалась, как щепка, и грязь накрыла ее с головой. Судьба...

Она задержала дыхание, отдавшись потоку. И вдруг все закончилось. Соня лежала, погребенная под неподвижной грязью. Девушка попыталась выбраться на воздух, но вязкая жижа крепко держала ее в своих ледяных объятиях. Боль раздирала грудь, огнем жгло легкие, она из последних сил сжимала губы, чтоб не захлебнуться.

Чья-то цепкая рука схватила ее за шиворот и сильным рывком извлекла на свет. Соня разлепила глаза и тут же принялась хохотать, глядя на чумазую физиономию ирла Агилульфа. Он сначала опешил, решив что она тронулась умом, но поняв, в чем дело, тоже ткнул ее черным пальцем и схватился за бока. Соня скорее почувствовала, чем увидела, что рядом еще кто-то шевелится. Они с ирлом усердно принялись шарить в грязи, пока не выловили, наконец, задыхавшегося мага. Его глаза метали молнии, но грязная каша, сползавшая с его долговязой фигуры, настолько не соответствовала его образу гордого волшебника, что Соня, как не сдерживалась, осела опять в грязь, захлебываясь уже от смеха.

Успокоившись, они принялись озираться в поисках Хайраса и Дионео, и вскоре действительно увидели их. Друзья брели по пояс в грязи, поддерживая друг друга. Богам не понадобились сегодня их жизни. Они лишь напомнили о своем присутствии. А вот из коней удалось найти лишь могучего Альдобранда. Агилульф обнимал своего жеребца, как лучшего друга, которого считал погибшим, и сиял, как медный кувшин, всеми своими веснушками. Он бы прыгал от радости,

потрясая животом, да больно грязь была вязкой. Но посадить на коня пришлось Дионео и Куфаронуса, совсем выбившихся из сил. Хайрас заботливо помог своему юному приятелю забраться на широкую конскую спину, прикрыл его узкие плечи своим плащом, но Дионео не сводил сияющих глаз с Сони...

Девушка фыркнула и отвернулась. Ее не интересовала личная жизнь Хайраса и его сердечные проблемы. Если ему нравится этот заморыш Дионео... Что ж, в конце концов, дело вкуса. Но Дионео-то, похоже, облюбывал ее, Соню. Точнее — Сонниса. Вот дурак! Хорошо еще, что он только глазки строит. Попробовал бы этот мозгляк распустить руки! Ох, какую оплеуху она бы ему влепила! Девушка сейчас была бы рада обвинить его во всех свалившихся несчастьях — так ее раздражала его слащавая физиономия, которую не портили даже грязные разводы. Проклятый маменькин сынок! Извращенец несчастный!

Соня отвернулась, и пока Агилульф усаживал сзади Дионео старого мага, внимательно всматривалась в мрачный пейзаж. Вдруг у корней огромного вывороченного дерева что-то шевельнулось. У Сони тревожно заняло сердце. Она еще не знала, что там найдет, но уже чувствовала, что это причинит ей боль.

У корней лежал Лизимах. Его белая шелковистая шерсть стала грязно-бурой, а в умных глазах светилось почти человеческое страдание. Он жалобно заржал, увидев Соню, и опять с тихим стоном уронил голову на сплетенные корни.

Девушка поняла, что конь уже не встанет: то ли ноги повредил себе, то ли позвоночник... Соня закусила губу. Она никогда не жалела людей — они сами виноваты в своих несчастьях. Но кони... Кони были ее слабостью. И вот сейчас боги поразили ее в самое уязвимое место. Окружающий мир исчез. Остались лишь страдающие глаза несчастного Лизимаха.

Что такое жизнь? Это лишь путь к смерти... Соня медленно вытерла широкое лезвие кинжала о хвою, аккуратно вложила его в ножны, взглянула последний раз в потускневшие глаза. Когда она повернулась к спутникам, на ее застывшем, словно маска, лице не было ни слезинки. Все молчали. Ирл хотел было по-дружески хлопнуть девушку по плечу, выражая таким образом сочувствие, но она отстранилась и побрела прочь, с трудом разгребая ногами густую грязь. Ей хотелось остаться одной, и все это поняли.

Соня пробиралась между вывороченных камней и поверженных деревьев по хлопающей жиже, и в какой-то момент почувствовала, как шевельнулись волосы на затылке — будто кто-то легко провел рукой. Она замерла. Что-то сейчас произойдет!

Девушка поспешно проверила, все ли ее оружие при ней, и с раздражением подумала, что для одного дня впечатлений слишком много. Как будто кто-то задался целью от них избавиться. Только что-то ему все время мешало...

Но что это? Что за звуки? Будто гора встала на ноги и, громко чавкая грязью, не спеша про-

тискивалась по каньону. Не раздумывая, Соня натянула тетиву и поспешила навстречу. Картина, открывшаяся ей за поворотом, пригвоздила ее к месту: грязь, булькая и вспучиваясь, сама собой собиралась в какую-то бесформенную гору, которая, меняясь не глазах, будто под руками невидимого скульптора, все больше становилась похожа на огромную безобразную обезьяну.

Соня замерла, со страхом наблюдая, как у чудища приоткрылись маленькие подслеповатые глазки, как вытянулись руки, и как оно этими руками неуклюже принялось выдергивать из своего «тела» обломки деревьев.

Потом вдруг закрутило головой — в разные стороны полетели комья грязи. И неуверенно, но упрямо, шаг за шагом, направилось в ту сторону, где ждали Соню ее ни о чем не подозревающие спутники.

Девушка смело выбежала навстречу чудовищу и быстро, одну за другой, выпустила в него несколько стрел. Что ж, с тем же успехом она могла стрелять в скалу. Зато монстр ее увидел, и его неумелые хаотические движения сразу обрели уверенность и целенаправленность. Чудовище двинулось к Соне.

Девушка поспешила к своим спутникам. Ей не пришлось ничего объяснять: люди увидели все сами. Но как двигаться в жидкой глубокой грязи? Хайрас тащил под уздцы Альдобранда, на котором маг с трудом удерживал бьющегося в истерике Дионео, а ирл бесцеремонно обеими руками подталкивал жеребца в мощный зад.

— Скорее! Скорее, проклятая кляча! — Хайрас дергал узду, но бедный конь и так делал все, что мог. Казалось, вся природа ополчилась на пришельцев, во что бы то ни стало решив их уничтожить.

Чудище неумолимо ковыляло вслед за ними, закрывая собой весь просвет в ущелье. Вдруг конь упал на колени, и седоки с криком полетели в грязь.

— Соннис! Спаси меня! Спаси! — рыдал Дионео тонким ломким голосом.

— Проклятье! — Агилульф приподнял коня под брюхо и дал ему хорошего хозяйского тумака. А живая гора, между тем, уже нависла над ними. Соня видела, как «обезьяна» подобрала мертвого Лизимаха и небрежно кинула его в свою широкую пасть, с угла которой тут же побежал ручеек крови на колыхавшееся брюхо. Похоже, кровь придавала ей силы. А путников теперь могло спасти только чудо. Чудо! Соня хлопнула себя по лбу. Как же она не сообразила! Ее крик заставил вздрогнуть всех:

— Эй, старик, хочешь ты или нет, но тебе придется поколдовать! И чем быстрее, тем лучше! Слышишь?

— Да! Конечно! Ты же можешь! — Дионео кинулся к магу и вцепился в его грязный плащ. Дрожащий Куфаронус повернул свое серое от ужаса лицо к чудовищу, и принялся что-то быстро-быстро бормотать, размахивая костлявыми руками. Соня с надеждой прислушивалась к его завываниям, но, повернувшись к «обезьяне», убе-

дилась, что на нее колдовство не действует: как шла, так и идет себе по ущелью, уверенная в том, что ее добыча никуда от нее не денется.

Соня сдернула с плеча лук, тщательно прицелилась и выстрелила. Стрела впиалась в глаз, но чудовище этого даже не заметило. А бежать было поздно: грязь становилась все глубже. Что ж, оставалось только погибнуть с мечом в руках. И Агилульф добрался до нее и встал рядом, приготовившись к последней схватке.

Эта черная туча налетела внезапно, будто она пряталась за горой до поры, до времени. И тут же с небес обрушились потоки воды.

У Сони пронеслось в голове, что умыться сейчас было бы весьма кстати. Если бы не это чудовище. Но его, похоже, тоже озадачил ливень: оно замерло на месте, в нескольких шагах от людей, и тревожно завертело головой, потом попыталось прикрыть ее руками, по которым безжалостно лупили струи дождя. Соня и Агилульф не сводили с него глаз и вдруг увидели, что толстые пальцы этой «обезьяны» размякли и стали кусками отваливаться. С головой тоже происходило что-то непонятное: она превращалась в бесформенную массу. Вот уже и глаз не стало, и щель рта залило размокшей грязью. Перед ними опять была просто гора грязи, которая еще подрагивала, шевелилась, но уже ничего не могла сделать.

Хайрас подхватил Дионео, закинул его на спину лошади, и начал карабкаться наверх, таща за собой упиравшегося Альдобранда.

— Соня, беги! Ущелье сейчас затопит!

Маг, замерший с воздетыми к небесам руками, вздрогнул и, подхватив подол своего длинного одеяния, заковылял вслед за ними, поглядывая на быстро расползавшуюся по ущелью гору грязи. То, что Хайрас в спешке назвал девчонку Соней, только подтвердило его догадку, а все остальные, конечно просто не обратили на это внимания. Не до того... Унести бы ноги! Но это становилось все труднее: подошвы сапог соскальзывали с мокрого склона, и не за что было даже уцепиться.

Соня подняла голову: скопившаяся за остатками чудовища вода упрямо размывала себе дорогу, ручьи с шумом текли вниз. Их становилось все больше, больше, и вот уже гора уподобилась решету. А через несколько мгновений дрогнула, зашевелилась, словно вновь ожила, и тут же обрушилась в ущелье, смывая все на своем пути. Агилульф с Соней уже успели подняться достаточно высоко, когда ревущий поток, забился о склоны гор, подхватил Соню и, закружив ее с обломками деревьев, потащил неведомо куда. Она боролась изо всех сил, но кто осилит разбушевавшуюся стихию? Крутые берега плясали и кувыркались в глазах у девушки, и лишь чудом она успела заметить впереди склонившееся к самой воде дерево. Ах, только бы не пронесло мимо! И меч, как назло, такой тяжелый — того и гляди утянет под воду. А бросить — нельзя. Плохая примета... Вот, сейчас! Соня рванулась, вцепилась изо всех сил в скользкий ствол. Дерево наклонилось еще ниже, упершись макушкой в

противоположный берег. Барахтаясь в воде, девушка больше всего боясь разжать руки: чуть дальше был слышен глухой рев водопада. Чье-то холодное скользкое тело шмыгнуло по ее рукам. Соня поморщилась, потом подтянулась, закинула на дерево ногу и уселась на него верхом. Грязная пена билась у ее ног, обдавая фонтанами брызг.

Соня оглянулась, отжимая волосы. Хайрас обрадовано помахал ей рукой и повел свой маленький отряд дальше наверх. А по склону к девушке спешил Агилульф, помогая себе здоровенной сучковатой палкой. Он успел вовремя: едва девушка схватила его протянутую руку, как размытый бережок под ней обрушился, увлекая за собой и спасшее ее дерево.

Девушка увидела, как оно, крутясь, исчезло в водопаде. Она мысленно поблагодарила всех богов и решительно полезла наверх, вслед за громко пыхтевшим ирлом подставляя разгоряченное лицо чистым упругим струям ливня. Прямо над ними вспыхнула семицветьем огромная арка радуги. Испытания закончились. Соня, прижала руку к груди, где бешено билось сердце, подумала, что сейчас было бы неплохо отыскать озеро с зарослями камыша: если уж боги решили сменить гнев на милость, то пусть дадут несчастным путникам смыть с себя эту невероятную отвратительную грязь.

* * *

Вот уже два дня они, выбиваясь из сил, бродили по горам в поисках святилища, но все

усилия были тщетны: боги надежно упрятали свою сокровищницу от чужих алчных взоров. Ничто в хмурой северной природе не указывало на близость цели путешествия. Низкорослые корявые сосны, студёные говорливые ручьи, высокие травы — и ни малейших следов пребывания людей. С каждым днем надежды становилось все меньше, а отчаяние в глазах притихшего Дионео — все глубже. В конце концов решено было разбить лагерь, а на поиски уходить всем в разные стороны — авось кому-то да повезет. Соня спокойно отнеслась к поражению — она с самого начала не очень-то верила в успех кампании. Что касается Хайраса, то он, казалось, забыл обо всем на свете и был целиком поглощен заботой о своем новом приятеле.

— Эй, друг, а как же кони? — ехидно порой спрашивала Соня, но он лишь загадочно улыбался в ответ.

Куфаронус вел себя странно. Порой девушка задавала себе вопрос, не тронулся ли старик умом после злосчастного происшествия в ущелье. Он беспрестанно бормотал молитвы и заклинания, часами сидел неподвижно с закатанными глазами, как будто прислушиваясь к чему-то внутри себя. Потом начинал злиться, дергать себя за бородку, сыпать скороговоркой проклятия и, рассерженный, прятался где-нибудь в лесу, чтоб молодые люди не приставали к нему с глупыми насмешками. На самом деле, маг действительно не понимал, что происходит. Святилище было где-то рядом, но упорно не давалось в руки, как

болотный огонек: то вспыхнет рядом, то сгинет... На разведку уходили Соня, Агилульф и Хайрас. К вечеру возвращались в лагерь, делились впечатлениями. Но пока хвастаться было не чем. Сколько хватало глаз, их обступали суровые северные горы, глухие к людским стенаниям. И если сначала Дионео бежал навстречу возвращающимся в лучах заката разведчикам, то вчера он даже не вылез из шалаша.

И вот — хоть маленькая, да удача. Небольшое, абсолютно круглое озерцо, похожее на серебряную монетку, пряталось в глубоком кратере среди громоздившихся вокруг гор. Соня обрадовалась ему как старому другу. И в который уже раз поблагодарила богов за то, что они порой баловали ее такими вот подарками. Она поспешно пробралась сквозь заросли багряного остролиста, оглянувшись по сторонам, скинула одежду и торопливо погрузилась в воду. Девушка заранее приготовилась к тому, что вода окажется ледяной, но каким-то таинственным способом это озерцо прогревалось, как южное море. То ли огонь подземного царства был здесь так близок, то ли горные духи шалили, но Соня с удивлением рассматривала сквозь прозрачную толщу воды стайки рыбок, сновавших над пышным ковром всевозможных водорослей. Поплавав и поныряв в свое удовольствие, она устроилась на мелководье среди розоватых лилий и принялась натирать глиной и песком свое смуглое тело.

Поглощенная своим занятием, она не заметила, как в панике кинулась враспынную много-

численная рыба мелочь. И даже плоская черная черепаха, вся усыпанная желтыми точками, суетливо загребая лапами, убралась подальше. С довольным урчанием девушка погрузилась в теплую воду, запрокинула голову и тщательно прополаскивая волосы, вдруг почувствовала рядом с собой какое-то движение. Она стремительно рванулась, и... оказалась в самом центре большого клубка водяных змей. Плоские серебристые тела окружали ее со всех сторон, извиваясь и блестя чешуей. Она решила замереть, но тут же камнем пошла на дно. Дернулась, взмахнула под водой руками и еле сдержала крик: испугавшаяся змея, захлестнув ее грудь и шею, вонзила острые зубы в то место, где еще не успели сойти загадочные пятна после того страшного сна. Соня с трудом оторвала от себя гадину и, хрипя, бросилась к берегу, путаясь ногами в пышной подводной растительности. Дорог был каждый миг. И нечего тратить драгоценное время на плач и стоны — они могли стоить ей жизни.

Соня упала на каменистую землю, сгребла какие-то палки и сухую траву, долго стучала огнивом, выпадавшим из дрожащих рук. Язычки пламени чуть шевельнулись в сухих стеблях, и девушка тут же подложила к ним свой кинжал. Досчитала до тридцати, медленно, судорожно сглатывая ставшую вдруг горькой слюну, потом, пробормотав короткое заклинание и стиснув зубы, решительно сделала глубокий надрез на покрасневшем, уже распухавшем на глазах предплечье. Сунув кинжал опять в огонь, она припа-

ла к порезу губами, торопливо отсасывая отравленную кровь и сплевывая ее на землю.

Но как бы ни спешила Соня, попавший в тело яд действовал быстрее — она чувствовала, как губительный огонь разливается по ее членам. Скорее же! Девушка забрызгала кровью цветы под ногами, и все давила и давила руку, отсасывала и выплевывала кровь. Потом выхватила из огня свой раскалившийся кинжал, какой-то миг смотрела на него с ужасом, и тут же решительно приложила широкое лезвие к ране. От ее страшного крика взмыли в небо испуганные птицы. Ах, как было бы сейчас удобно и просто потерять сознание: и боль ушла бы, и страдания. Но Соня знала — если она упадет сейчас, то больше никогда уже не встанет на ноги. И вот, кое-как одевшись, скрипя зубами она, качаясь, побрела наверх. Земля плыла под ногами, раскачивалась из стороны в сторону, а в голове словно били бешеные барабаны, и казалось череп ее лопнет от их сумасшедшего ритма.

Хрипя и задыхаясь, падая, но всякий раз из последних сил поднимаясь, Соня упорно двигалась вперед. Преодолев кольцо кратера, она бросила взгляд вниз и тут же широко улыбнулась: ей навстречу почти бежал запыхавшийся ирл. Вот тогда-то она и позволила себе маленькую слабость: колени Сони подкосились, и она кубарем покатила под ноги Агилульфу, еле успевшему ее подхватить. Девушка еще успела, улыбаясь, кивнуть на свое плечо, прошептать «змея», и потом провалилась в спасительное беспамятство.

* * *

...Соню лихорадило. Крупная дрожь била ее обессиленное тело, закутанное во все, что только нашлось в лагере теплого. Дионео и Агилульф мрачно смотрели на ее искаженное судорогами лицо, прислушивались к сбивчивому торопливому бреду.

Порой она вдруг начинала метаться, сбрасывать с себя плащи и одеяла, рваться куда-то. Агилульф молча укладывал ее обратно, а юноша, глотая слезы, бережно укутывал, как младенца. Надежды почти не было. Плечо распухло и покраснело, причиняя невероятные страдания даже в беспамятстве. Хайрас, чтоб не видеть этой мучительной агонии, уходил в лес поохотиться. Все, что только они могли, было уже сделано. Оставалось только ждать. Либо скорого мучительного конца, либо долгого выздоровления.

Маг, не замеченный никем, стоял за шалашом, заламывая руки от отчаяния. Такой развязки он не ожидал.

Он не был готов сейчас потерять эту девушку! Нет! Зачем же боги так спешат? Или они опять испытывают его? Он повернулся лицом к почти невидимой днем луне и принялся горячо молиться. Из шалаша ему вторил дрожащий голос Дионео. Лишь ирл молчал и хмуро смотрел на Сонино лицо.

И он первый заметил, как оно стало меняться: девушка замерла неподвижно, раздвинув губы в счастливой неземной улыбке. Великан поднес перышко к ровной линии ее зубов — дыхания не

было. Агилульф медленно встал, взял на руки забившегося в рыдания Дионео, вышел с ним из шалаша и молча сел в траву.

* * *

Сквозь свой непрерывный бред Соня не сразу заметила, как почти закрыв собой вход в шалаш вдруг возник он, внеся с собой ощущение небывалого покоя.

Она лишь поразилась, как это существо похоже на все сказки и легенды, сложенные о нем, лесном божестве: козлиные ноги с блестящими раздвоенными копытцами, мощный загорелый торс, маленькие рожки в тугих рыжих кудрях, буйно разросшихся не только на голове, но и на плечах и груди. И даже маленькая свирель в руке!

Последнее обстоятельство несказанно ее обрадовало, и она широко улыбнулась. Вот только пошевелить не могла ни одним пальцем. А насмешник-фаван тут же подскочил к ней, присел рядом на корточках и принялся тихонько наигрывать на свирели. Его сочные румяные губы довольно ухмылялись, а хитрые желтые глаза превратились в крохотные щелочки. Соня отдыхала.

Боль куда-то ушла, и она вся подчинилась ритму этой мелодии, не похожей ни на что, слышанное ею ранее.

Девушка впитывала в себя эти звуки, как сухая земля — долгожданный дождь, и что-то темное и холодное, маячившее все время где-то

рядом, исчезло, растворилось в редких солнечных лучах, пробившихся сквозь ветки шалаша. А фаван вдруг отскочил от нее, стремительно спрятал свирельку и, округлив глаза, расхохотался:

— Неужели ты так глупа? А? Вот не ожидал! Вот не думал!

Соня не успела возмутиться, как он уже стоял рядом, крепко держа ее за плечи мускулистыми руками.

— Зачем ты сюда пришла? Только не лги! Мне — не лгут!.. За сокровищами? Говори!

Соня в ответ слабо махнула ресницами. Ей почему-то совсем не было страшно. Ей было хорошо.

— А что такое — сокровища? Это золото? Или нет?

Он опять забегал по шалашу, глухо постукивая копытцами:

— Золото — это сокровище. Верно? А сокровище... Неужели это всегда только золото? А? — Его смех, как рассыпавшиеся бусины, раскатился по всему полу.

— Нет, решительно — глупа! Ум твой ленив и неповоротлив. Привык лежать на боку. Вот если бы он был так же скор и ловок, как твой меч! Ах, тогда бы я, пожалуй, взял бы тебя в жены! Ха-ха-ха! Смотри, как мы с тобой похожи! Ты почти такая же огненная, как я! О, это о многом говорит! Меня не проведешь!..

Он приложил свирель к широкой ноздре и издал победную трель. И тут же Соня ощутила его легкие пальцы у себя в подмышках:

— Только не пытайся меня убедить, что ты шла сюда за золотом. Нет! Но сокровища ждут тебя! И лишь Жизнь даст тебе понять их истинную ценность. О, моя красавица, да ты — везучая! А? Хи-хи-хи...

Соня не могла ни о чем думать, она просто улыбалась ему.

— Кое-кто думает, что сокровище достанется ему, но это не так. Он слишком темен. Кое-кто полагает, что сокровище — это ты. Что ж... Похоже на правду. Но ему достанется другое. Никто не уйдет без достойной награды: все получают по заслугам то, что им предназначено Судьбой. Ты готова?

Девушка мысленно сказала «да». И, подумав, добавила: «Старый ты плут и пройдоха».

Фаван захохотал, блестя зубами, — он остался доволен ее ответом. Хлопнул себя по мохнатым ляжкам:

— Боги тебя позвали, и ты идешь к ним. Так и должно быть. Только не лги: сама себе — это опасно. Сюда ты идешь не за золотом, рыжая разбойница.

Игриво боднул ее в бок и уставился бесстыдными светлыми глазами:

— Здесь не конец твоего пути, а только начало! Запомни! Ты не обретешь Тайного, а лишь коснешься его! И не будет тебе потом покоя!

Он вдруг завертелся на месте и затараторил:

— Не верь очевидному — оно лживо, не бойся непознанного — оно тебе по плечу, но расточай силу, когда боги смеются, не призывай богов,

а то не услышишь их зова, и уж не противься, когда окажешься у них в руках!..

У Соня закружилась голова. Слова рыжего фавана прыгали, как горох, отскакивая от девушки и исчезая. Она пыталась сосредоточиться, но озорник был уже рядом: обхватил ее голову горячими ладонями и припал долгим поцелуем к ее запекшимся губам. Соня рассвирепела, как тигрица, но он уже оттолкнул ее со смехом:

— Вставай, моя сладкая! Пора! Ты почти у цели! А с тобой мы еще встретимся!

Он потрепал ее по щеке и исчез. А Соня, наконец, смогла разжать губы и тихо засмеяться: она опять победила! Она жила! Жизнь ждала ее за тонкими стенами этого пристанища.

* * *

Маг сидел на большом валуне, сцепив пальцы рук, еле сдерживая kloчущий в нем гнев. Все пошло прахом из-за этой сучки! Будь она трижды проклята! Теперь вот Дионео думает, что его жизнь закончена и ему больше ничего не надо, ирл мрачно копает могилу...

Ах, как все удачно складывалось, какие возможности перед ним открывались! И вот он опять там, откуда начал, Куфаронус покосился на поникшие плечи Дионео. Придется вернуться к его первому плану.

Возможно, боги рассудили, что та ноша ему не по плечу... Но как они могли? Как посмели?! Нет. Все. Вот сейчас он посидит здесь, успокоится, и приступит... Откладывать, нет смысла: он

чувствует, что они уже почти пришли. Еще денек-другой, и...

Из леса вышел Хайрас. Окинул взглядом поляну. Вздрогнул, увидев яму. Тяжело сел рядом с Дионео. Тот безвольно положил ему голову на плечо. Куфаронус поморщился. Только этого не хватало! Он встал с камня и решительно направился к юношам, на ходу подбирая слова, которыми он пригвоздит их к месту. И пусть этот степняк проваливается в пасть к Нергалу — туда ему и дорога! А Дионео... Старик остановился у него за спиной и уже протянул руку, чтоб тяжело опустить ее на узкое плечо.

В шалаше слышался смех. Живой. Веселый. Маг отдернул руку. Все поспешно оглянулись. Да, смеялись в шалаше, а там был только Соннис. Голос их только что умершего друга явственно произнес:

— Эй, вы! Куда вы все провалились? Помогите-ка мне встать. А то валяюсь тут, как...

— Пей, я сказал! До дна! И не желаю слышать никаких отговорок! Хочешь жить? Тогда пей!

Хайрас стоял над Соней, держа в одной руке миску с каким-то невероятным древним гирканским варевом, а второй размахивая так, словно собирался немедленно вбить в землю любого, кто осмелится ему перечить. Девушка мрачно взглянула на него исподлобья. Ну что за наказание? И так она себя чувствует немногим лучше, чем покойник, а ее еще пичкают этой гнусной смесью из отвара трав, корней и нутряного барсучьего жира. Тьфу! Но силы к ней, действительно, по-

степенно возвращались, и изматывающие приступы лихорадки отступили. Она зажмурилась, зажала пальцами нос и залпом выпила обжигающее внутренности варево. Хайрас удовлетворенно потер ладони, отобрал у нее плошку и пошел к ручью потрошить убитую им утром зайчиху.

Надрезая шкуру на лапках, он мурлыкал себе под нос мотив древней гирканской баллады о воине-богатыре Мамухе и красавице Салюк. Молодые елочки исчезли из его глаз, уступив место горячей бескрайней степи, то полыхающей алыми тюльпанами и звенящей от птичьего многоголосья, то выжженной безжалостным солнцем, когда даже змеи и скорпионы скрывались от зноя в норках.

Холмы, холмы до горизонта, от зеленого рассвета до багрового заката, походные юрты, крытые коврами и конскими шкурами, огни костров... Города — да, есть и города, но эта жизнь не по нему. Ему надо сидеть в седле, сжимая ногами теплые бока коня, вдыхать ветер, считать звезды. И порой вспоминать о красавице, что будет ждать его за узкими окошками дома из золотистого песчаника. Пусть для нее щелкает соловей в кустах жасмина, а ему надо слышать звон оружия, топот коней, приказы вождей. Ах, как он хочет вернуться к своему народу героем! И тогда поднимутся великие племена, и ветром наполнятся гривы их скакунов, и лягут бескрайние земли им под ноги!

Хайрас опустил тушку в ледяную воду. Его предки привязывали головы врагов к гривам

своих коней, и все скоро вспомнят об этом, очнувшись от беспробудного пьянства и разврата! Самые крепкие стены городов не устоят под их напором! И древние боги степного вольного племени направят их разящие стрелы и тяжелые мечи!..

Сидя на большом плоском камне, он слышал, как дрожит под бесчисленными копытами земля... Гордая улыбка победителя светилась на его скуластом лице. Хайрас подхватил одной рукой зайца и побрел по тропинке. И вдруг улыбка сползла с его физиономии: он упал на землю, прижавшись к ней ухом. Так и есть! Он вскочил на ноги. Нет! Не может быть! Ведь здесь дикий лес! Задыхаясь, бросился бежать к лагерю, но понял, что не успеет: большой конный отряд неся во весь опор к их шалашу, и он мог лишь наблюдать издали, как растопчут эти богатыри его друзей...

* * *

Соня лежала в сладкой полудреме у костра, отдыхая каждой клеткой своего тела и чувствуя, как вместе с солнечными лучами в нее вливается теплая живая сила. Агилульф с утра уехал опять на разведку и скоро должен был вернуться, а пока девушка наслаждалась тишиной и покоем.

Она не замечала Куфаронуса, перебивавшего свои склянки и амулеты в маленьком дорожном ларце из резного черного дерева. Ее даже не раздражал упорный взгляд Дионео, хоть и хотелось порой запустить в него головешкой. Она

снова и снова вспоминала свой сон, смешного нахального фавана. Что он такое ей плел?..

Вдруг тело ее напряглось: чуть заметная дрожь шла от земли. Соня вскочила и принялась озираться, хотя и сразу могла бы догадаться, что нападение нужно ждать оттуда, где солнце. Любой боец это знает с младых ногтей. Так и есть! Щурясь и прикрывая глаза ладонями от блестящих лучей, она, сжавшись, смотрела, как прямо к ним направляется большой отряд до зубов вооруженных всадников. О, боги! Да их сейчас голыми руками можно раздавить! Она с трудом сглотнула горькую слюну. Боги капризны и непредсказуемы: зачем было возвращать ее к жизни после ядовитого укуса, если все равно ей суждено умереть, так и не попав в святилище? В чем же тогда ее предназначение?! Быть растоптанной жеребцами? Ну, это мы еще посмотрим!

Не обращая внимания на окаменевших от страха старика и мальчишку, она побрела в шалаш, взяла свой меч и, качаясь, направилась к всадникам. Их свист и вой заполнили, казалось, весь лес. Соня уже не думала ни о чем. Она просто приготовилась к смерти. Только почему-то неотвязно крутился в голове этот рыжий бесстыдник... «Не верь очевидному — оно лживо»... Тоже мне, мудрец нашелся! Болтун несчастный!

Соня положила меч на плечо, уцепилась в его рукоятку обеими руками. Ноги противно дрожали, по спине стекали струйки пота от слабости. Больше всего она сейчас боялась, что не сможет

поднять свой меч. И Агилульфа нет, и Хайрас куда-то запропастился. Впрочем, вон он бежит от ручья... Но что он может со своим дурацким ножичком? Это ему не зайца потрошить.

Она не знала, что за ее спиной из леса ей на подмогу выехал Агилульф. Солнце слепило глаза, и она видела лишь первого всадника летевшего на нее с копьём наперевес. Соня расставила ноги пошире, уперлась пятками в мягкую землю и, преодолевая приступы головокружения дождалась нужного момента, взмахнула мечом и обрушила его на... ближайшую кочку.

Ничего не понимая, она крутила головой. К ней подлетел Агилульф, грозно размахивая своим клинком, но всадники неслись сквозь него бесплотные, как ночные тени. С воем и криком они проскакали по поляне. Соня видела, что даже струйка дыма от костра не изменила своих затейливых узоров, ни одна травинка не шелохнулась. Отряд исчез, как будто его и не было. Агилульф нервно хохотнул:

— Ну и горазд же ты, брат Соннис, мечом махать!

Но Соня его не слышала — схватившись за голову, она повалилась на землю. Бросившийся к ней маг услышал невнятное бормотание: «Не верь очевидному — оно лживо, не бойся непознанного — оно тебе по плечу, не грози мечом, когда боги смеются, и не призывай богов, а то не услышишь их зова...» Куфаронус быстро повернул ее к себе лицом, тряхнул с силой за плечи, мысленно приказал: «Открой глаза!»

Ресницы девушки дрогнули. «Открой глаза!..» Ему во что бы то ни стало нужно было проникнуть в ее сознание, в ее мысли. О чем она шептала? Что за заклинания? И какая сила в ней так упорно сейчас сопротивляется его вторжению?

Он обхватил руками ее затылок: «Приказываю, открой глаза!» Ирл добродушно похлопал его по плочу:

— Да не волнуйся ты так, старик. Ничего с нашим Соннисом не случилось. Просто не окреп еще после болезни.

Куфаронус отмахнулся: Соня медленно подняла веки. Он прикусил губу — ее серо-зеленые глаза лишь отражали его искаженное лицо, не пуская внутрь. Как зеркала. Холодные и блестящие. Ему стало страшно: что за тайны теснятся в этой красивой головке? Какие силы ей помогают? Хайрас подошел к побледневшему Дионео.

— С тобой все в порядке? Может, сбегая к ручью, принесу тебе воды?

У юноши мелко постукивали зубы:

— О, да...

Хайрас обнял его за плечи:

— Успокойся же! Все прошло! Да ничего и не было!..

Он рассмеялся:

— Просто наш смельчак Соннис решил помахать своим мечом. Должно быть, приятно сражаться с призраками: чувствуешь себя неуязвимым, как бог!..

Дионео решительно стряхнул его руку:

— Помолчи! Не пристало тебе зубоскалить над благородным и смелым и воином! И где, скажи-ка лучше, наш заяц? Или и ты от страха уронил его в ручей на радость рыбабам?

Тон его был столь строг и высокомерен, что Хайрас растерялся. И, к тому же, он действительно впопыхах обронил где-то этого несчастного зайца. Хорошо, если его не успел утащить какой-нибудь хорек или не расклевали птицы. Он поспешно поклонился и побежал по траве к ручью. А Дионео тут же кинулся к Соне, оттолкнул Куфаронуса, положил рыжую голову себе на колени, не обращая внимания на ее протестующие жесты.

— Ах, Агилульф, помоги и мне отнести его в шалаш. Ему нужен уход... Е Его надо, наверное, перевязать, натереть твоим б бальзамом...

При этих словах Соня решительно замотала головой, перевернулась, села в траву и свирепо заявила, старательно чеканя слова, что ни в какой шалаш не полезет и никому не даст себя ничем натирать.

И, вообще, где меч?! Агилульф спрятал в усах ухмылку.

Дионео со всех ног кинулся обшаривать траву на поляне, а Соня, сидя на широком клинке и прикрыв его плащом, приходила в себя. Но смещение, охватившее ее при виде конного отряда, не проходило: конечно, боги и рядом! Сам воздух, казалось, сгустился. Все, что происходило с ними, приобретало некий таинственный смысл. Конец

пути близок, и все вокруг кричало об этом. Даже с самой Соней происходило что-то странное. Она словно раздваивалась и ощущала внутри себя какого-то другого человека. Сильного, жестокого, кровожадного... Иногда девушке хотелось ему подчиниться. И когда маг наклонился над ней, пришлось собрать всю свою волю, чтоб не вцепиться зубами в его белое трепещущее горло, такое близкое и незащищенное...

Она зажмурила глаза, и тут же перед ней возник рыжий хохочущий фаван: «...не призывай богов, а то не услышишь их зова!..»

— Слушайте меня! — Голос Сони был таким, что все невольно замерли. — Слушайте и запомните! Мы где-то рядом со святилищем. Я это чувствую, хоть и не знаю, как. Нам нельзя расходиться — нужно все время быть вместе. И не пугаться любых неожиданностей. Любых!

Она обвела глазами притихших спутников.

— Мы в конце нашего пути. Не сегодня-завтра нам предстоит столкнуться с неведомым. Верю, что все наши мечты и желания осуществятся. Но сейчас мы — на ладони бога. Захочет — сдунет, словно пылинку, захочет — прихлопнет... Будьте внимательны! Сейчас все вокруг нас наполнено тайным смыслом — каждый звук, каждый шаг. Не хотелось бы разочаровать взыскательных хозяев этих мест.

Резко повернулась к Куфаронусу:

— Что тебе от меня надо?

Старик вздрогнул, поднял на нее глаза:

— С помощью твоей магической силы...

Он осекся на полуслове, обвел всех безумным взором. Агилульф развел руками:

— Ну вот. Старина Куфаронус так напуган, что теперь путает себя и Сонниса. Эх, бедолага. Ну да ладно. Я сейчас приготовлю успокоительный отвар.

Маг тайком перевел дыхание и засеменил вслед за ирлом. Ну, проклятая девка! Как она его... Нельзя с нее сводить глаз! А то еще неизвестно, кто кем воспользуется в последний момент...

Соня, взъерошенная, как бойцовый петушок, следила глазами за удалявшейся долговязой фигурой мага. Вывернулся, как скользкий угорь! Какой же камень припрятал этот колдун за пазухой? И почему только перестали сжигать это проклятое племя злобных шарлатанов?! Неужели ее спутники не замечают, как от него просто смердит злобой? А еще — смертью... Волосы на затылке у нее шевельнулись, а сквозь оскаленные зубы вырвался тихий хриплый рык. Налетевший порыв ветра растрепал ее рыжую шевелюру, а костер, над которым склонился Хайрас, прилаживая на палке тушку, вдруг вспыхнул сам собой с новой силой, будто в него бросили охапку веток.

* * *

...Нити судеб пятерых людей переплелись так сильно, что этот запутанный клубок смогла бы разрубить только заговоренная сталь. Так думал молодой рыжий фаван, стоя в ручье и наблюдая издали за лагерем незваных пришельцев. Он

знал, что это будет для них последняя спокойная ночь. Что ж, пусть выспятся. Он покараулит. И исчезнет с зарей. А чтоб немного развлечься, он, пожалуй, приснится этому загадочному Дионео. Будет забавно. Фаван хихикнул и радостно потер ладошки. В сыром воздухе звенели комары.

* * *

Они медленно пробирались по бездорожью, петляя между камнями и редкими деревьями. Тяжелый день подходил к концу, но так ничего и не принес. Лишь болели усталые ноги, да уже порядком сосало под ложечкой. Позади остался высокий заснеженный перевал.

Хвала богам, одежда больше не стояла ледяным панцирем, и сосульки не звенели в бороде и волосах, но путники все еще не могли согреться. Они спускались в долину, и воздух становился теплее. Низкорослые корявые сосенки сменились лиственными деревьями, а Куфаронус все еще дрожал всем телом и тщетно тер посиневшие пальцы, с завистью глядя на огромную волчью шкуру, в которую куталась Соня.

От усталости он уже еле передвигал ноги, плетясь в хвосте каравана и мечтая лишь о том, чтоб упасть куда-нибудь в траву, чтоб кончились эти бесконечные блуждания. Он мудрец, а не воин — ему не под силу такие переходы. Да еще он сжег себе глаза в этих проклятых снегах! И теперь вот вынужден все время вытирать обильно текущие слезы тряпицей, и вообще плохо видел, куда брел. Особенно в сумерках. Он уже

пару раз споткнулся и упал, ободрав ладони. Агилульф со смехом помог ему подняться и в конце концов вырезал довольно удобную палку, на которую старик теперь и опирался, удивляясь, что жив и может сделать шаг, и еще, и еще... Ничего! Он обязательно возьмет реванш в конце пути! Осталось совсем немного. И отныне его ноги будут ступать лишь по коврам да на ступени трона. Ради этого можно и потерпеть. Главное, что он жив, и жива эта Соня. И Дионео...

Ирл, шагая впереди мага, беспечно напевал что-то о сердечных муках и бочке вина, с восторгом поглядывал на огромные лучистые звезды, каких он еще никогда не видел. Вот только земля стала какая-то неровная под ногами: вместо травы — какие-то кочки, ямы, песчаные проплешины... Как бы его могучий Альдобранд не повредил себе ноги в потемках! Пора бы и о ночлеге подумать!

— Эй, Соннис! Пожалей моего коня! Ему и так сегодня досталось! Смотри, как быстро темнеет. Этак мы, пожалуй, и спать на пустой желудок уляжемся!

Соня остановилась и обернулась:

— Пожалуй, да. Эй, а где же наш маг? Старик! Отзовись! Где ты?

Дионео, сидя на лошади, завертел головой, но ничего не увидел.

— Может, он уснул где-нибудь в траве?

Агилульф сложил ладони рупором:

— Ку-фа-ро-нус! Нергал тебя побери! Куда ты провалился?!

Тишина. Лишь шелест ветра в листьях деревьев. Вдруг Хайрас бросился обратно по узкой, протоптанной ими тропке:

— Скорее! Сюда!

Соня нехотя пошла за ним. Ну вот! Только этого не хватало! Если этот старый болтун умудрился сломать себе ногу, то надо бы помочь ему и шею сломать! Одни неприятности от этого типа! Возись теперь с ним! А кому он тут нужен? Только не ей! Боги свидетели!

И тут она услышала испуганный крик Хайраса. В его голосе был такой неподдельный ужас, что Соня, уже ни о чем не раздумывая, кинулась со всех ног к нему на помощь. О, боги! Что это?

Сначала она подумала, что всему виной обманчивые сумерки, но уже мгновение спустя поняла, что дело вовсе не в них.

— Агилульф! Скорее сюда!

Она успела увидеть Куфаронуса и Хайраса, крепко обвитых какими-то гигантскими щупальцами. Бедняги тщетно пытались освободиться из этих смертельных объятий, но лишь медленно сползали по склону огромной песчаной воронки в разверзшийся клюв неведомого чудовища. Соня успела позвать ирла, и тут же почувствовала сильнейший рывок за ноги и покати-лась вниз, проклиная свою неосторожность. Но руки! У нее были свободные руки! Она выхватила поспешно из-за плеча меч и, яростно вскрикивая, принялась наносить удары по щупальцам, удерживавших ее и ее спутников. Куда там! С тем же успехом она могла бы царапать их ногтями. Но

Соня не испугалась. У любого живого существа есть хоть одно уязвимое место, надо лишь быстро его отыскать. И если ей не разрубить щупальца, то надо постараться добраться до головы...

Голова тоже старалась до нее добраться, поэтому встретились они быстро, в отличие от мужчин, которые упирались ногами в песок и пытались цепляться за торчавшие из земли корни деревьев. Соня, взмахнув мечом, обрушила его на чудовищный клюв. Крак! Крак! Меч отскочил, как от камня. Тогда она изменила тактику и принялась колоть, в поисках какого-то подобия глаз или щели в твердом панцире. Чудовище занервничало. Оно щелкало своим острым загнутым клювом, намереваясь схватить добычу, но та оказалась проворней, да еще боролась за свою жизнь. Забыв об оцепеневших от страха мужчинах, чудовище зашипело и начало медленно вылезать из песка — гигантская сороконожка с железными жвалами. Соня металась, увязая в песке, из последних сил размахивала мечом и с ужасом понимала, что вот-вот выдохнется, и мерзкие челюсти захрустят ее костями.

— Агилульф! Где же ты?!

Она зря беспокоилась: ее верный приятель был уже здесь. Вытаращив глаза, он замер на краю воронки.

— Помоги же! Скорее!

Он вздрогнул и вдруг куда-то исчез. Соня рассвирепела. О, трус! Подлец! Предатель! Она зарычала, как пантера, и с отчаянием набросилась на огромную гадину, чье безобразное тело,

усеивали шевелившиеся отростки, как ствол дерева — ветки. Но схватка была слишком неравной: все больше щупальцев оплеталось вокруг девушки, вот уж меч выпал из ее рук, вот все ближе и ближе страшная пасть...

— Агилульф! Будь ты проклят!..

Огромный камень припечатал шею чудовища к земле. Оно забилося в агонии, а бесстрастный голос ирла проговорил:

— Немедленно возьми свои слова обратно! А то — клянусь моим Альдобрандом — я не стану мешать этой козявке с вами разобраться!

И тут же он спустился к очутившемуся рядом и принялся отдиравать от Сони опутавшие ее отростки. Едва освободившись, она отыскала в песке свой меч, вскочила на камень, так удачно брошенный ирлом и, пока тот помогал обессилевшему Куфаронусу и Хайрасу, все колола и колола в ненавистную голову и шею, пока чудовище не перестало шевелиться.

Было уже совсем темно, когда они выбрались из этой песчаной западни. Дионео, подвывая от страха, ждал их наверху. Измученные люди попадали тут же на землю, не думая ни о еде, ни об охране. Будь, что будет!

Но больше ничего не случилось. Утром их разбудило залиvistое пение птиц, и зарождающийся день тут же обладал их теплыми солнечными лучами. Соня подумала, что это хороший знак. Потянуло дымком. Девушка нехотя открыла глаза. У костра сидел Агилульф и неспешно нанизывал на веточки куски безобразных шу-

пальцев. Не говоря ни слова, чтоб не разбудить измученных спутников. Соня вскочила, подбежала к нему и, собрав в охапку «жаркое», выкинула его в кусты. Отряхнула руки, потянулась с хрустом и, довольная, присела рядом с обескураженным ирлом у костра. Подперев кулаком щеку, он задумчиво проговорил:

— Говорят, друг мой Соннис, что боги всегда помогают полоумным, влюбленным и пьяницам. Но, скажи мне, почему так везет нам?

Соня лениво пожала плечами. Ей не хотелось разговаривать.

— За эти дни нам столько раз грозила гибель! Будто кто-то нас бережет.

Девушка буркнула сквозь зубы:

— Ну, может, здешние духи помогают?..

— Духи, духи!.. — недовольно передразнил ее ирл. — Знал я одного «духа»...

Он хохотнул, толкнул Соню локтем в бок:

— Завелся как-то «дух» в доме моего дядюшки... Вернулся он после двухлетнего отсутствия, а супруги его дома нет — переехала в одно из поместий. Он стал спрашивать, почему она это сделала, и ему сказали, что в доме завелось привидение, и все боятся теперь там жить. Месьор Гриньоль, мой дядюшка, который не верил бредням, сказал, что, будь это даже сам Нергал, он его не испугается. И привез жену домой. Ночью он зажег всюду свечи, чтоб получше это привидение разглядеть. Долго не ложился спать, но так как ничего не было слышно, он в конце концов лег и уснул. Однако тут же был разбужен

здоровой пощечиной и... услышал голос своей покойной бабушки...

К костру подполз Дионео и уселся рядом с Соней, зябко кутаясь в свой плащ, давно потерявший нарядный вид. Он протянул к огню узкие ладошки и пробормотал:

— Рассказывай дальше, Агилульф. мне тоже интересно.

Ирл продолжил, подкрутив усы:

— Ну, дядюшка разбудил жену, попросил ее зажечь свечу, поскольку все свечи кто-то потушил. Но она испугалась! И он тут же почувствовал, как с него срывают одеяло, и услышал страшный шум: столы и скамейки летели на пол. И так продолжалось до самого рассвета. А месьор Гриньоль не испугался, так как не верил в привидений, но был очень рассержен на то, что ему не дали спать.

— О, как я его понимаю! — сердито проворчал Хайрас, заворачиваясь с головой в одеяло.

— Дальше! Что было дальше! — шептал Дионео, округлив глаза. Агилульф польщенно оглядел слушателей, прокашлялся и продолжил:

— На следующую ночь дядюшка решил непременно изловить этого духа. Притворившись спящим, он начал громко храпеть. «Дух» подкрался к нему, влепил дядюшке пощечину и тут же был схвачен! Ха-ха-ха!

Ирл принялся хлопать себя по коленям:

— И кричит: «Я поймал духа!» Хо-хо-хо! Жена вскочила, зажгла свечу, а это их служанка! Представляете?! Вот пройдоха!

Он отсмеялся, вытер слезы и завершил свой рассказ:

— Эта девица давно любила одного стражника, вот она и решила таким способом выставить хозяев из дома, чтоб устроить свои любовные дела. Месьор Гриньоль был человеком суровым и велел отколотить обоих — пусть на всю жизнь запомнят о своей проделке. После этого он выгнал их вон. И таким образом дом был избавлен от привидений, которые бесчинствовали в нем целых два года!

Соня потянулась:

— Да-а! На какие только ухищрения не пойдут женщины, чтоб добиться своей цели!

Агилульф подтолкнул легонько Дионео:

— Сбегай-ка, голубчик, принеси мои латы. Надо их проверить.

И, когда юноша отошел, подвинулся к Соне и хитро ей подмигнул:

— Уж мы-то с тобой, друг мой Соннис, точно знаем, на какие ухищрения может пойти женщина! Не так ли?

Соня недоуменно посмотрела на него, а он громко зашептал ей в ухо:

— Мы точно знаем! Но никому не скажем! Мы умеем хранить и уважать чужие тайны! Ведь нам не чуждо благородство! Не так ли, друг мой Соннис. Если бы не та проклятая водяная змея... бы и не догадался. Да что там. Все равно ты — прекрасный воин!..

Тут вернулся Дионео, громохвая доспехами, и Соня смогла отвернуться и прийти в себя. Что

ж... Не все ли равно?... Агилульф, если до сих пор не проболтался, то уже и не скажет ничего. А их приключение вот-вот кончится. Ах, с каким удовольствием она, наконец, выскажет этому Дионео все, что он заслуживает! Ах, как вытянется его физиономия!

Соня обвела взглядом мирную картину раннего утра. Похрустывает колючками могучий Альдобранд, косясь на хозяина, добросовестно начищающего свое облачение, пострадавшее от воды и грязи. Хайрас сладко спит, закутавшись с головой в плащ. Дионео, сидя у догорающего костерка, нюхает какой-то дикий цветочек с мечтательным выражением лица. А вон вылез из куста старик. Шуруется от лучей еще низкого солнца, с удивлением смотрит по сторонам. Как гриф с опущенной шеей. Соня окликнула его негромко:

— Эй, месьор маг, тебя что-то встревожило?

Куфаронус вздрогнул, метнул в нее быстрый странный взгляд, но ничего не ответил, а продолжал крутить своей маленькой головой. Агилульф присоединился к Соне:

— Небось, не веришь, что жив остался? Хо-хо! Зато будет потом, чем похвастаться на пиру или перед друзьями! Ну, как водится, приврешь немного: скажешь, что это ты всех спас...

Маг раздраженно дернул плечом и медленно приложил палец к губам, призывая всех к молчанию. Соня насторожилось. Вокруг стояла тишина, но какая-то странная. Так бывает, когдаходишь в комнату, и все присутствующие разом замолкают. Тогда невольно возникает мысль —

уж не о тебе ли они судачили. Девушку не покидало ощущение, что кто-то молчит рядом, наблюдает за ними и, возможно, чего-то от них ждет. Пролетел ветерок, коснулся пряди ее волос, тихо выдохнул что-то ей в ухо. «Не призывай богов, а то не услышишь их зова»... К чему она это вспомнила?

Соня оглянулась. Ее спутники стояли молчаливые и настороженные, готовые ко всему. Конь тихо заржал. Агилульф привязал его к дереву и принялся торопливо облачаться в доспехи. Он не балагурил как обычно, не распевал про бочку вина — он был серьезен, как никогда. Словно в храме.

И вдруг Соня почувствовала удивительную легкость во всем теле. Казалось, взмахнет сейчас руками и взлетит над этой странной долиной. Она нерешительно шагнула вперед, прислушиваясь к своим ощущениям..

Ноги двигались сами, (без малейших усилий с ее стороны. Камни и кусты вскоре совсем перестали ей попадаться, и Соне стало казаться, что она парит над землей.

Она видела лишь рыжий песок, ярко-алые цветы на нем, а над ними — бесконечной голубизны небо. Ни птиц, ни бабочек, ни ящериц... Мир был ненастоящим. И тут песок под ее ногами тихо зазвучал. Соня замерла, боясь вдохнуть. Потом снова пошла.. Ей слышались голоса, которые то напевали что-то, то о чем-то плакали, то звали, звали кого-то... «Не призывай богов, а то не услышишь их зова» И!..

Девушка тихо повернулась и побрела обратно. Ей хотелось вопить кричать, бежать к ждущим ее людям, но почему-то было страшно разрушить эту тонкую, почти призрачную связь. Она подошла к ним вплотную и безо всяких интонаций проговорила:

— Мы пришли. Это — здесь. Готовьтесь. Боги с нами....

Куфаронус, бледный и торжественный, как жрец, выступил вперед, сжимая в руках какие-то амулеты, висящие на тонких кожаных ремешках. Он не мог вымолвить ни слова, боясь разрыдаться. Оттолкнул Соню и пошел по ее следам. Все медленно двинулись за ним. И когда прошли неведомую черту, воздух опять наполнился голосами и музыкой, вздохами и смехом. Соня вдруг отчетливо услышала флейту рыжего фавана. Для нее это было словно сигнал: вот сейчас что-то произойдет... Она была готова. Только покрепче сжала меч. Взглянула на спину спешащего впереди мага.. Куда он бежит? Неужели он не чувствует, что бежать никуда не надо? Надо ждать! И она не удивилась и не испугалась, когда земля под ногами вдруг заходила ходуном, словно живая, и они все полетели в образовавшийся провал, крича и хватаясь друг за друга в слабой надежде: выжить.

...Падение продолжалось считанные мгновения и закончилось вполне благополучно: путники очутились в высокой темной каменной пещере. Все оторопело молчали, пока, наконец, ирл не подвел горький итог:

— Мышеловка захлопнулась! И поделом дуракам. Сидели бы дома, как все люди, а не таскались неведомо где, не искали приключений на свои головы!

Маг высокомерно рассмеялся, а Соня в недоумении переспросила:

— Какая мышеловка? Ты о чем?

— Ну, волчья яма... Какая разница? Мы — в ловушке...

— Мы — в храме! — Громкий голос Куфаронуса прозвучал, как колокол под гулкими сводами. Хайрас подавленно молчал, наблюдая, как Соня стучит огнивом.

Впрочем, глаза и так уже привыкли к темноте, которая не была полной: слабое сияние, казалось, шло от самих стен. Погруженного во мрак свода видно не было, зато Соня сразу заметила барельефы на стенах, терявшиеся в глубине пещеры. Она подошла вплотную — странные жутковатые фигуры полулюдей-полузверей, застыли в вычурных позах. Она заметила, что фигуры повторялись лишь с незначительными изменениями. Как буквы в слове. Неужели?..

Звонкий Сонин голос разбил тишину:

— Месьор Куфаронус, это тайные магические письмена, не правда ли?

Старик важно кивнул.

— И ты умеешь их читать?

К ним решительно подошел Дионео, и Соня в душе выругалась: вечно он лезет не вовремя! Да, судя по его физиономии, сейчас еще и глупость какую-нибудь отмочит. Что можно ждать

от такого типа? Действительно, Дионео остановился напротив мага и резко спросил:

— Это и есть тот храм, к которому мы стремились?

Маг опять важно кивнул, ни на кого не глядя. Тогда этот юнец стащил с себя шапочку, с которой не расставался, и на его узкие плечи волной упали густые каштановые волосы. Синие глаза смотрели гордо и с вызовом на застывших в удивлении людей.

Впрочем, для Хайраса это, похоже, не было сюрпризом — он улыбался так, словно сам придумал этот забавный маскарад. Бесконечно удивлен был только славный ирл. Он оторопело смотрел на девицу, потом шагнул вперед и с сомнением спросил:

— Неужели наш славный Гвальберт не побоялся рискнуть собственной дочерью, о достопочтенная Диаминна?!

Девушка пренебрежительно пожала плечами, словно риск для нее был делом привычным. Обвела всех царственным взглядом и гордо произнесла:

— Такова судьба правителей: жертвовать собой ради своего народа. Когда боги этого требуют.

Увидев искреннее восхищение в глазах слушателей, она несколько смягчилась:

— Детям в нашем роду с пеленок внушают, что удел правителя — быть готовым на жертву. Пока это в нас есть, в наших владениях ничего не случится. И идти на жертву надо сознательно

и добровольно — только тогда боги не отвернутся от нас и наших подданных.

Куфаронус продолжал озиаться по сторонам, что-то бормоча, загибая пальцы и не обращая внимания на все происходящее.. Хайрас подошел к принцессе и встал сзади нее, прищутив глаза. Девушка, не глядя на него, повысила голос:

— Я — дочь Гвальберта, и я свято исполню свое предназначение! Для этого я и пришла сюда.

Агилульф растерянно спросил:

— Но зачем, дитя? Неужели мы должны тебя резать, как... как барана?

Соня хихикнула, а Диамину улыбнулась лишь уголками губ:

— Нет, славный ирл. Моя жертва состоит в другом.

— В чем же? — выдохнул Хайрас, сжимая кулаки. Соне вдруг стало не по себе. А Диамину повернулась к ней, сияя счастливыми глазами:

— Я должна в этом храме лишиться девственности... и им будет первый встречный. И выйти за него замуж, если он этого захочет...

Голос ее дрогнул. Она протянула руку к остолбеневшей Соне:

— Доблестный и благородный Соннис. Я, Диамина, дочь правителя Бритунии Гвальберта... прошу тебя...

Она запнулась, потом в едином порыве упала на колени и молитвенно сложила руки:

— ...прошу тебя помочь мне выполнить мой долг перед богами. Я выбираю тебя. О, пожалуйста!

Торжественность ее речи постепенно сменилась замешательством — от внимания девушки не ускользнули лукавые ухмылки на физиономиях ее спутников. Да и Соннис стоял, не шевелясь и глядя куда-то в сторону. Диамина в страхе схватила его за руку:

— В чем дело? Ты... ты не хочешь? Ты отказываешься?!

Она стремительно повернула Сонниса к себе, вспыхнув жарким румянцем стыда и уязвленного самолюбия. Соня развела руками. Ей стоило невероятных усилий не рассмеяться в лицо этой гордячке. Неужели она всерьез думала, что кто-то обрадуется этому предложению? Взглянула на Хайраса и только сейчас поняла, что он-то давно во всем разобрался. Ах, хитрец! И молчал!.. Соня торжественно присела в глубоком реверансе:

— Благодарю тебя за высокую честь, оказанную мне, но... не могу выполнить твою просьбу.

Выдержала долгую паузу, мстительно следя, как меняется выражение лица Диамины.

— Здесь помимо меня находятся три человека, на которых ты в этом вполне можешь положиться: Хайрас, Агилульф и Куфаронус. Смело на них рассчитывай! Во всяком случае, любой из них поможет тебе лишиться девственности. И даже женятся — только прикажи...

Кто-то тихо хрюкнул от смеха. На бедную Диамину больно было смотреть. Соня решила, что она вполне отомщена за все прошлые неприятности и легко поцеловала ошеломленную девушку в щеку:

— Я, знаешь ли, тоже девица. Так что не обессудь...

Диаминна смотрела на нее с таким неописуемым разочарованием, что у Сони помимо воли вырвалось:

— Поверь, мне в самом деле очень жаль...

Агилульф, смущенно крикнув и расправив усы, неожиданно загудел на всю пещеру, округлив блестящие от смеха глаза:

— От чрезмерной любви, сказать по справедливости, людей преследуют одни сплошные неприятности.

И, не давая себя остановить, бойко продолжал:

— Некий молодой нобиль, мой племянник, безумно любил одну даму, свою соседку. Я и сам пытался за ней приударить, да... В общем, как он ни старался, никак не мог от нее добиться того, чего хотел.

Соня смотрела, как Куфаронус взволнованно крадется вдоль барельефов, тщательно ощупывая их руками. Движения его были легкими и стремительными, словно он помолодел на глазах. Похоже, что случившееся его совсем не интересовало.

— А между тем дама эта его любила. Но он, бедняга, решил, что все напрасно, что жизнь кончена, раз девушка к нему равнодушна. Да... Молодежь часто заблуждается на этот счет. Заперся он дома, сидит, бледнеет, худеет. Стал похож на тень своего покойного дедушки. Ну, родные испугались, позвали врачей, а те, видя, каков он

стал, решили, что у него закупорки чего-то там и назначили кровопускание...

Диаминна стояла, теребя край своего плаща и боясь поднять глаза, полные слез от стыда и разочарования. Как жестока и безжалостна Судьба! Что же ей теперь делать? Положиться на волю богов? Хайрас не сводил с нее сумасшедших глаз. Агилульф, рубанув рукой воздух, рывкнул:

— А дамочка та знала, от чего он помирает. И решила, наконец, уступить ему. Назначила место, время... Бедняга сразу ожил, стал поправляться. И, хоть ему и пустили кровь, отправился на свидание. А радость его была столь велика при виде дамы, что ей все равно должен был наступить конец, ибо большей быть она уже не могла. И он был до того опьянен своей любовью и наслаждением...

Куфаронус делал Соне какие-то знаки, но она стояла на месте, стараясь понять, что же здесь происходит. И чем же оно закончится. Ее тревожил решительный вид Хайраса, странное выражение его глаз. Он подошел к Диаминне и взял ее за руку, кидая по сторонам быстрые настороженные взгляды. А грустный голос ирла вещал:

—...рана его стала кровоточить, а он в пылу страсти этого не заметил. И в ту минуту, когда он расстался с подругой, душа его рассталась с телом. Он потерял столько крови, что рухнул бездыханный к ногам своей дамы, которая была в отчаянии, увидев, что безвозвратно потеряла любимого и сама была причиной его смерти. И вот она, взяв шпагу покойного, пронзила насквозь

сердце, причинившее ей столько горя, чтоб за все его наказать, и упала мертвой на тело любимого.

Расчувствовавшийся Агилульф громко сопел, но его никто не слушал. Соня вдруг подумала, что он мог бы, наверное, стать неплохой партией для этой глупышки...

— Послушай, ирл, а почему бы тебе не...

Великан грузно опустился на одно колено.

— Я верой и правдой служил моему государю, и, если надо, готов...

Хайрас закричал, топнув яростно ногой:

— А я готов свернуть шею всякому, кто покусится!..

Соня и глазом не успела моргнуть, как он подпрыгнул к Агилульфу и толкнул его в плечо:

— И тебе! Я вызываю тебя на поединок!

Ирл недоумевал:

— Какой демон в тебя вселился, Хайрас? Я и не думал... Но, раз ты меня вызвал, то по законам доблести теперь не могу отказаться. Нам придется биться. Ты готов?

Диамина, спохватившись, с криком бросилась между ними, умоляя не проливать кровь друг друга, но Агилульф и Хайрас в один голос велели ей не вступать в мужские дела и приготовились к поединку. Девушка в отчаянии схватилась за голову, слыша спокойные слова:

— Какой вид оружия ты выбираешь, ирл?

Тот закричал:

— Да я бы выбрал меч... Но ведь у тебя его нет? Значит, будем биться на ножах. И да помогут нам боги!

— Согласен. Ты готов?

— Приступим...

Две фигуры закружились по пещере, не сводя друг с друга глаз и делая ложные выпады. Диамина металась вокруг них, не зная, что делать, и в отчаянии бросилась к Соне:

— Останови их! Останови немедленно! Ведь ирл убьет его!..

Соня вежливо поклонилась:

— Не могу, госпожа. Законы доблести...

— О, будь они прокляты!

Диамина стукнула кулачком по каменной стене и закусил губу. Могучий Агилульф топтался, как огромная гора, хотя при своих размерах оказался достаточно умен и подвижен. Хайрас мог рассчитывать лишь на свою ловкость, и ему приходилось очень туго.

— Платок! — Диамина кинулась к Соне. — Нужен платок!

— Где же его взять?

— Ах!.. Ты бессердечный!..

Махнула рукой безнадежно, с ужасом глядя на то, как на одежде Хайраса появляются алые пятна крови. И тут лицо ее озарилось счастливой улыбкой. Она с треском рванула подол плаща, накинула его себе на голову... Потом, бросив его между мужчинами, закричала:

— Стойте! Остановитесь! Я бросила платок!

Хайрас не успел вытереть пот с лица, как она уже была в его объятиях.

У Сони за спиной раздался тихий вкрадчивый голос:

— Тебя не должны волновать людские страсти. Пусть себе играют в героев. Мы потом расставим все по своим местам. Ведь ты пришла за золотом?

Девушка смотрела магу прямо в глаза: эти две черные дырки не сулили ей ничего хорошего. Но она кивнула головой. Ей ли бояться этого старикашку. А он медленно достал из кармана какой-то засушенный стебелек, растер его между ладонями и дунул на порошок так, чтоб он попал на фигуры таинственного барельефа.

Оранжевые искры заметались по замершим в разных позах фигурам. Соня отступила подальше, боясь, как бы огонь не попал на ее одежду. А старик повторил несколько раз одно и то же заклинание, подбежал к стене и скользнул пальцами по удивительным танцорам. Соня прижала руку ко рту: фигурки начали медленно, но отчетливо шевелиться. Они раздваивались на глазах, превращаясь в людей и зверей, двигались какое-то время рядом в нескончаемом танце, а потом снова сливались, становясь теми же странными существами с человеческим телом и звериными мордами. Их грациозные па завораживали...

— Смотри, эти фигуры означают, что в человеке изначально скрыты две сущности — людская и звериная. Они всегда рядом, всегда вместе. И никто из них не может одержать верх над другим — боги следят, чтоб гармония не нарушалась.

Маг медленно пошел вдоль стены, жестом пригласив Соню следовать за ним. Она опять взглянула на стену: маленькие танцоры усердно

кивали головами. Девушка поправила меч за спиной и неуверенно пошла за своим провожаемым, касаясь рукой стены, а ногами тщательно ощупывая впереди себя дорогу. Она и думать забыла о поединке из-за девицы — впереди ее ждали приключения! Соня ни на один миг не поверила Куфаронусу. С чего бы вдруг этот скупердяй и зазнайка решил ее озолотить? Но там, в глубине пещеры, таилось нечто, ради чего он сюда явился, ради чего он сейчас тащит ее за собой. Если бы он пустил ее впереди себя, то все стало бы понятно: опасается колдун западни, ловушки. Так нет же! Сам летит, размахивая рукавами халата, так, что девушка еле за ним поспевает!

И вдруг какое-то существо с писком бросилось ей на голову. Девушка вскрикнула: кожистые перепончатые крылья били ее по лицу, острые коготки царапали кожу. Содрогаясь от отвращения, она схватила летучую мышь и оторвала от себя — крупный нетопырь пищал и вырывался, скаля зубастую пасть. Очевидно, он случайно угодил в нее, и сам был этому не рад. Соня стала двигаться еще осторожнее. В холодном слабом свете какие-то странные тени скользили по стенам, шарахались из под ног. Мерцали и гасли чьи-то маленькие настороженные глаза. Пахло землей и тленом. Порой к лицу девушки липли лохмотья рваной паутины, свешивавшиеся откуда-то сверху. Колдун то подвигал что-то неразборчивое, то вдруг начинал быстро бормотать: «Семь радуг в тьме крошечной... Семь звезд в

черном небе и семь полумесяцев... Прямая дорога, как лезвие серпа... Жди меня, зверь алчущий!..»

Девушку вдруг начало знобить, словно чье-то ледяное дыхание коснулось ее тела. Она поплотнее запахнулась в плащ. Потом впереди слышался какой-то непонятный шум. Маг бежал впереди, не беспокоясь ни о чем, и девушка не стала его расспрашивать. Все равно Куфаронус ее сейчас не услышит, поглощенный собой, а она и так скоро все узнает. И вот, когда они выбрались из длинного темного грота в очередной просторный зал, Соня увидела источник шума: в противоположном углу падал с невидимой высоты тысячами струй и разбивался с грохотом о каменные плиты огромный водопад. Вода в сумраке отливала антрацитовым блеском, и девушка не решилась утолить ею жажду. Перекрикивая шум, маг взмахнул рукой:

— Слышала о мертвой воде? Вот это она и есть. Никакая самая запущенная гноящаяся рана не устоит против нее. Да что там! И с костной гнилью можно совладать! Так-то! А где-то здесь и живая вода должна быть.

Соня хотела что-то спросить, но вдруг увидела, как за стеной падающей воды замелькали смутные тени. Она дернула Куффаронуса за рукав, но он и сам уже заметил их и в страхе отступил назад. О, боги! Самая больная фантазия, самый безумный бред не смогли бы породить такое: существо, как бы составленное из двух человеческих тел, сросшихся друг с другом в районе пояса..

передвигалось на руках с длинными грязными ногтями, а две головы, заросшие длинными спутанными волосами, громко лаяли и хохотали. А вон выбирается из воды восьминогая голова с двумя лицами. Соня сжала виски. Маг тонко икал у нее за спиной, но девушка почти не слышала его в визгливых воплях все прибывавших и прибывавших уродов. Но когда к ним направился человек-сороконожка деловито шевеля челюстями. Соня не выдержала:

— Останови их! Сделай же что-нибудь!

Куфаронус отскочил в сторону, подобрав полы своего халата, замахал руками и закричал дребезжащим визгливым голосом:

— Убей их! Убей! У тебя же меч за спиной!

Соня, как зачарованная, смотрела на большую лысую голову, густо усеянную ушами и носами, которая бойко перекачивалась, отталкиваясь от пола двумя пальцами, растущими из подбородка. Голова ухмылялась и подмигивала:

— Ах ты, моя куколка! Иди, я тебя поцелую!

Девушка поймала себя на том, что улыбается ей в ответ.

«Я схожу с ума» — вдруг ясно и отчетливо пронеслось у нее в голове. Она оглянулась затравленно: сбоку к ней подбирался человек. Обычный человек среди всего этого кошмара!

Не ожидая подвоха. Соня кинулась к нему, схватила за плечо. Человек медленно поднял голову: обрамленные густыми золотистыми волосами пышные, в розовых ямочках ягодицы... Соня отшатнулась. Колдун визжал за спиной:

— Убей их! Ты, безмозглая кукла! Или они убьют нас! Скорее!

Дрожащей рукой она нашла меч,хватила его из ножен, замахнулась... Уродцы, пища, кинулись врассыпную. И тут она услышала тонкую мелодию свирели, мелькнула в воздухе огненная шевелюра и растаяла... «Не грози мечом, когда боги шутят...»

Соня опустила руку. Меч звякнул о камни.

— Ну что же ты? Убей! Убей!.. Покроши их в мелкие куски! Пусть камни напьются их крови! Это угодно богам!! Давай же, ты, дрянь!..

Девушка прикрыла глаза ресницами. Зачем он хочет навлечь на нее гнев богов? На что он рассчитывает? Когда она повернулась к магу, на ее лице уже светилась улыбка. От которой, правда, у него мурашки побежали между лопаток.

— Ну что ты, Куфаронус? Кто же сражается с игрушками?

— Игрушками?...— Старик опешил.

— Конечно. Вот, полюбуйся, какими мы выглядим в глазах богов. Хороши, да? А все красавцами себя мним!..Тьфу!

Маг с трудом сдерживал ярость. Он и без нее все знал! Но ему очень хотелось связать ее кровью этих несчастных. Тогда она была бы в его власти. Девка обошла эту ловушку! Ну и чутье...

И первый раз у него мелькнуло сомнение: а стоит ли с ней связываться? Он сердито оттолкнул от себя ногой назойливого человека-паука, хлопнул в ладоши, выкрикнул гортанно какое-то слово, и с кончиков его пальцев побежали с

шипением в землю голубоватые молнии. Уродцы замерли.

Соня провела ладонями по волосам — в сумраке затрещали искры. Девушка отдернула руки, с сомнением посмотрела на лежащий меч. Он светился в темноте, как болотная гнилушка, маг, проходя мимо, наступил на него ногой и свечение пропало. Соня осторожно подняла меч, обтерла лезвие и, подумав, вложила его в ножны — вряд ли богам понравится, если она в их святилище станет разить всех подряд своим оружием.

Здесь их мир, а не ее... Перешагивая через заколдованных уродов, маг и девушка пошли дальше. Соня, уже успокоившись, с любопытством рассматривала этот паноптикум. Чего только не встречала она в своих странствиях, но такое!.. Такое видела первый раз. И, наверное, последний.

* * *

Они еще долго слышали за спиной бормотание воды в подземной реке. Девушка искоса поглядывала на своего спутника. Долговязый, сутулый, слабый... До сих пор она весьма скептически относилась к его магическим способностям, и то, что он проделывал в этой пещере, внушало ей невольное уважение. Придерживаясь рукой за сырую стену, кое-где скользкую от плесени, она вспоминала, как он грел над огнем свои озябшие длинные пальцы, такие хрупкие и белые. А сейчас он движением руки оживлял камни. И как быстро он управился с этими уродами!.. Девуш-

ка морщила лоб, пытаясь вспомнить, что он ей предсказал когда-то у костра, в самом начале их поисков. И почему она так легкомысленно отнеслась к его словам? Интересно, чего там было больше, хорошего или плохого?

Погруженная в свои мысли, Соня не услышала тихого рокота, прокатившегося по пещерам, так похожего на звериный рык. Как бы славно она зажила, если бы у нее оказалась хоть капля такого мастерства, как у старика!.. Она заставила бы содрогнуться весь Шадизар! Хотя... Надо признаться, ей и так не на что жаловаться.

* * *

...Агилульф расплылся в широкой ухмылке:

— Так ты знал, что Дионео — девушка?

Хайрас пожал плечами, словно речь шла о сущей безделице:

— С самого начала. И с первого дня понял, что она предназначена только для меня. Это Судьба! Вот только она никак не хотела этого понять.

Он взглянул в счастливые глаза девушки, обнял ее одной рукой за плечи. Ирл хмыкнул.

— Хороша «судьба»! Каждому бы по такой «судьбе»! Ишь, разбойник! Ладно бы только девушку отхватил, а то еще, небось, и полкоролевства в придачу!

— Ты о чем?

Блеснули зубы смеющегося Агилульфа:

— Надо думать, Гвальберт не поскупится на приданое!..

Внезапно ирл забеспокоился, прислушиваясь к чему-то:

— Ладно, молодежь, вы тут поворкуйте, а я пойду посмотрю, куда это наш маг утащил Соню. Что-то мне это не нравится. Не кончится это добром — чует мое сердце!..

Диамин и Хайрас не заметили его ухода — они были слишком поглощены друг другом. Их глаза встретились. Диамин судорожно сглотнула и опустила ресницы, и тут же решительно приказала:

— Давай-ка, снимай рубаху, все равно от нее ничего не осталось. Надо перевязать твои раны!

Хайрас морщился от боли, но она ловкими руками помогла ему справиться с рукавами, потом стянула через голову окровавленную одежду. Тело юноши покрылось гусиной кожей, когда она коснулась его похолодевшими вдруг пальцами. Строгая складочка пролегла у Диамин между капризно изогнутыми бровями, но губы дрогнули от жалости: из многочисленных порезов обильно сочилась кровь, растекаясь по смуглому сухощавому телу кривыми ручейками.

Стиснув зубы, она принялась обтирать кровь, стараясь не причинять боль раненому. Робкие сначала, ее движения становились все увереннее.

— Потерпи, потерпи немного. У тебя здесь ничего страшного. Вот только один глубокий порез. Нет, два... Остальные — так, ерунда. Агилульф жалел тебя.

Хайрас лишь посмеивался. Ему почти не было больно. Рядом с ним стояла прекрасная девушка,

которая станет ждать его в домике из золотистого песчаника. Он ощущал кожей ее дыхание, тепло ее ладоней. Ноздри степняка дрогнули. Диамин продолжала хлопотать вокруг него, приговаривая вполголоса какие-то успокаивающие слова, одинаковые у женщин всего мира:

— Ну, вот. Все хорошо. Теперь скоро заживет... Сядешь на своего коня...

Она мягко подталкивала его в темную глубинную пещеры.

— Пойдем-ка туда. Здесь зябко, а там вроде и огонек какой-то теплится.

Действительно, в глубине подземелья мерцала красноватая искорка. Взявшись за руки, они медленно пошли к ней, и Хайрас с удивлением увидел выступившего вдруг из темноты огромного каменного идола. В зыбком свете лампы, мерцающей в сложенных ладонях, был виден лишь оскал звероподобной пасти, да каменное возвышение у ног. Диамин первая взобралась на него:

— Иди сюда. Здесь светлее.

Хайрас молча подчинился. Что-то в голосе девушки подсказало ему, что дело вовсе не в освещении. Он слышал ее прерывистое дыхание, руки нежно гладили его затылок, плечи, порхали вдоль позвоночника, пробирались на широкую грудь, которая вдруг начала бурно вздыматься, словно после подъема на вершину горы. Огонек в руках идола вдруг сам по себе начал разгораться ярче, и юноша почувствовал, как вместе с ним разгорается пламя его страсти. Он стонал от

движений ее рук, таких обжигающе горячих. Подсохшие было порезы опять начали кровоточить, но никто уже не обращал на них внимания.

Хайрас резко повернулся лицом к Диамине, властно сжал ее плечи. Глаза девушки, сияющие, словно черные алмазы, молили о пощаде, но губы, такие близкие и желанные, сами тянулись к его губам. Он на миг зажмурился, а потом плавными движениями начал стягивать с нее одежду, обнажая нежные белые плечи, высокую грудь, тонкую талию. Пламя в каменных ладонях уже полыхало вовсю, освещая плавные линии девичьего тела, трепещущего в сильных мужских руках. Они молча прижались друг к другу. Потом, не сговариваясь, опустились на гранитный подиум. Хайрас судорожно вздохнул со всхлипом, увидев пятна своей крови на ее груди, животе... Девушка вдруг встала на колени и молитвенно сложила ладони:

— О, древние боги! Я, Диамин, дочь Гвальберта Бритунского, пришла к вам, чтоб принести себя в жертву. Примите же благосклонно нашу кровь, мою девственность в знак того, что вы не гневаетесь больше на моего отца. Да пребудет ваша милость с ним и со всеми нашими подданными! Да утихнут распри и войны, терзающие королевство! Пусть прекратится кровопролитие! Пусть мужчины вернутся к мирным очагам, к своим заждавшимся женам. И пусть под крышами дворцов и лачуг будут слышны вскрики любви, а не смерти. О, боги! Даруйте же нам ваше снисхождение! Услышьте меня!

Порыв ветра всколыхнул пламя. Хайрас поднял глаза, и только сейчас заметил огромный фаллос идола, выточенный из нефрита, прямо у них над головой. Но девичьи руки уже вкрадчиво скользили по его бедрам, и он тут же забыл обо всем на свете. Во всем мире сейчас существовала только эта нагая женщина, раскинувшаяся на каменном ложе и протягивающая к нему руки. Он хотел только одного: прижаться к ее влажному рту, ощутить ее соски у своей груди, услышать биение ее сердца, коснуться ее лона, познать ее...

— О, Диамин!

— О, Хайрас! О, Хайрас... Ах! О-о-о!..

Два юных и прекрасных тела сплелись в извечном танце Жизни, их счастливые стоны неслись к каменным сводам, пугая дремлющих летучих мышей, и им не было дела до всего, что происходило вокруг. Лишь на миг они разжимали объятия, чтобы потом снова и снова страсть кидала их друг к другу. А боги ликовали...

* * *

...Старик и девушка шли дальше. Иногда приходилось брести наощупь по колено в ледяной воде. Слепые прозрачные рыбы тыкались в Сонины ноги и тут же исчезали, стоило ей опустить в воду руку. Порой их путь преграждали следы старых обвалов и оползней... Перебираясь через груды камней и земли, девушка с тревогой и удивлением ощущала, что силы стремительно покидают ее. И это в такой момент! Когда вот-

вот все должно будет решиться! Сердце девушки, казалось, частыми сильными толчками билось у нее в горле. Она не понимала, что с ней происходит, Может, ее опять лихорадит из-за змеиного укуса или старых ран?.. А старик, размахивая широкими рукавами своего халата, словно летел на крыльях, Он все время оборачивался, проверяя, успевает ли за ним девушка, и даже пытался изображать какие-то гримасы, означавшие, должно быть, ободряющие улыбки. Соня злилась. Она уже чувствовала, что неведомые силы просыпаются вокруг и устремляются к ним. И непременно случится что-нибудь гадкое, ужасное. И, вообще, она сейчас лопнет на месте от распирающего ее напряжения! Голова гудела, как огромный бронзовый колокол. О, боги! Я здесь! Я пришла!

Соня дрожала, маг видел, что с ней что-то происходит, и спешил поскорее привести ее к алтарю. Ну, еще немного! Девушка пошатнулась, схватилась рукой за горло и вдруг резко согнулась пополам: сильнейшие спазмы выворачивали ее наизнанку. Она готова была выть, лишь бы разжались железные пальцы, сдавившие ее голову. Маг нахмурился. Только этого ему не хватало! Еще сдохнет раньше времени! Он подошел к девушке, вытер испарину с ее лица, подхватил ее за талию, помогая идти.

— Соберись с силами, дева! Осталось совсем немного, и ты увидишь сказочное богатство!..

Соня вспомнила слова фавана и усмехнулась про себя. Конечно, что-то он увидят... Но теперь уже надо идти до конца. Девушка прижалась

пылающим лицом к холодным каменным стенам и замерла, приходя в себя. Куфаронус заволновался:

— Эй, что это с тобой? Давай-ка поторопись! Нам нельзя опаздывать!

Соня знала, что он лжет. Просто знала, и все. Но оттягивать решающий момент не имело смысла: все шло своим чередом. И свирель, которую почему-то маг не слышал, наигрывала весело и беспечно. Оттолкнувшись от стены, девушка с трудом побрела дальше. «О, боги! Только не дайте мне упасть! Только пусть я дойду! Пожалуйста!..»

Пещера распахнулась перед ними внезапно. Огромные колонны из мерцающего рубиновыми искрами камня разбежались по кругу и устремились ввысь.

Потолка не было видно — его поглотила темнота подземелья, гладкие отполированные стены напоминали зеркала. Соня обратила внимание на то, что в большие медные кольца между колонн вставлены горящие факелы. Неужели здесь еще кто-то есть?

Старик устремился к огромной каменной плите, расположенной в центре зала. Соня подумала, что, вероятно, это жертвенный алтарь, но Куфаронус, оскалившись, забормотал, что именно за ней находится тайник, в котором хранятся сокровища:

— Верь мне, Соня! Я желаю тебе добра! Вот увидишь... Увидишь, сколько здесь золота и камней!

Он все ближе подталкивал ее к плите, даже не скрывая своей спешки:

— Ты заживешь припеваючи, купишь себе нарядов, коней, слуг... сладостей всяких... жемчугов и бриллиантов... купишь себе быстрый и прекрасный корабль...

Соня оторвала от себя его дрожащие руки:

— Что ты плетешь? Какой еще корабль?

Он скривился:

— Дитя мое, не пытайся лгать. Я вижу тебя насквозь... А сейчас ты ляжешь на этот камень...

Соня вскинула голову и уперла руки в бедра:

— Вот еще! Поищи дураков!..

—...Ты ляжешь на этот камень, мы надреем тебе руку, и твоя кровь, как ключ, откроет нам этот тайник. И ты станешь важной и богатой... И выведешь замуж за...

Девушка, против воли подчиняясь его уверенным движениям и словам, легла на черный камень, раскинув руки. Подняла глаза к потолку...

И страшный крик вырвался из ее горла. Черная пустота холодно ждала ее смерти. Она вспомнила свой сон!

Куфаронус понял, что добыча ускользает из его рук. Это привело его в бешенство. Какой-то миг отделял его от божественного могущества, и вот все рухнуло! Проклятье! Он взвыл, как от острой боли, и кинулся на Соню. Но она опередила его, скатившись с плиты. Девушка больно стукнулась коленкой о камни, сложенные пирамидой около алтаря, замешкалась, вставая, а маг уже оказался рядом. Он бросился на нее, как

безумный, оскалив обломки зубов и стараясь уку-
сать ее за руку:

— Кровь! Дай мне твою кровь! Грязная тварь!
Щлюха! Дочь жабы и гиены! Я приказываю тебе!

Соня, прихрамывая, вскочила на плиту, и тут
же Куфаронус замахал руками, пытаясь схватить
ее за ногу, сдернуть вниз. Девушка брезгливо
наблюдала за его лицом, в котором уже не было
ничего человеческого.

Перед ней бесновался злобный черный демон,
и ей нужно было сейчас просто его убить. Быть
может, именно для этого она сюда и пришла?..
Соня вдруг поймала себя на мысли, что мечты о
золоте ее уже больше не волнуют так, как рань-
ше... Где ее меч?

Она не удивилась, услышав страшный рев
откуда-то сверху, который, постепенно возвыша-
ясь, перешел в невыносимый визг. Сильнейший
порыв ветра снес ее с алтаря на пол, а старик
покатился кубарем по гладким каменным плитам.
Подняв голову, она ждала появления той
фигуры в белом, но тут странные звуки привлек-
ли ее внимание. Соня поискала глазами Куфаро-
нуса. И с ужасом поняла, что боги — на его
стороне: вместо слабого старца у стены стоял
огромный вепрь, роя копытом пол, низко опу-
стив мощную клыкастую голову. В его маленьких
красных глазах горело бешенство.

Такого поворота событий Соня не ожидала.
Но выбора не было. Оставалось сразиться с этим
чудовищем, хотя мысленно она уже представля-
ла свои кишки на его загнутых желтоватых клы-

ках. Зверь почуял ее смещение и, довольно хрю-
кая, начал приближаться.

Но Соня уже не боялась его — она его ждала
почти с воодушевлением, с восторгом чувствуя, как
неведомая сила вливается в нее горячим пото-
ком. В сознании вдруг вспыхнули желтые глаза.
Волк! Убитый ею волк был здесь. Он все время
шел следом, не отставая ни на шаг. Девушка
поняла это сразу, и не удивилась, услышав глу-
хой зов, которых то набегал, то удалялся, как
морские волны: «Соня,пусти меня,пусти. Не
бойся ничего! Наш удел — месть, и лишь она
принесет нам свободу...» Соня провела ладонями
по лицу, взглянула на топтавшегося на месте
вепря. Тот замер: желтый огонь полыхал в глазах
девушки. Она неуверенно оскалилась...

Месть! Конечно — месть! Это был тот ветер,
что носил ее по земле, не давая покоя! Пепел ее
родного дома застилал от нее солнце в самый
жаркий день. И ветер... Ветер носится над поки-
нутыми могилами, воеет в трубах, раскачивает
траву, проросшую на развалинах... Соня до крови
прикусила губу. Кровь! Кровь ее родителей, ее
братьев и сестры взывает к ней из-под земли, и
не было дня, чтоб она не слышала их зов. Теп-
лилась где-то в самых сокровенных тайниках
сердца надежда, что один из братьев жив. Но она
боялась этому верить. Боялась, но, помимо воли
всюду искала его следы... Как волчица, у которой
охотники унесли из норы всех ее волчат.

«Соня! Впусти меня! Только не противься — и
мы победим! Поверь мне!» Она медленно опусти-

лась на пол. Кабан заворуженно следил за тем, как стремительно растут у нее когти, как вытягивается лицо в хищную пасть...

«Когда-то, давным-давно, никто и не помнит, когда, мой далекий предок Волк в голодное, страшное время ушел из своего логова, чтобы не видеть, как умирают его дети. Он брел по лесу, пока не наткнулся на свежий кабаньий след. О, да! Не бывает в жизни случайностей. И встреча их была предопределена, как и ее исход... Он настиг того кабана, едва не падая от слабости, и ему удалось в схватке добраться до его горла. Волчата были спасены, но кабан... Кабан оказался свиньей. И весь выводок ее поросят погиб. С тех пор проклятие тяготеет над нашим родом: Священный Вепрь святилища подчинил себе Волка на веки вечные. И мне не вырваться на свободу даже ценой своей смерти: боги снова вернут меня в обличье другого Волка. Да, я шел сознательно на бой с тобой: я должен был умереть от твоей руки, чтоб воплотиться в твоего Духа Мщения! Моя стая давно ждет меня на Серых Равнинах. И через тебя, став мстителем, я освобожусь от этой вековой повинности...»

— А-о-у-у-у!

Леденящий кровь волчий вой заполнил собой огромную пещеру, отразившись эхом от каменного свода.

— А-о-у-у-у!

Волк, подняв высоко морду, возвестил всем о начале битвы. Шерсть на загривке стояла дыбом, отливая начищенной медью, а в широко расстав-

ленных глазах не было ни страха, ни снисхождения. Кабан яростно затопал ногами и ринулся в атаку.

Рыжий фаван, не видимый никому, быстро спрятался в каменную стену, чтобы не мешаться под ногами. Его это совершенно не касалось, и было бы глупо пострадать ни за что. Боги развлекаются, стравив этих двух чудовищ.

Они могут и не заметить, как в пылу битвы эти звери втопчут в пол их неразумного слугу. Да он и так знает, что дальше будет... А девчонку эту он потом сам разыщет. Ей сейчас не нужны помощники. Вернее, они у нее и так есть.

Сони больше не было. Она исчезла, растворилась в огромном свирепом звере, который с ревом обрушился на разъяренного вепря, кабаньи клыки сверкнули, как ножи, но волк уже отпрыгнул и, припав к земле, готовился к следующему прыжку. Куфаронус наклонил свою громадную голову, выставив жесткую щетину загривка, которой не были страшны ничьи зубы. Глазки его злобно сверкали, но он и не думал трусить: не родился еще такой волк, которому он был бы сейчас по зубам.

Волк прыгнул на кабанью спину и принял врать ее зубами. Вепрь рухнул на пол и принялся кататься, чтоб раздавить врага, но тот уже отскочил и, не дав ему опомниться, опять приблизился к разбушевавшемуся кабану, уворачиваясь от его копыт и клыков. Глаза вепря налились кровью, он яростно визжал и бросался всей тушей на хищника, но тот успевал уворачиваться и напа-

дал сам. Они то сплетались в один клубок, то разлетались в стороны, хрипло дыша, роняя пену и орошая пещеру кровью из многочисленных ран. Кабан бился за свою власть, за богатство, за могущество — за свое будущее, которое было так осязаемо близко! Стоит протянуть руку... Вот только мешает под ногами это лохматое чудовище. Так растоптать же его!.. И он с ревом налетел на противника, мечтая превратить его в кровавое месиво.

Но волк отстаивал свою свободу. Его холодная расчетливая сила, удесятеренная жадой мести, направляемая чутьем и инстинктом хищника, снова и снова бросала его мускулистое тело на вепря, смыкая железные челюсти на ненавистной шкуре врага. Ах, если бы опрокинуть его на спину и впиться зубами в незащищенный пах!

Стены огромной пещеры дрожали от рева сражавшихся зверей.

Их неукротимая ненависть билась в каменном зале, как живое существо, но, истекая кровью, становилась лишь больше и сильнее. Замерший фаван видел ее собственными глазами: черную, блестящую, клубящуюся, как гигантский спрут. О, какой пир, какое роскошное угощение для его хозяев! Столько крови, столько злобы! Как бы не переборщить, а то опять, как много веков назад, дело кончится землетрясением и обвалом. Ищи потом новое место для святилища!

Фаван заводил широким вздернутым носом, принюхиваясь к непривычным горячим запахам. Вепрь выдыхался. Он хрипел, ловя воздух длин-

ным рылом, его мощные бока, обрызганные пеной и кровью, бурно вздымались, как гигантские мехи, ноги дрожали. Видимо, богам тоже надоело его поддерживать, и кабан чувствовал, что силы покидают его, что он вот-вот рухнет всей тяжестью своих мышц на каменные плиты пола. И тогда ему уже не увернуться от зубастых челюстей. Он испуганно захрюкал, закрутился на одном месте, выискивая пути к отступлению.

Однако и волк уже устал. Вывалив длинный красный язык, он с надеждой высматривал в своем противнике признаки слабости. Зверь уже чувствовал запах его страха. Еще немного, еще несколько хороших атак, и забьется под ним в агонии эта туша, замолотит скользящими в крови копытами, уронит огромную голову с подернутыми дымкой безразличными глазами. И тогда никакая сила уже не удержит его здесь! Он опять бросился на вепря и опять, сцепившись, они закружились в смертельном танце, визжа и воя.

Но тут боги совсем отвернулись от своего подопечного и волк вцепился зубами в его горло. Вепрь в ужасе закричал, упал на колени и замолотил головой по торжествующему волку, норовя размазать его по камню. В глазах у вепря потемнело, пенящаяся кровь хлынула горлом, и тут же судорожно бьющееся копыто обрушилось на тело волка, круша его ребра...

Жуткий волчий вой бился в Сониной голове, сотрясая все ее тело. Когда кровавая пелена спала с глаз, она успела заметить исчезающего в темноте пещеры кабана и настигающего его волка. А

перед ней на камнях лежал Куфаронус, болезненно поджав под себя колени и судорожно шаря вокруг себя руками. Соня взглянула на свое отражение и медленно раздвинула губы в злой улыбке, блеснув белыми зубами. Она нагнулась над магом и поставила ему на грудь ногу. Тело его еле шевельнулось.

Девушка вынула из-за голенища сапога нож, наклонилась к его искаженному лицу и, сжав его пальцами, откинула голову старика, намереваясь перерезать ему горло. И тут маг что-то залопотал, быстро и непонятно, дернулся и затих, словно ожидая чего-то. Соня быстро оглянулась по сторонам: пустой зал быстро наполнялся легкими тенями, невнятным шепотом.

Металлический звук лопнувшей струны заставил ее вздрогнуть и быстро пригнуться, отпустив бормочущего Куфаронуса. Его белые безумные глаза метались по залу, пока не увидели то, что искали и тогда торжествующая улыбка расплылась по его лицу. Соня тоже увидела и содрогнулась: к ней быстро летел золотой кинжал с рукояткой в виде какой-то безобразной морды, скалящей острые длинные зубы.

Девушка смотрела на него, не отрываясь, усилием воли заставляя его свернуть, или остановиться. Кинжал замедлил свой полет. Движения его стали неуверенными, словно он не знал, кого слушать. Он дрожал и тонко звенел, висая в воздухе между Соней и магом, поворачивая свое смертоносное жало то к одному, то к другому. У девушки от напряжения пот заливал глаза, но

она боялась сделать любой жест, чтоб это зыбкое равновесие не нарушилось.

Маг скрипел зубами. Проклятый волк! Если бы не он, все давно было бы кончено. И тут Куфаронус увидел, что клинок медленно поворачивается к его горлу. В сердцах он схватил его и тут же закричал от боли: острые зубы вцепились в его пальцы. Соня перевела дыхание, а колдун швырнул золотой кинжал в каменную зеркальную стену и выкрикнул заклинания. Девушка бросилась на него, подмяла под себя и опять потянулась за ножом... Удар тяжелой палицы обрушил на нее темноту беспамятства.

* * *

...Ей казалось, что она лежит в траве под огромным синим небом, а ее смешной рыжий брат с какими-то остроконечными ушами щекочет ее травинкой в носу. А... а... апчхи!.. Лязг оружия вернул ее к жизни. Апчхи!.. Соня чихнула еще раз и испуганно открыла глаза: в двух шагах от нее бились на мечах два великана. Один из них — Агилульф, так вовремя подоспевший, а второй... Девушка протерла глаза. Нет, так и есть: второй боец был точной его копией! Она быстро повернулась к Куфаронусу. Тот довольно потирал руки:

— Смотри, Соня, ну не чудесно ли я придумал: наш доблестный ирл сражается со своим собственным отражением, которое я когда-то у него выиграл! Ах, он так трогательно к нему стремился! И каково же было его разочарование,

когда его двойник ринулся на него, размахивая мечом! Хи-хи... Пасть от собственной руки — это, наверное, не так обидно, как от чужой. Как ты думаешь? Или его палица лишила тебя способности соображать?..

Он смеялся, а сам по-паучьи, быстро подбирался к Соне:

— Ну почему ты такая строптивая? Неужели тебе жалко несколько капель крови? Или, может, тебе страшно, а? Ну, признайся...

Старик что-то говорил, но его слова тонули в звоне металла и выкриках бойцов.

— Ты, несчастная моя тень! — гроыхал Агилульф. — Как ты смеешь поднимать оружие на меня, своего господина?!

Отражение огрызалось короткими ругательствами и продолжало наседать на ирла, все дальше тесня его от алтаря к выходу, Агилульф обиженно выпячивал губы; его отражение казалось ему чрезвычайно несимпатичным. Но вот мечом оно орудовало знатно! Ирл даже не знал, радуется ли наобороте... Бессознательно он боялся сразить самого себя, поэтому его агрессивный противник имел все шансы на успех, и с каждым взмахом меча его движения становились все увереннее и ловче: еще немного и приказ нового хозяина будет выполнен, а враг повержен, сокрушен и уничтожен! Эге-гей, гоп!..

— Соня!

Девушка резко обернулась на крик, и тут же ее взгляд уперся в черные бездонные глаза колдуна. Она замерла, как каменное изваяние, при-

открыв рот и протянув вперед руку. Куфаронус, не отрываясь, смотрел в ее лицо. Это была победа! И теперь никто ее у него не отнимет! Ха! Наконец эта гордочка была в его власти! Обойдя все ловушки, она так глупо попала в такую простенькую западню! Маг чуть было не потерял довольно ладони, но спохватился, шагнул к Соне, дотронулся до нее рукой. Она не шелохнулась. Его зрачки начали подрагивать от напряжения. Колдун властно произнес:

— Иди к алтарю!

Соня неуверенно шагнула раз, другой. Лицо ее мучительно исказилось, но девушка послушно подошла к большой каменной плите и остановилась, держа над ней поднятую руку. Маг нащупал на поясе ножны, торопливо расстегнул их, вынул узкий тонкий кинжал. Сверкнуло лезвие...

И тут явственно зазвучала музыка свирели из-за ближайшей колонны. Куфаронус от неожиданности подпрыгнул, кинжал со звоном упал на камни. Старик закричал, но было поздно: Соня очнулась от наваждения, отшатнулась в сторону. Маг бросился на нее, как гигантская летучая мышь, дернул за руку к алтарю и вцепился в нее зубами. Кровь с шипением закапала на черную плиту. Рев и грохот наполнили пещеру, словно сонмы великанов разом проснулись и принялись рваться на волю, стуча в стены пятками и кулаками. Словно разверзлась преисподняя...

Маг, широко раскрыв рот, то хохотал, как безумный, то просто вопил от восторга. Наконец-то! Вот он — миг абсолютного счастья! Кровь дев-

ственницы выпустит на свободу всех духов и демонов, откроет ему путь к зверобогам и даст над ними власть! Молнии с шипением хлестали в пол. Из страшной черноты свода обрушился вниз ураган, сбив людей с ног.

И вот, когда из черной бездонной воронки, стремительно раскручивающей огромные косматые звезды, стали приближаться с диким ревом чудовища Темного Мира, Соня очнулась. Она посмотрела на распластавшегося на алтаре колдуна, обессилившего от смеха, на свои руки... Не раздумывая, шагнула к алтарю, с натугой подняла с пола один из больших камней, сложенных пирамидой у его подножия, и с облегчением опустила этот камень на плешистую голову Вседержителя Вселенной. Крак!.. Она подумала, что его грязной крови вполне хватит, чтоб смыть ее жалкие несколько капель и опять запереть демонов и духов в святилище.

И она была права: в огромной пещере воцарилась тишина, нарушаемая лишь стуком ее зубов, да кряхтением Агилульфа.

Ирл недоуменно оглядывался, ощупывал себя руками, щелкал языком. Еще миг назад он был уверен, что к ним мчится все Нергалово полчище, готовое разорвать их на куски, а сейчас вокруг царили мир и тишина.

Вон у большой плиты в центре зала стоит Соня, глядя на стекающие на пол струйки крови и словно к чему-то прислушиваясь. А вон... Ирл отшатнулся, увидев в гладкой стене своего недавнего соперника. Но сейчас он не проявлял

агрессивности, напротив, смотрел на него испуганно. Агилульф неуверенно поднял руку в приветствии — отражение тотчас же повторило его жест.

Ирл задохнулся от счастья. Вскочил на ноги и бросился к стене — его отражение, улыбаясь, летело ему навстречу. Ирл радостно застучал кулаком по отполированному камню и прижался к ней губами, запечатлев поцелуй на румяной счастливой физиономии своего двойника.

Соня издали следила глазами за Агилульфом, который, забыв обо всем, в полном восторге от самого себя махал руками, корчил рожи и принимал разные замысловатые позы перед зеркальной стеной пещеры, и никак не мог на себя налюбоваться. А в ушах ее все еще бился низкий грубый голос, похожий на рычание:

— О, Человек, напоивший жертвенной кровью священный камень, что привело тебя сюда?

Соня в недоумении пожала плечами:

— Должно быть, божества дорог решили не давать мне покоя... Но я пришла сюда за... — Она запнулась, но тут же твердо закончила, — ...за сокровищами.

— Не боясь гнева богов?

— Когда с ним сталкиваешься слишком часто, то постепенно привыкаешь. Возможно, мне хотелось опять испытать свою Судьбу.

Голос звучал глуше, словно удаляясь:

— Вдыхающий аромат божественного бессмертия, как запах черного лотоса, не забудет его никогда. Он обречен на вечную за ним погоню...

Соня задумчиво намотала прядь волос на палец:

— Я знаю. Оракул когда-то говорил...

Она обвела растерянными глазами огромный зал, мельком взглянула на скрюченные руки старого мага.

— Так это все — ради бессмертия? И оно было к нему так близко?..

Молчание висело в воздухе, словно огромная птица, распластавшая крылья. Соня топнула ногой:

— Но как? Как его найти? Где?

Шепот за спиной заставил ее обернуться:

— К богам каждый идет своей дорогой. Ищи свой путь.

Рыжий фаван хихикнул и исчез в камне. Девушка бросилась за ним, заколотила ладонями по стене:

— Ты обещал сокровища!

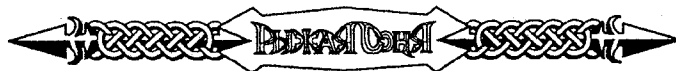
Он дотронулся до ее плеча, стоя за спиной:

— А разве знание о бессмертии — это пустячок? Безделица?

Соня сердито смотрела на его довольную рожицу, растирая укушенную магом руку. А он лукаво ухмыльнулся:

— Ради чего топтать землю, если вся жизнь твоя — лишь миг для Вселенной? Стоит ли задаваться высокими целями, если все равно тебя сожрут черви? А? Эдакие беленькие червячки... А что такое — смерть? А что такое — жизнь?

Проклятый демон! Она-то надеялась, что не будет больше об этом думать. Что эти вопросы

ушли от нее навсегда... А он!.. Соня закричала зло:

— И где, по-твоему, я должна его искать?

Молчание было столь долгим, что девушка подумала, что все ее покинули. Но ответ прозвучал чуть слышно откуда-то сверху:

— Твоя дорога тебя приведет...

А фаван напоследок хихикнул:

— Не горюй, красавица! Гляди веселее! Клянись моими рогами, у тебя столько всего впереди, что возблагодари Судьбу за то, что жива, передохни, да и отправляйся дальше. Тебя ждет твоя дорога. Торопись!

* * *

Агилульф подобрался к ней боком, как испуганный краб:

— Что это с тобой? Ты сама с собой беседуешь?

Соня, не отвечая, стояла и смотрела в темноту свода, на блики света в камнях. Но покров тайны опять упал на это святилище, сомкнув уста богов. И вредный фаван умчался в неведомые дали, предоставив ей самой во всем разбираться. О, как наивно она попала в раскинутые им сети! Мало того что ее руками расправились с этим настырным стариком, так еще ей дали, видите ли, прикоснуться к Тайне!.. И как же ей теперь жить? И почему он сказал, что надо торопиться?

Ничего не говоря ирлу, она тяжело оперлась о его руку и увлекла великана за собой к выходу. Вот уж вляпалась, так вляпалась! Кого же теперь

винить? Счастливчик ирл нашел, что искал. А она вместо золота уносит лишь смятение в душе...

Соня, пошатываясь, брела вдоль темной стены, едва вслушиваясь в изумленное бормотание Агилульфа:

— Ах, заberi нас горячка! Ну кто же в это поверит?..

Он косился по сторонам, но стены здесь были шершавые. Тогда ирл поднимал к лицу свой щит — и, подмигнув себе, продолжал рассуждать:

— Я подозреваю, что мне никто не поверит. Но мне до этого нет дела, ибо порядочный и здравомыслящий человек верит во все, что ему говорят. В особенности, ежели рассказывает такой весельчак и любитель выпить до дна, как я... Никакой видимости правды?..

Он щелкнул по носу свое отражение:

— Ну и что из того?

Девушка наконец не выдержала и, прикрыв глаза, повисла на его плече. У нее все плыло в глазах. Ей казалось, что фигуры на барельефах опять ожили — испуганно всплескивают руками, беззвучно открывают рты. Соня решила, что сходит с ума. Все, что произошло в огромной пещере, казалось ей порождением ее больного рассудка. Поэтому, ощутив под рукой крепкое плечо верного ирла и закрыв глаза, чтоб ничего не видеть, она испытала несказанное облегчение, хоть и спотыкалась на каждом шагу.

Агилульф неуверенно приобнял ее за талию, чтоб она ненароком не упала, и с сожалением пробасил:

— Ах, как много несправедливости на свете! В кои-то веки встретил настоящего бойца, лихого и умелого, истинного мастера... И такая неувязочка! Ах, брат Соннис, ну зачем ты оказался девицей?

Соня молчала. Она не слышала ирла: в ее распухшей от внезапной боли голове, где-то глубоко-глубоко, зародился легкий звук, неуловимая вибрация, напоминавший тихий шорох струйки воды, разбивающей дамбу — еле журчащей, но несущей за собой катастрофу. А ирл вздыхал громко:

— А какой славный друг мог бы из тебя получиться! Конечно, я мог бы и жениться на тебе, но, как мужчина мужчине, ты же понимаешь, каково это потерять холостяцкую свободу. И, вообще, я испытываю к женитьбе некоторую робость... доходящую порой до отвращения. Клянусь моим Альдобрандом!

— Скорее...

— Что «скорее»? Жениться?

Соня судорожно дернулась вперед, мучительная гримаса пробежала по ее лицу:

— Скорее бежим отсюда...

Агилульф недоуменно округлил глаза:

— Разве за нами кто-то гонится?

— Да...

Ирл завертел головой, но, подчиняясь Сонному голосу, в котором вдруг зазвенела сталь, ускорил шаги.

— Скажи мне, друг Соннис, неужели мы не уклюже наступили на чью-то любимую мозоль?

Вроде, никого не встретили, кроме нашего славного старичка-мага...

Соня шипела, как рассерженная кошка:

— Глупец! Только такие невежды, как мы, могли разворошить то осиное гнездо! «На чью-то мозоль!» Да мы оттоптали все мозоли здешним богам! Кровь Куфаронуса на алтаре, а мы убегает восвояси, и каждый несет в себе частицу их тайны.

Ирл побледнел. А Соня воскликнула:

— Ха! Я вижу, тебя проняло до самой печенки, мой славный ирл! Как бы ты поступил на их месте с вражескими лазутчиками?

Вместо ответа Агилульф подхватил Соню на руки и побежал что было сил к выходу:

— Неужели они захотят нас уничтожить, а, Соннис?!

— Им придется искать новое пристанище, а, убегая, они могут невзначай нас и растоптать.

Тихий гул, возникший у них за спиной и быстро усилившийся, свидетельствовал о правоте ее догадки. Стены мелко задрожали, роняя камни. По барельефам побежали кривые трещины. Земля под ногами затряслась, и Соня, изогнувшись, закричала что было сил, забилась от боли в судорогах в надежных руках Агилульфа. Испуганные Диамин и Хайрас присоединились к ним, и беглецы ринулись к выходу.

* * *

...Соня проснулась, как будто ее кто-то окликнул. Открыла глаза стремительно села, изумлен-

но оглядываясь. Но ее окружала лишь мирная картина раннего утра. Казалось, на всей земле в то благословенное утро царил лишь солнечный свет, щедрый и теплый. Ветерок перебирал ее кудри, гладил лицо, но девушка никак не могла избавиться от какого-то смутного внутреннего беспокойства.

Оглядев спутников, Соня грустно сказала:

— Что ж, путешествие наше закончилось печально.

Ирл даже поперхнулся от возмущения и долго кашлял, побагровев от натуги:

— Как это «печально»? Разве, найдешь сейчас человека счастливее меня?

Ему тут же хором ответили Хайрас и Диамин:

— А мы?

И засмеялись, глядя друг на друга.

Соня фыркнула пренебрежительно и отвернулась. Глаза девушки прищурились:

— Хайрас, а как же твои кони?

Степняк пожал плечами:

— Моя жена — дочь правителя Бритунии. Неужели отец пожалеет ей в приданое табун тяжелыхозов? Больше ведь мне ничего не надо: ни золота, ни дворцов.

Соня вздохнула тяжело, надула губы:

— Выходит, одна я ни с чем осталась. И наш маг... А за что, спрашивается?..

Она задумалась. Конечно, природа не создает ничего бессмертного. Бесконечное могут творить только боги. Зачем же они поманили ее тогда бессмертием? Зачем напомнили об этом сейчас?

Где тот оракул, чьи слова о стране бессмертных не дают покоя ее душе, смущают ее и тревожат?.. Столько пройдено ею дорог, но вновь и вновь она возвращается к Источнику. И снова пускается в путь... Может ли человек убежать от самого себя? В какую сторону ей теперь идти?

Соня закрыла глаза, прислушалась к себе, но уставшее сердце упрямо молчало. Ей не хотелось никуда. К чему начинать новый путь по кругу? Она останется здесь. Построит себе хижину, будет охотиться, а долгими тихими вечерами общаться с духами. А в этом суетном развратном мире, что остался за горами, ее никто не ждет. И никто ей не обрадуется.

Между тем Диамину давала последние наставления собиравшемуся в дорогу ирлу:

— Месьор, да сохранил тебя Митра, да помогут тебе в пути мудрые древние боги. Пусть путь покажется тебе короче твоей любимой песни, а ветер всегда будет попутным. Скажи моему отцу, твоему господину, что свой долг я выполнила, как то было угодно богам, и надеюсь, что страсти в королевстве улягутся и опять наступят мир и благоденствие. Поведай без прикрас все, что с нами было и скажи, что я отправляюсь со своим супругом в его страну, за море Вилайет. Надеюсь, что нам доведется свидеться. И пусть его звезда сияет долго и ярко...

Под конец своей торжественной речи она не выдержала и расплакалась. Агилульф отскочил, как ошпаренный: он не выносил женских слез, словно от них могли заржаветь его доспехи. Он

слез с коня, встал на одно колено и с силой стукнул себя в грудь, что, вероятно, должно было означать его клятву в верности. После чего в смятении поспешил усесться на широкую спину невозмутимого Альдобранда. Но прежде чем убраться восвояси вспомнил о своем друге:

— Эй, друг мой Соннис! Тьфу, опять перепутал... Ну да ладно! — Он махнул сокрушенно рукой и с жаром продолжил: — Скажи, друг мой Соннис, куда ты намерен направиться? Может, нам ворожит один бог дороги? Не хочешь ли ты поехать со мной? Помнишь, как славно мы пели:

— Эй, бочка вина...

Но Соня лишь меланхолично покачала головой и снова вонзила частый гребень в свои жесткие кудри, надеясь хоть как-то привести их в порядок.

— Спасибо тебе, славный ирл, но здесь наши дорожки расходятся. Если богам будет угодно, то где-нибудь они еще пересекутся и, поверь, я буду рада. А пока... Отправляйся один. Чистых звезд тебе по ночам, днем — яркого солнца и поменьше приключений в пути!

Она подняла в прощальном жесте сжатый кулак. Диамину долго смотрела ирлу вслед — ведь это была последняя тонкая ниточка, связывавшая ее с домом. И вот она оборвалась. Ее вывел из оцепенения голос Хайраса:

— Поехали с нами! Нам так нужны хорошие воины! Вместе завоюем мир!..

Девушка вдруг прижала руку к груди и побледнела. Она вспомнила то, что говорил ей

степняк, но тогда не придавала значения его словам. А сейчас ее словно кипятком ошпарили:

— Эй, приятель,— голос ее предательски задрожал.— Расскажи-ка мне еще раз о вашем новом вожде. Кто он? Откуда? Что за человек?

Хайрас наморщил смуглый лоб:

— Да никто не знает толком. Он ведь об этом сам не распространяется. Но за ним стоит какая-то тайна, и тайна эта — кровавая...

Сонино сердце билось у самого ее горла:

— Продолжай.

Она сама не узнала своего голоса, но Хайрас ничего не заметил, поглощенный созерцанием своей юной жены.

— Ну, что еще?... Ах, да. Он такой же полукровка, как и ты: наполовину гирканец — наполовину ванир...

Сонино бедное сердце пропустило один удар.

—...Хороший правитель — умеет привлечь людей на свою сторону, умеет зажечь сердца. Ведь это он начал собирать мелкие племена, делать осадные орудия, искать мастеров... О, я и сам буду рад коснуться его стремени! Нас с ним ждет великое будущее, я чувствую это!

Девушка сглотнула ком в горле, с трудом проговорила:

— Сколько лет он с вами?

— Да, три зимы, наверное... Уж и не помню, мне кажется, он все время был среди нас.

Соня поднялась с травы и под недоуменными взглядами Диамины и Хайраса побрела куда-то. Нет, этого не может быть! Она не имела права

даже думать о таком везении! Неужели здешние боги приготовили ей такой подарок?... Нет! Просто она, так долго мечтала об этом, что теперь ей всюду мерещится этот призрак — ее оставшийся в живых брат... Ноги предательски дрожали, но она упрямо брела дальше, лишь бы никто не видел ее растерянного лица, мокрого от неожиданных слез. О, боги! Что же это?...

Когда она вернулась, на лице ее не было заметно никаких признаков волнения.

— Хорошо.— сказала она бесстрастно.— Я продам свой меч этому вашему вождю. Надеюсь, он не скуп...

Она не успела закончить, как Диамин бросилась ей на шею:

— Ах, Соня, как я рада! Я рядом с тобой ничего не боюсь! Как здорово, что мы опять будем вместе!

Хайрас насупился:

— А я, что, ничего не стою?

Диамин обняла его, повернула к себе лицом:

— Ну что ты, глупый! Ты — мой муж! А она будет подругой.

— Что ж, тогда давайте собираться. О, боги, откуда у нас столько вещей. Ну и запасливая же у меня жена! Что это за сверток, например? О, да в нем ларец...

Диамин стала серьезной:

— Это наши фамильные драгоценности, которые мне дал с собой отец. Считай их частью моего приданого. Как ты думаешь, хватит этого на добрый табун лошадей?!

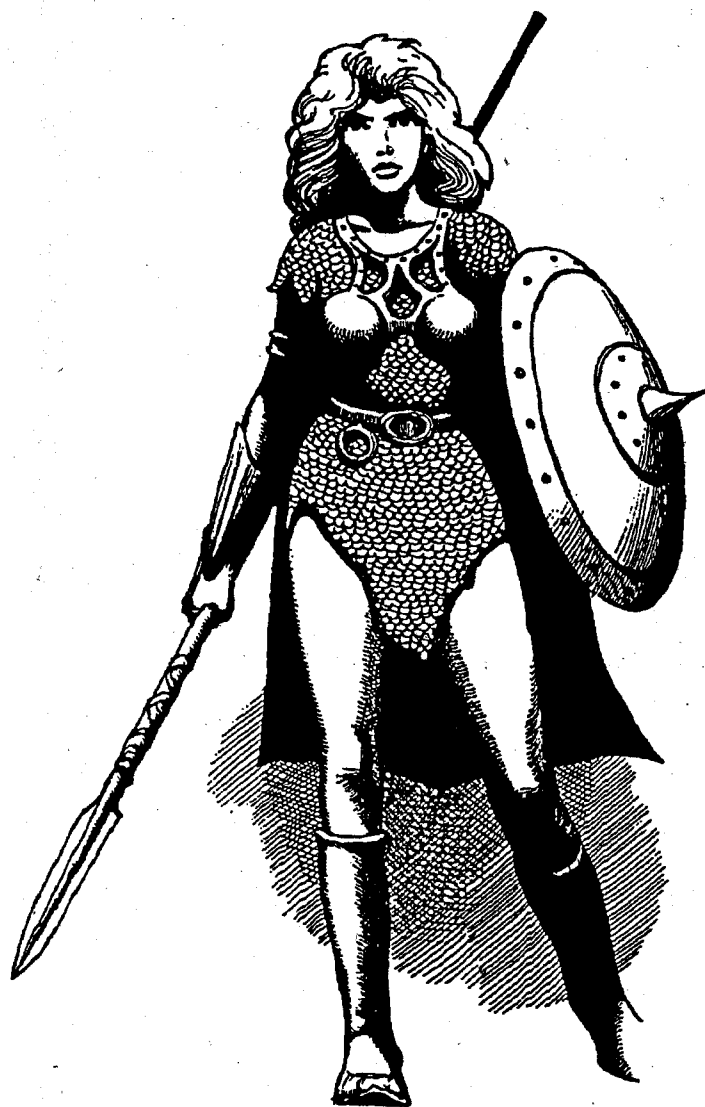

Соня равнодушно слушала щебетание влюбленных. Ей сейчас хотелось только одного — поскорее оказаться по ту сторону моря Вилайет и, оседлав лошадь, скакать в степь, навстречу гирканскому вождю.

Судьба, похоже, вновь поманила ее рукой. Обманет ли и на этот раз? Или наконец дарует надежду? Девушка не хотела загадывать наперед. Да будет так, как пожелают боги...

Солнце было уже довольно высоко, когда они, наконец, отправились в путь. Рыжий демон издалека помахал им рукой. Но путники уже не видели его.

Пролог

Мишину в крохотном обеденном зале постоялого двора нарушало только лишь потрескивание смолистых сучьев в очаге, да завывания бури за окном. Заперев понадежнее ставни и двери, чтобы ветер не выдувал драгоценное тепло, хозяин удалился на кухню, оставив своих единственных постояльцев коротать время до ужина за кувшином вина.

Он был бы рад остаться и посидеть с ними, поболтать немного, узнать последние новости из Халогии или с юга, откуда, похоже, прибыла эта парочка — но гости попались на редкость неразговорчивые. Даже друг с дружкой почти не общались, так что если бы Юхас не видел, что прибыли они вместе, то, пожалуй, усомнился бы, вообще, знакомы ли они между собой.

Ну да не беда, сказал он себе, затворяя дверь на кухню. Буря, по всему виду, закрутила надолго — так что на ближайшие пару дней ему компания обеспечена. Успеют еще разговориться.

Зимой, в этой глуши человек поневоле привыкает ценить любое общество.

А постояльцы, оставшись одни, еще долгое время молчали, наслаждаясь теплом, отдыхая после долгого пути, и лишь допив вторую кружку вина, мужчина подал голос, обращаясь к своей спутнице:

— Сдается мне, мы здесь застрянем надолго. Раз Вамматар не успел добраться сюда до снегопада, кто знает, как скоро он отыщет дорогу.

Женщина засмеялась, тряхнув головой, и еще чуть влажные от снега огненно-рыжие волосы рассыпались по плечам.

— Тебя это как будто огорчает, Север?

— Конечно, нет. Я для того и вызвался поехать, чтобы хоть немного побыть с тобой наедине. В Логове последнее время сделалось шумно.

— Еще бы!

Они переглянулись с улыбкой, понимая друг друга с полуслова, как это дано лишь очень близким людям. И вновь в маленьком полутемном зале воцарилось молчание, теплое и уютное, окутавшее двоих путников, словно пуховая накидка. Как вдруг тишину прервал странный звук — не то скрип, не то скрежет — донесшийся из угла, где Соня с Севером сложили свои дорожные пожитки. Девушка неприязненно покосилась в ту сторону.

— Опять оно... — В голосе ее звучало отвращение. — Нет, уединение — это, конечно, славно. Но, честное слово, я бы отдала свой лучший лук, лишь бы скорее Вамматар приехал и забрал эту

штуковину. Может, старой Лухи такая игрушка придется по душе, но не мне, это уж точно

— Да ладно, не обращай внимания! — успокоил Север подругу. Похоже, разговор этот велся далеко не в первый раз. — Разара утверждает, что *кивес* безвреден — пока не нарушены узлы и печати. А я проверил. Все в полном порядке.

— Да знаю я, — отмахнулась Соня. — Но каждый раз, когда слышу, как оно скрипит и ворочается, мне не по себе. Все время кажется, будто там что-то живое.

Вожак усмехнулся, представил оживший *кивес*.

— Обычный кувшин. Просто магией наполнен под завязку.

Как видно, снисходительный тон мужчины не на шутку разозлил Соню.

— Не смей говорить со мной так, точно я — девчонка, испугавшаяся крысы в подполе! — взорвалась она. — Это *магия*.

— Ну и что?

Он никак не хотел понять

— Терпеть не могу магию, — с жаром произнесла девушка. — Всегда ее ненавидела и боялась! А стоит человеку к ней пристраститься, и все. Погиб. Как дурман для курильщиков лотоса. Или кровь — для гладиаторов. То, что они называют «зов арены»... Знаешь? Магия — еще худшая мерзость! Завладеет душой — и конец!

Теперь уже и Север разгорячился. Нелепые женские предрассудки выводили его из себя.

— Ты так говоришь, будто волшебство — это изначально некая злая сила. Но это неверно. Оно

не злое и не доброе, все зависит лишь от человека. Если им движут благие намерения...

Соня невесело засмеялась.

— Я многое могла бы порассказать о людях с благими намерениями. И о том, что магия сделала с ними. Может быть, тогда ты понял бы...

— Ну так расскажи! Чего-чего, а уж времени у нас довольно.

Девушка покосилась на своего спутника.

— Предлагаешь мне развлечь тебя, подобно сказителю в таверне?

— Почему бы и нет? Ты так редко рассказываешь о своем прошлом. Я с удовольствием послушал бы твою историю.

— Она не совсем моя. Скорее, это история одной аренджунки, дочери богатого и знатного вельможи. И ее отца. Человека благородного, полного самых чистых побуждений. Человека, который слишком сильно любил свой родной город и готов был ради него на любые жертвы.

Голос девушки, помимо воли, обрел глубину и плавность, свойственную истинным сказителям. Взор затуманился, проникая в бездны прошлого. И мужчина, сидевший у очага, весь обратился в слух, понимая, что сейчас услышит нечто действительно необычное.

Глава первая

Вне себя от ужаса, девушка огляделась по сторонам, едва лишь пришла в чувство. Страх железными клещами сжал горло, она не могла даже кричать, а лишь время от времени стонала и жалобно всхлипывала. Силы покинули ее, и все попытки освободиться, разорвать или хотя бы ослабить кожаные путы, которыми она была привязана за руки и ноги к железным кольцам, вмурованным в каменный алтарь, оказывались напрасными.

Молодая рабыня дернулась, чтобы откинуть волосы с лица и стряхнуть пот, заливавший глаза и мешавший разглядеть господина, чей силуэт смутно выделялся вне пределов освещенного горящими свечами пространства. Она тщиалась подыскать слова, что помогли бы ей вымолить пощаду, но лишь тихий стон сорвался с запекшихся губ. Тогда девушка слегка приподнялась, однако острая боль пронзила ее, и она снова откинулась на холодный камень.

Господин подошел поближе, шурша подошвами по плитам пола. Худое седобородое лицо показалось ей ликом призрака: длинные черные тени превращали его в зловещую маску. Рабыня неотрывно смотрела на хозяина, словно пытаясь угадать, какие еще испытания он ей уготовил.

— О боги... — всхлипнула она в отчаянии.

— Ш-ш-ш!.. — Он приблизился еще на шаг, обошел распростертую на алтаре девушку, и опершись руками о гранит, взглянул на нее сверху вниз. Кинжал, висевший на поясе, тихо звякнул. — Прошу тебя, Лейра, — проговорил старик тихо, и голос его был полон горечи и грусти. — Пожалуйста, не сопротивляйся. И не проси. Для меня это тоже нелегко.

— Господин Эrimiор! — воскликнула она. — Ради всех богов, умоляю... Умоляю, пощадите!..

— Тихо. — Его голос звучал не громче шепота. — Мне самому не хочется это делать, Лейра. Дитя мое, неужели ты не понимаешь? Только так... Только так можно уничтожить его.

— О боги! — Она всхлипнула и отвернулась. Горячие слезы потекли по щекам.

— Лейра... — Эrimiор сделал едва заметное движение, и в его руке блеснул нож.

Девушка напряглась, как будто надеялась защититься от смертоносного лезвия. Из пересохшего горла вырвался только один короткий звук, похожий на бульканье.

Да и сумей она закричать, позвать на помощь, вряд ли кто-нибудь из слуг откликнулся бы на ее отчаянный зов.

— Тихо, тихо... — Эrimiор, полный отвращения к самому себе, старался успокоить несчастную жертву, приглушить ее страх. Он нежно провел рукой по золотым волосам, словно лаская возлюбленную. — Все произойдет очень быстро, Лейра. Ты не будешь долго страдать. Только одно заклинание — и все кончится. Ну как же ты не понимаешь? Мы должны остановить его. Твоя жизнь была чистой и честной. Боги не станут тебя осуждать. Они проклянут меня, Лейра, а ты окажешься под их защитой. Ты не можешь ненавидеть меня за это, Лейра. Прошу тебя. Пожалуйста...

Ей нечего было ему ответить. Из всех чувств, что девушка испытывала сейчас, самым сильным был страх. Она не могла ненавидеть своего хозяина, его ласковый голос убаюкивал и внушал надежду — но через мгновение острый клинок должен был оборвать ее жизнь.

— Не делай этого, господин мой, — взмолилась она.

— Ш-ш-ш, теперь помолчи...

Эrimiор отвернулся, окинул взглядом темный зал, расставленные по кругу черные свечи, окружавшие его, алтарь и рабыню, затем прислушался. Ничто не нарушало тишину, кроме стука его собственного сердца и всхлипываний Лейры. Никто ничего не заподозрил. Никто его не предал. Ему удастся выполнить задуманное. Это... чудовище... наконец-то будет уничтожено.

Лейра не сводила с него полных ужаса глаз. Она чувствовала, что господин не скажет больше

ни слова, чтобы успокоить ее. От страха у нее резко напряглись мышцы живота, влажные соски съежились.

Пот, подобный обильной росе, покрывал ее с головы до ног, будто морские волны обдали стройное тело солеными брызгами, в неверном свете свечей загорелая кожа мерцала, как жидкое золото.

Внезапно девушка принялась биться затылком о камень алтаря, словно надеясь потерять сознание до того, как ее пронзит боль.

Стараясь разорвать путы на ногах, рабыня задергалась, раздирая до крови кожу, и снова принялась молить о пощаде, однако Эrimiор уже не слушал ее.

Он взглянул на свечу с нанесенными на нее отметками, горевшую на столе за алтарем, и пробормотал:

— Время Ворона. Пора.

— Нет, о боги, не надо, господин! Господин! — стонала Лейра.

Эrimiор не обращал на нее внимания. Крепко обхватив обеими руками рукоять ножа, он поднял лезвие над головой, направив острие в потолок.

— Аркату, услышь меня! Белиас, внимай! Андомиан, Ордиум, слушайте! Вы, твари Бездны, вы, демоны Мрака, вы, существа, насылающие напасти на человеческий род, слушайте мой призыв! Отзовитесь, восстаньте из Бездны и явитесь на пир!

Он начал медленно опускать кинжал.

Желтое пламя свечей на полу затрепетало, хотя все окна были плотно закрыты и в зале не чувствовалось ни малейшего ветерка.

— Аркату! Белиас! Андомиан! Ордиум! Слетайте сюда! Почувствуйте кровь девственницы, предназначенной вам в жертву! Собирайтесь на пир и внемите моим приказаниям!

— Нет! — всхлипывала Лейра. — О боги, боги...

Эrimiор шумно соглотнул. Держа кинжал обеими руками, он опускал его, пока острие не коснулось тела жертвы.

— Отвечайте мне! — восклицал он, в то время как пламя свечей плясало все сильнее и неистовее. — Вы, обитатели Потустороннего Мира, придите насытиться кровью девственницы!

— Нет! — взвизгнула Лейра.

Эrimiор закрыл ей рот потной ладонью и сделал на теле девушки неглубокий разрез от груди до пупка. Из тонкой неровной линии показалась алая кровь. Маг, придерживая рабыню, поднял сверкающее лезвие вверх.

— Ответьте мне, вы, существа с Той Стороны! Почувствуйте кровь! Явитесь насытиться непорочной плотью! Откликнитесь на мой вызов и выполните мое требование — уничтожить Куршахаса Аренджунского!

Внезапно снаружи, за стенами зала, послышался шум. Свечи затрещали и начали дымить. Эrimiор продолжал взывать к демонам.

Лейра, обезумевшая от страха, извернулась и изо всех сил впилась зубами в руку Эrimiора. Тот взвыл и отдернул пальцы.

— Боги, спасите меня-а-а! — визжала рабыня. Маг с силой ударил ее по щеке.

— Отзовитесь, Аркату, Белиас, Андомиан!..

Шум снаружи стал громче — топот, лязг оружия и доспехов. Пламя свечей заплясало, будто от сильного ветра. Лейра беспрестанно вопила.

Эримиор взмахнул кинжалом, и, снова сжав рукоять двумя руками, поднял клинок и нацелил острие на грудь жертвы — прямо в сердце.

— Отзовитесь!

— О боги, спаси-и-те-е!..

— Аркату! Белиас!

Раздался грохот, дверь слетела с петель, и в зал ворвалось множество людей. Толкая друг друга, все вопили и изрыгали проклятия. От потухших свечей к потолку вился голубой дымок. Лейра не умолкала ни на миг. Выдернув наконец одну ногу из пут, она свесила ее с алтаря, стараясь нащупать пол.

Эримиор взвыл и шарахнулся назад, выставив перед собой кинжал. Комната ярко осветилась светом факелов. Отовсюду раздавались крики:

— Это он! Хватайте его!

— Освободите девицу!

— Хватайте этого человека! Держите его!

— Он тут занимался колдовством! Посмотрите на девку, она вся в крови!

— Отвяжите ее! Освободите рабыню!

— Держите его! Держите! Бросай нож, Эримиор! Брось его!

Старик почувствовал, как грубые руки схватили его, отобрали кинжал, и тот зазвенел на

камнях. Он слышал, как рыдала девушка, видел, как кто-то перерезал кожаные ремни и помог ей встать на ноги. На Эримиора посыпались беспорядочные удары, затем его схватили за локти, заломили руки и заставили выпрямиться. От резкого движения рубаха лопнула на груди. Кто-то плюнул ему в лицо.

Из общего шума выделился один властный голос.

— Факелы сюда! — приказал он. — С девицей все в порядке?

— Да, Хавлат. Одна царапина.

— Порез неглубокий. Помедли мы еще хоть мгновение, и...

— Держите его! — рявкнул Хавлат. — Держите крепче! Еще факелы! Сюда!

Яркие огни окружили Эримиора.

— Вы узнаете его? — громко спросил предводитель. — Мне нужны очевидцы! Все его знают?

— Да, господин. Это Эримиор.

— Эримиор!

— Это Эримиор, само собой.

Тряхнув головой, старик поднял глаза. Его горящий взгляд встретился с взглядом врага, но Эримиор не проронил ни слова: тупая боль медленно растекалась по телу, и он с трудом сдерживался, чтобы не застонать.

— Ну и ну, — усмехнулся Хавлат, почесывая подбородок. — Какой же ты глупец, друг мой.

Эримиор снова промолчал, но глаз не отвел. Он пристально смотрел на Хавлата, словно боялся забыть, как тот выглядит: черные брови, глу-

боко посаженные глаза, мелкие белые зубы, черные усы и борода — как же он ненавидел этоо негодая!

— Это измена, очевидная измена,— спокойно продолжал Хавлат.— Пытался убить Куршахаса, да? И к тому же при помощи колдовства! Теперь-то ты заплатишься за это, приятель. Тебя повесят вверх ногами и станут медленно разрезать на кусочки. Мед-лен-но, дружище! Ты за все ответишь!

Голова Эrimiора упала на грудь.

— Тебе нечего сказать в свою защиту?

Старик прерывисто вздохнул и прошептал:

— Собака...

— Я не расслышал! — Со злорадной ухмылкой Хавлат шагнул вперед, схватил Эrimiора за бороду и рывком приподнял ему голову.— Что такое? Что ты сказал?

Тот бесстрашно заговорил, теперь уже четко выговаривая слова:

— Собака! Лжец! Ведь это ты подговорил меня заняться этим! Ты все продумал заранее. Разве не так?

— Что-о? — Лицо Хавлата исказилось от ярости.

— Еще бы!.. — Эrimiор горько улыбнулся.— Как легче всего избавиться от противника? Подбить его на какое-нибудь чудовищное преступление, а потом обвинить в измене и арестовать, не правда ли?

— Я не могу поверить собственным ушам! — взорвался Хавлат.— Правильно ли я понял? —

Горящим взглядом он обвел стражников.— Вы все слышали? Готовы подтвердить перед судьями, что здесь творилось самое мерзкое чернокнижие? Мне нужны очевидцы!

— Мы все видели и слышали, господин,— нестройно отозвалось несколько голосов.— Мы подтвердим.

— Ты хочешь обвинить меня в том, что я участвую в твоём заговоре, Эrimiор? — нахмурился Хавлат.— Ты это имеешь в виду? Отвечай, лживый негодяй!

Старик только усмехнулся в ответ. Изрыгнув проклятие, Хавлат грубо ударил старика по лицу. Однако печальная улыбка продолжала играть на губах Эrimiора.

Из коридора вдруг послышался встревоженный женский голос:

— Что здесь происходит? Пустите меня, осто-лопы! Дайте пройти!

Повернувшись на каблуках, Хавлат увидел, как молодая женщина в богатом платье проталкивается сквозь толпу слуг и городских стражников.

Ворвавшись в комнату, она резко остановилась, пристально разглядывая присутствующих: отца, Хавлата, стражу. На ее гордом, прекрасном лице попеременно отражались ярость и изумление.

— Во имя богов, что все это значит? Что здесь происходит. Отец?..

Эrimiор посмотрел на нее, и глаза старика наполнились слезами.

— Алинор, — тихо проговорил он, — не вмешивайся в это дело. Держись подальше.

— А... Твоя дочь. — Хавлат, прищурившись, оглядел молодую женщину с головы до ног. — Ты хочешь убедить нас, что она не имеет отношения к твоему заговору?

— Оставь ее в покое! — рявкнул Эrimiор, не в силах больше сдерживать ярость. — Не смейте к ней прикасаться!

— Так что же здесь происходит? — требовательно спросила Алинор, приближаясь к отцу и сердито глядя на Хавлата.

— Мы застали твоего отца, когда он проводил магический ритуал над этой рабыней, — объяснил Хавлат. — Он хотел воспользоваться демоническими силами, чтобы уничтожить одного из высокопоставленных вельмож нашего города. Это преступление, за которое он ответит перед властями!

Алинор побледнела: услышанное настолько поразило ее, что она отказывалась верить собственным ушам.

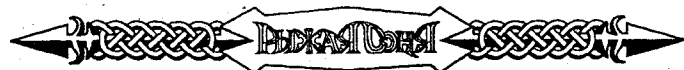
— Ты, должно быть, сошел с ума. Это какая-то чудовищная нелепость...

— Боюсь, что нет.

— Отец! Что он хочет этим сказать? — Алинор обняла отца за плечи и заглянула в его полные невыразимой боли глаза. — Что тут произошло?

— Очевидно, — проговорил Хавлат с ноткой сожаления в голосе, — она и правда ничего не знает.

Алинор резко обернулась к нему.

— Разрази тебя гром! — воскликнула она. — Сначала объясни, что тебе здесь нужно, а потом убирайся из нашего дома!

Хавлат будто не услышал ее.

— Шевелитесь, — приказал он стражникам. — Отведите его прямо в тюрьму. Поторапливайтесь!

— Стойте! — крикнула Алинор. — Вы не посмеете...

Хавлат резко повернулся к женщине и ударил ее по лицу с такой силой, что она отлетела к стене.

— Молчи! — прошипел он. — Или тебе придется ответить за злодеяния твоего отца. Не вмешивайся!

Стражники потащили Эrimiора прочь из комнаты.

— Заберите и рабыню, — велел Хавлат. — Она будет свидетельствовать против своего господина. Да, и хватит глазеть, прикройте ее чем-нибудь. Неужели никогда не видели голую девушку?

Дрожащую и всхлипывающую Лейру поспешно закутали в плащ одного из стражников и вывели в коридор.

Через несколько мгновений в комнате воцарилась тишина: стражники ушли, а перепуганные слуги даже не пытались сюда заглянуть. Алинор в одиночестве стояла у алтаря.

На каменном полу, среди растоптанных кровавых пятен, валялись кинжал и растоптанные свечи.

Девушке казалось, что все это ей приснилось, что кошмар вот-вот должен закончиться. Она сейчас выйдет отсюда, пройдет по залу, затем вернется в эту комнату и обнаружит, что все это ей привиделось. Просто разыгралось воображение.

Ничего подобного не могло произойти...

Это попросту страшный сон. Надо лишь сделать усилие и проснуться...

Глава вторая

Несчастному Эrimiору недолго пришлось пребывать в неволе. Уже к следующему утру Хавлат собрал все необходимые свидетельства для того, чтобы вельможа, обвиняемый в измене, предстал перед судом. На утреннем заседании Хавлат выступил первым. Его речь была краткой и яркой.

Девять судей, весьма благосклонно к нему настроенные, решили не давать слова Эrimiору, ибо сочли, что никакие оправдания его не спасут. Беднягу даже не стали вызывать из тюрьмы. Когда Алино́р, дочь подсудимого, принесла прошение о помиловании, ей позволили высказаться, однако Хавлат искусно опроверг ее утверждения о невиновности отца и отвел все обвинения в том, что судьи, столь поспешно и поверхностно рассматривающие дело, нарушают закон. Она потерпела поражение. Вынося приговор, суд был единодушен: преступник заслужил смерть. Публичную казнь назначили на этот же день, а

палачу послали распоряжение, чтобы он должным образом подготовил площадь к зрелищу, на которое всегда собиралась большая толпа. Хавлат, нарушив обычай, решил поторопить события и самолично отправился в королевскую тюрьму, чтобы сообщить Эrimiору новости.

— Пришло время расплаты, приятель,— шипел Хавлат, стоя у решетки перед камерой.— Решение суда оказалось единогласным.

Эrimiор поднял голову, и его светлые глаза блеснули в полумраке.

— Я иного и не ожидал,— пробормотал он едва слышно.— Было бы удивительно, выступи хоть кто-то из них против. Все эти судьи так или иначе зависят от тебя. Они выполняют твои приказы, а ты щедро оплачиваешь их послушание. Но ведь я тоже поступил так, как ты велел. И что? Теперь меня будут пытаться, а затем казнят.

— Все еще упорствуешь в своей клевете? — усмехнулся Хавлат, хотя поблизости никого не было, даже дремлющего охранника, который мог бы услышать его.

— Ты же знаешь, что я не лгу. На мне нет вины, и боги примут меня.

— Так уж и нет? — злорадно усмехнулся Хавлат.— Тебя застали за совершением магического ритуала. Боги не любят самозванцев, которые возомнили себя чародеями и решили, что могут подчинить себе высшие силы.

Наступило долгое молчание. Тишину нарушали только тяжелое дыхание Эrimiора и позвякивание его цепей. Наконец он сказал:

— Тебя постигнет кара за твое злодейство, Хавлат. Можешь не сомневаться.

— Вряд ли. Сегодня ты умрешь.

— Перед смертью я прокляну тебя, и мой дух отомстит.

Его враг расхохотался.

— Ты нечестивец, Хавлат. Тебя еще настигнет возмездие, и чрево Мрака поглотит тебя.

— Ты несешь чушь, как эти увечные попрошайки на улицах, которые вымаливают подачку и угрожают легковерным, утверждая, что зло будет поправлено, а добро восторжествует.

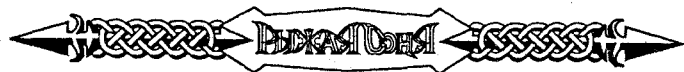
— Когда ты будешь умирать, Хавлат, вспомни обо мне. Меня ждут пытки и страдания, но моя смерть по сравнению с твоей будет сладостной и безболезненной. Я предвижу страшный конец, который тебя ожидает. Я знаю: черное пламя, что пожрет твою душу, уже зародилось в Бездне.

— Не сотрясай понапрасну воздух, побереги силы, приятель. Они тебе еще понадобятся, чтобы вопить. Немного позже. Сегодня днем.

С этими словами Хавлат резко повернулся и пошел прочь от камеры по темному коридору.

Эrimiор прислонился к каменной стене, и тяжелые цепи тихо зазвенели. Его лицо пылало, он мелко дрожал. Он достиг примирения с богами, на душе у него царил мир, но старик не хотел умирать. Снова и снова, как заклинание, он повторял:

— Не забудь, Хавлат. Ты канешь в Бездну. Вспомнишь обо мне, когда будешь умирать, когда придет твой последний миг...

Чуть позже тем же утром Алинор вернулась в суд с новым прошением, требуя последнего перед казнью свидания с отцом. Хавлата в суде не было, но девять мрачных судей поступили именно так, как, по их мнению, поступил бы сам Хавлат. Они отказали девушке.

— Но вы не можете так поступить! — в ярости кричала Алинор. — Это противоречит всем законам, которые вы обязаны блюсти! Каждый осужденный перед казнью имеет право на одну встречу с родственниками!

Склонив друг к другу голову, судьи тихо посоветовались, а затем главный судья объявил:

— Все это так, но твою просьбу нельзя удовлетворить по двум причинам. Во-первых, твой отец осужден за государственную измену, а значит, ни на какие послабления рассчитывать не вправе. Во-вторых, любые посещения прекращаются, когда до казни остается один день и одна ночь, а до казни твоего отца — менее половины дня.

— Это чудовищно! — возмутилась Алинор. — Его же бросили в тюрьму только вчера вечером, сегодня утром уже осудили, а казнь назначили на этот же день.

— Молчи! — Главный судья встал и пристально посмотрел на девушку. — Молчи, иначе тебя выведут из зала суда! Отправляйся домой и молись богам, чтобы они приняли душу твоего отца! Он дурной человек, колдун, и ему потребуется твоя помощь, если он не хочет, чтобы Мрак поглотил его. Уходи! У нас еще много дел,

а мы и так уже уделили слишком много времени и внимания дочери изменника.

* * *

Дом Эримиора располагался в одном из самых богатых кварталов Аренджуна. Из окон открывался вид на дворец наместника и на главную площадь, где должна была состояться казнь. Алинор сидела в одиночестве в комнате с высокими потолками и безучастно наблюдала за зловещими приготовлениями.

Публичные воззвания рассылались все утро, площадь быстро заполнялась толпами любопытствующей черни, и доходы торговцев в палатках сравнялись с их выручкой за целый год. Возбужденные зрители то и дело прикладывались к флягам с вином, поглощали пирожные и хлеб с сыром и мясом, пели песни, играли на лютнях и флейтах.

Воры-карманники ликовали: им удалось нащелкать столько денег, что теперь они могли возволить себе отдохнуть несколько дней. К полудню небо начало темнеть, город окропил мелкий дождик, но это ничуть не испортило настроение толпы.

Алинор не пролиwała слез, и сторонний наблюдатель даже не догадался бы, какая боль терзает ее. Будучи достойной дочерью своего отца, она умела ничем не выдавать своих чувств. Жизнь при дворе научила Эримиора полагаться только на себя, сохраняя при этом внешнее спокойствие. Это умение он передал и своей дочери.

Девушка как бы окаменела. Страсти кипели так глубоко в ее душе, что о них говорили только почти неуловимые изменения в чертах лица. Невозможно сказать, какие напасти могли бы ввергнуть ее в бездны отчаяния.

Она умела так хорошо держать себя в руках и казаться настолько равнодушной ко всему, что можно было подумать: ей нечего терять и она не надеется что-либо изменить. Алинор выросла в мире интриг, богатства, власти и силы, и потому ей многое приходилось оберегать, и прежде всего — себя.

На площади зазвучали трубы, оповещавшие о начале казни, и Алинор отложила в сторону свитки, которые просматривала — это были записи ее отца. Из них девушка узнала обо всем: о предательстве Хавлата, о том, почему ее отец опасался Куршахаса — таинственного вельможу, который или держал в руках Хавлата, или сам зависел от него, о том, как постепенно шло возвышение Хавлата при дворе, как злоупотреблял он своей властью. Последнюю запись отец сделал вчера. Тонким изящным почерком Эримиор написал, что намерен совершить колдовской ритуал и принести в жертву Лейру ради всеобщего блага. Затем он обратился к богам, умоляя, чтобы они с пониманием отнеслись к его замыслу.

Снова запели трубы. Алинор оперлась на подоконник и начала рассматривать толпу внизу. Один из приближенных наместника, разодетый в алые и золотые тона, пересек площадь на белом

скакуне, затем спешился и взобрался по ступенькам на высокий помост.

В это мгновение в дверь комнаты Алинор постучали. Она резко обернулась на стук и сердито крикнула:

— Я же говорила, чтобы меня оставили в покое!

— Прости, госпожа, — послушался голос доверенного слуги. — Я по важному делу.

— Важнее, чем смерть моего отца? — вспыхнула она, но потом вдруг уступила: — Входи.

Слуга с поклоном застыл в дверях.

— Я могу говорить, госпожа? — спросил он. Алинор кивнула.

— Госпожа, я пришел сообщить, что большая часть слуг покинула дом.

— Как это «покинула»?

— Они ушли. Остались только шестеро, из них двое рабов и та девица.

— Лейра?

— Да.

— А остальные?

Слуга пожал плечами:

— Дом пуст.

— Они не хотят прислуживать в доме изменника? — фыркнула Алинор. — А те, кто остался? А, Тирс? Вы тоже сбежите?

Слуга гордо поднял голову:

— Пока ты платишь нам, мы останемся с тобой, а рабы... Куда они денутся?

— Очень хорошо... — Над площадью снова разнесся звук труб. — А теперь уходи, Тирс.

— Хорошо, госпожа.— Слуга поклонился и, пятясь, вышел.

Алинор снова обернулась к окну и стала смотреть на площадь.

Человек на помосте дочитывал приговор Эримиору. Снова зазвучали трубы, а толпа ожила, увидев, что от тюрьмы отъехала тележка, влекомая медлительной понурой лошастью. На тележке, съжившись, сидел узник, скованный по рукам и ногам.

Толпа взревела и начала швырять в него комья грязи. Повозка остановилась у лестницы, ведущей на помост, и двое стражников вытащили осужденного. Зрители подобно приливной волне хлынули вперед, но мечники, окружавшие помост, сумели удержать их, пока с Эримиора снимали цепи и вели его к месту казни.

Публика засвистела и заулюлюкала, а на помост полетели камни и гнилье. На сей раз пришлось уже действовать конной страже.

Разгоряченные, напуганные невероятным шумом лошади рванулись вперед, и люди, чтобы не очутиться под копытами, были вынуждены отступить. Даже на самых пьяных возможность получить увечье, а то и погибнуть, подействовала отрезвляюще.

Вскоре из здания суда в сопровождении стражников прибыл палач. Глашатай вновь зачитал приговор, и палача провели по лестнице на помост. Это был огромный мужчина, наготу которого прикрывала лишь темная набедренная повязка, перехваченная под выпирающим живо-

том широким кожаным ремнем. Его голову скрывал черный капюшон, доходивший до середины спины и груди. В могучих руках он нес множество страшных орудий для пыток.

Несколько стражников поднялись вместе с палачом. Они сорвали с Эримиора одежду, к оковам на его ногах вновь прикрепили длинные цепи и перекинули их через блоки, приделанные к перекладине над помостом. Затем осужденного грубо вздернули вверх, натягивая цепи при помощи воротов. Когда наконец Эримиор повис вниз головой, с его запястий сняли стальные браслеты, развели ему руки в стороны и привязали их к большим скобам, вбитым в помост.

Толпа ликовала, зеваки дрожали от нетерпения, желая поскорей увидеть, как будут мучить проклятого изменника.

Городские стражники сошли вниз и заняли свои места в оцеплении, которое удерживало наиболее рьяных горожан. Палач остался один на один с жертвой.

Он был мастером своего дела. Получая невыразимое удовольствие от того, что вытворял с осужденными, он умел не только сделать пытку наиболее мучительной и изощренной, но и ловко управлял настроениями толпы.

Казалось, он не обращал ни малейшего внимания на публику, но, как великий лицедей, улавливал чувства зрителей, безошибочно угадывая, когда нужно дать передохнуть жертве, чтобы представление не закончилось слишком быстро, когда пора пустить кровь, а когда надо начать

переламывать кости. И сейчас он заставлял Эримира то истошно вопить, то впадать в беспамятство, а толпа, все более распаляясь, подхватывала крики несчастного, словно многоголосый хор, который вторит запевале.

Казнь началась с бичевания, легкого, вполсилы, но обжигающий конец хлыста оставлял яркие и глубокие следы на коже жертвы. Затем палач сделал небольшие разрезы на его лице, кистях и ступнях и более глубокие — на боках, груди и спине.

Когда затуманившиеся от жгучей боли глаза несчастного снова прояснились, в ход пошли раскаленные щипцы, и в воздухе повисла вонь горящей плоти. Потом снова последовало бичевание, но на этот раз в хлыст были воткнуты острые колючки, раздиравшие тело в клочья. В раны палач старательно втер соль и перец и тут же, снова взявшись за щипцы, начал медленно, по суставам, отделять пальцы рук и ног.

Превратив тело жертвы в сплошную рану и не оставив ни одной целой кости, мучитель принялся за лицо. Палач старательно и неторопливо вырезал и раскладывал лоскуты кожи, затем аккуратно выдавил глаза и искромсал шею, не затронув, однако, голосовые связки, чтобы Эримир мог кричать. И каждый нечеловеческий вопль возбужденная толпа встречала восторженным визгом.

Алинора смотрела не отрываясь, и бешеная ненависть клокотала в ее груди. Безудержная ярость нарастала, заполняя душу девушки, не

оставляя места другим чувствам, и чем сильнее она становилась, тем спокойнее было лицо Алиноры и в тот миг, когда палач отрубил ее отцу голову, любящая дочь словно умерла вместе с ним.

Алинора вовсе не была неженкой, и ей уже не раз приходилось видеть не менее ужасные казни. Так всегда терзали осужденных на смерть преступников. Но ведь ее отец осужден несправедливо и несправедливо. Он был ни в чем не виновен.

А судьи, пославшие его на смерть, даже не усомнились в своей правоте. И Хавлат, подлый и коварный, прибравший к рукам суд, жив, здоров и счастлив. Без всяких помех он будет творить свои темные дела, замышлять новые преступления, клеветать на своих врагов, и ничто его не остановит.

Казнь окончилась, толпа начала расходиться. Алинора закрыла ставни, опустилась в кресло и до глубокой ночи просидела неподвижно, заново переживая события двух последних дней и обдумывая планы отмщения. Она несколько не сомневалась в том, что ей грозит серьезная опасность. Хавлат не оставит в покое ее, дочь Эримира, понимая, как жаждет она его смерти.

Она знала, однако, что Хавлат не станет действовать немедленно, чтобы не возбудить подозрений. Значит, у нее есть еще время, чтобы все продумать и справиться с ним.

Алинора долго размышляла, как же отомстить негодяю, но ничего путного ей в голову не приходило, пока она не вернулась в свою комна-

ту и не взялась перечитывать записи отца и его любимые книги.

Впервые в жизни она касалась древних страниц, разворачивала свитки, о существовании которых до этого даже и не подозревала.

И чем больше она всматривалась в пожелтевшие листы, тем беспокойнее становилось у нее на душе, ибо с великим изумлением девушка обнаружила, что ее отец на самом деле занимался колдовством.

Алинор долго сидела над книгами, и постепенно ее замысел приобретал все более четкие очертания. Попытаться победить Хавлата честно и открыто, уповая на законы, было глупо. Будь она даже тысячу раз права, она неизбежно проиграет.

А если сразиться с ним при помощи колдовства? Научиться составлять зелья, запомнить зловещие заговоры, призвать темные силы, которые сокрушат Хавлата, уничтожат его тело, испепелят душу, и даже после смерти он не найдет покоя, а боль, яростная, беспощадная, станет вечным его спутником.

Ее глаза возбужденно заблестели.

— Я так и сделаю! — воскликнула она. — Мне больше ничего не остается!

Времени у нее было в обрез. Нужно было действовать быстро и наверняка..

— Магия! — пробормотала она.

Магия поможет расправиться с человеком, погубившим ее отца.

Окинув взглядом книги, Алинор зажгла еще несколько масляных ламп, чтобы разогнать сгу-

щавшуюся в комнате тьму, и снова углубилась в чтение.

* * *

В то же самое время, совсем недалеко от дома казенного вельможи, в небольшой отдельной комнате своих апартаментов Хавлат не без удовольствия поглощал поздний ужин. Музыкант с печальными глазами развлекал господина, исполняя задуманную балладу о разлученных влюбленных. В этот момент раб, осторожно постучав в дверь, вошел в комнату. Хавлат поднял глаза.

— К тебе Куршахас, господин.

Хавлат кивнул. Слуга быстро отступил в сторону, и вошел гость.

Это был высокий, худощавый мужчина с невероятно бледным лицом, темными, немигающими глазами, в пурпурно-золотистых одеждах. Не говоря ни слова, он уселся на стул напротив Хавлата.

Оповестивший о его приходе слуга выскочил из комнаты и через мгновение вернулся с серебряным подносом, на котором стояли бутылка, заткнутая пробкой, и позолоченный кубок.

После того как слуга низко поклонился и вышел, Куршахас откупорил сосуд и налил себе темно-красной жидкости, которая оказалась слишком густой, чтобы ее можно было принять за вино.

Хавлат не отрывал от него настороженного взгляда и, слегка поевившись, отвернулся, когда гость поднес кубок к губам и отпил из него. Затем

Куршахас промокнул губы салфеткой и надменно улыбнулся:

— Тебе неприятно?

— У меня мурашки по коже...

Куршахас рассмеялся глубоким гортанным смехом:

— Почему? Ты и сам — по-своему, конечно — такой же кровопийца, как и я. А если бы ты оказался на поле боя и тебе, как это произошло со мной, пришлось бы выбирать: питаться человеческой кровью и плотью, чтобы выжить и залечить раны, или умереть? Ты бы тоже предпочел кровь.

— Это было давно.

— А я привык, и мне нравится.— Куршахас снова поднял кубок.

Хавлат не мог на это смотреть. Он отложил вилку, потянулся к своему кубку, но тут же отдернул руку. Взглянув на музыканта, он приказал ему сыграть что-нибудь повеселее. Затем, повернувшись к Куршахасу, сообщил:

— Дело сделано. Сегодня.

— Ты об Эримиоре?

— Да. Мы взяли его вчера вечером. Судьи повели себя разумно, и сегодня днем его казнили. Толпа ликовала.

— Не сомневаюсь.— Куршахас мрачно улыбнулся.— Стало быть, мы в безопасности. Больше никто ничего не подозревает.

— Не знаю... — задумчиво протянул Хавлат.— Меня беспокоит его дочь.

— Да? И что же ей может быть известно?

— Ничего. Я уверен в этом. Но она ненавидит меня. Она выступала против меня в суде и, насколько мне известно, потом возвратилась, чтобы вытребовать встречу со своим стариком. Она меня не простит.

Куршахас пожал плечами:

— Возможно. Но спешить ни к чему.

— А я и не спешу. Но жизнь оставлять ей нельзя..

Его сообщник едва заметно усмехнулся:

— Прекрасно, друг мой, прекрасно. Но позже, когда придет время... — Он сделал еще глоток.

Хавлата невольно передернуло, когда он посмотрел Куршахасу в глаза — такие злые, холодные. Он поспешно отвел взгляд и принялся ковырять еду в тарелке, стараясь не смотреть на свой кубок с вином...

* * *

Таверна «Драконье Семя» едва вмещала посетителей, которые смеялись, шумели и тратили деньги, снова и снова обсуждая подробности казни Эримиора. И хоть стояла глубокая ночь, никто, похоже, не спешил домой. Толстый Обис — владелец таверны — стоял за стойкой, наблюдая, как служанки шустро разносят заказы, и беспрестанно улыбался. Отовсюду слышался звон монет, серебра и золота, и это не могло ему не нравиться.

— Прекрасное было представление! — говорил один из мошенников, сидевших за столом в темном углу.— Палач делал свое дело со вкусом,

не спеша. Я получил большое удовольствие. Сразу видно — мастер. — И, поправив повязку, закрывавшую отсутствующий глаз, он присосался к кружке с вином.

— Это-то и ценно, что он не спешил, — пропищал похожий на крысу воришка. — С его помощью у меня была уйма времени, чтобы чистить карманы ротозеев, клянусь Белом!

Достав раздувшийся от монет кошель, он снова заказал всем вино по кругу.

Напротив них за столом устроился плотный мужчина с волосатой грудью, обнимавший полураздетую пышногрудую девицу.

— Лично мне вот трудно поверить, — заметил он, — что Эrimiор-то на самом деле повинен во всех преступлениях, о которых говорилось в приговоре. Нет уж, я не первый день на свете живу, клянусь Митрой! Меня так просто не обманешь. Гнилой душок клеветы я чую за лигу — так же, как лесные звери чуют охотников, идущих по их следу! Эrimiор был самым заурядным вельможей. Думаю, он наткнулся на чью-то тайну, вот его и убрали, чтобы другим было неповадно. Так-то вот, парни...

Одноглазый, нахмурившись, кивнул:

— Может, ты и прав. Все эти высокопоставленные собаки отличаются от нас лишь одним: мы не скрываем, что ворует и лжем, а они хотят выглядеть чистенькими.

— И что с нами будет, — сокрушенно покачал головой один из посетителей, — если среди вельмож воров больше, чем на улицах города?

Плотный мужчина расхохотался в ответ и хлопнул ладонью по столешнице. Кружки запрыгали, вино выплеснулось на стол. Осушив свою кружку, он стиснул грудь своей подружки.

— Притащи нам еще, Виона, — приказал он, протянув ей горсть медяков.

Проходя мимо столов, девушка слышала, что повсюду говорят об одном и том же. Казнь Эrimiора была самой свежей новостью, и каждый спешил обсудить ее.

По другую сторону зала, однако, посетителей занимало совсем иное. Здесь собрались метатели ножей, а они думали только о том, чтобы набрать побольше очков. Яркое событие нынешнего дня, похоже, волновало их меньше всего. Небольшая группа людей — те, кто уже проиграл, окружила двоих, которые оспаривали победу: светловолосого мужчину в коринфийских доспехах и высокую рыжую женщину в кольчужной безрукавке. Мужчина — один из многих иноземцев, кто нашел прибежище в Арэнджуне, — взглянул на противницу и повернулся к мишени, нарисованной на стене в нескольких шагах от него. Женщина, ухмыльнувшись, отступила назад, отхлебнула вина из стоявшей позади нее чаши, и спокойно стала смотреть.

Светловолосый коринфянин не спеша поднял нож, держа его перед собой рукояткой вверх, и сосредоточился. Сделав глубокий вдох, он замер, затем резким и уверенным движением послал нож в цель. Тот, перевернувшись, воткнулся точно в середину мишени.

— Отлично, Сэндас! — загоготал один из его приятелей, хлопнув игрока по спине. — Десять очков! Победа за тобой!

— Еще неизвестно, — отозвался другой. — Если Соня тоже попадет в десятку, она обставит его на три очка.

Сэндас отошел в сторону, взял свою кружку со стола и сделал большой глоток, поглядывая на женщину, которую называли Соней. Она стояла со скрещенными на груди руками и одобрительно улыбалась.

— Ну и? — спросил ее Сэндас.

Наклонив голову, Соня почесала затылок.

— Прекрасный бросок, дружище. Самый лучший за весь вечер. Не знаю, смогу ли я тебя обойти.

— Давай, Соня, не порти игру, — вмешался кто-то из зрителей.

— Да, не томи, Соня, — кивнул Сэндас. — По крайней мере, у тебя еще есть один бросок.

— Не знаю, — повторила Соня. — Может, согласишься на ничью?

Зрители рассмеялись.

— Нет, нет, нет, — ответил Сэндас очень серьезно. — Мне не слишком везло поначалу, и ты намного обогнала меня. Ты не можешь бросить игру прямо сейчас, когда я почти выиграл. Будь человеком, продолжай. Поражение обойдется тебе лишь в кружку вина. Договорились?

Пожав плечами, Соня взглянула на мишень:

— Десятка занята. Твой нож мне мешает.

— Ну ладно, — сдался Сэндас. — Я его вытащу.

Он шагнул было к мишени, но приятель удержал его:

— Нет! Правила есть правила! Нож должен оставаться на месте. — Он сердито взглянул на Соню.

Девушка тряхнула головой:

— Тогда я сделаю последний бросок, и покончим на этом.

— Вот это другое дело. — Сэндас улыбнулся и снова приник к кружке.

С мягкой грацией лесной кошки Соня двинулась вперед. То, что она носила кольчугу, многим в таверне казалось возмутительным, а то, что она не стеснялась выпить вместе с ними и так искусно бросала нож, доводило некоторых просто до бешенства. Подумать только! Женщина в воинских доспехах, которая ни в чем не уступает мужчинам! И потому теперь, когда Сэндас находился всего в полушаге от победы, игроки, которых обошла дерзкая девица, притихли: вот теперь-то она наконец поймет, что не стоит бросать вызов настоящим мужчинам. Знай свое место!

Не обращая ни малейшего внимания на устремленные на нее взгляды, Соня достала кинжал из ножен на поясе и почти неуловимым движением метнула его. Хруст дерева и звон металла раздался быстрее, чем все увидели, что нож достиг цели.

Улыбнувшись, девушка победно взглянула на зрителей. Сэндас от изумления выронил кружку.

— Разрази меня гром! — воскликнул один из его приятелей.

Кинжал попал точно в «яблочко», расщепив рукоятку ножа Сэндаса надвое, что само по себе было удивительно, так как она была сделана из твердого дерева, привезенного из Куша, а на его металлическом лезвии появилась глубокая царапина.

Подбежав к мишени, Сэндас выдернул из нее нож Сони и уставился на свое безнадежно испорченное оружие.

— Невероятно! — выдохнул он.

Девушка, улыбаясь, подошла к нему:

— Я могу забрать свой кинжал?

Сэндас бездумно протянул вялую руку, Соня взяла клинок и засунула его в ножны.

— Вино можешь мне не покупать, — великодушно разрешила девушка. — Тебе и так придется раскошелиться, чтобы купить новый нож.

До сих пор молчавшие зрители наконец разразились громкими воплями, гоготом и свистом. Приятели Сэндаса, окружив Соню, хлопали ее по спине и предлагали выпивку. Она кивнула, и все, оживленно переговариваясь, уселись за стол. Бросив взгляд на проигравшего, девушка ласково улыбнулась ему:

— Я ведь предлагала ничью... Хотя, честное слово, даже и не думала, что так получится.

— Так я и поверил, — буркнул тот.

— Эй, хватит кукситься, — воскликнул один из друзей. — Даже за то, чтобы просто увидеть такой бросок, никакого ножа не жалко! — Он повернулся к Соне. — Ты где этому научилась? Расскажи кто, не поверил бы.

Соня махнула рукой:

— Я же не для красоты ношу доспехи. А иметь оружие и не знать, с какой стороны за него взяться... Мне многое пришлось повидать в своей жизни... Да и занятий поменять немало...

Она внезапно умолкла, вероятно, решив, что и так сказала слишком много.

Снова посмотрев на Сэндаса, она хотела опять попытаться утешить его, но заметила, что он глядит мимо нее, в середину зала. Проследив за его взглядом, Соня вдруг обратила внимание, что шум в таверне стихает, и увидела молодую женщину — высокую, темноволосую, одетую богато и изысканно, с роскошными драгоценностями. Вряд ли высокородная дама была частой гостьей в этом квартале, и все же у Сони создалось впечатление, что многие посетители узнали ее. Сэндас, во всяком случае, наверняка был с ней знаком. Он даже встал и протянул руку, приглашая женщину к их столу. Та кивнула и направилась к ним.

Пока Соня пристально рассматривала незнакомку, сидевший рядом коренастый мужчина с огромным животом, почти закрывавшим пояс с ножами для меча, шепнул ей на ухо:

— Это дочь Эrimiора.

Соня удивленно подняла брови.

— Алинор, — приветствовал Сэндас молодую женщину, отодвинул свой стул и направился к соседнему столику за другим стулом для нее.

Но прекрасная Алинор предостерегающе подняла руку:

— Если можно, я бы хотела поговорить с тобой наедине, Сэндас.

Все тут же, не сговариваясь, встали, осушили свои кружки и начали прощаться. Один или двое, которые, вероятно, немного знали Алинор, выразили ей соболезнования по поводу гибели отца, которые она приняла с гордо поднятой головой.

Соня уходила последней. Она старалась задержаться, чтобы понаблюдать за Сэндасом и лучше рассмотреть Алинор.

Молодая аристократка — гордая и высокомерная, с умным и решительным взглядом черных глаз — наконец обратила на нее внимание. Некоторое время женщины пристально смотрели друг на друга, но ни одна из них не произнесла ни слова.

— Доброй ночи тебе, Сэндас, — уходя, бросила Соня.

— Доброй ночи, Рыжая Соня.

— Как-нибудь снова поиграем в ножи.

— Да, конечно. — Сэндас казался слегка взволнованным и явно хотел, чтобы Соня поскорей ушла.

Девушка направилась к выходу из таверны, но один из приятелей Сэндаса, пузатый здоровяк, остановил ее, махнув ей рукой:

— Может, выпьешь с нами еще?

— Нет, наверное, хватит. Поздно уже.

— У тебя какая-нибудь важная встреча?

— Нет.

— Присядь ненадолго.

Из чистого любопытства Соня так и сделала, бросив при этом еще один взгляд на Сэндаса с Алинор, которые сидели, склонившись друг к другу и ни на кого не обращая внимания.

— Ты познакомилась с Сэндасом только сегодня, да? — спросил здоровяк.

— Да. И что? — удивленно спросила Соня.

Ее собеседник пожал плечами:

— Странно все это. — Он оглянулся на Сэндаса с Алинор. — Мне это не нравится.

— Это дочь того вельможи, которого казнили? — уточнила Соня.

— Да...

— И что же ей нужно от Сэндаса?

Темные глаза мужчины поймали ее взгляд.

— Они знают друг друга уже давно. Сэндас никогда не говорил об этом, но я думаю, что они были любовниками. Он когда-то служил стражником во дворце. Думаю, именно там они и встретились.

— И что в этом такого ужасного?

— Ничего. Но теперь он служит Хавлату.

— А кто такой Хавлат? — спросила Соня.

Толстяк ответил ей мрачной, кривой улыбкой.

— Всего-навсего самый могущественный человек в городе. Беспощадный ублюдок. Прибрал к своим рукам всех, кто более-менее близок к власти. Сэндасу он не нравится, но Хавлат щедр, и я не думаю, что где-нибудь в другом месте Сэндас смог бы зарабатывать больше.

Соня уже начинала терять терпение:

— Мне-то что с того?

— Тебе — ничего, может быть. Меня мучает вот что... — Он ненадолго задумался. — Поскольку Эrimiора казнили... Видишь ли, он был советником, а Хавлат — тоже советник. Публично казнить Эrimiора — это совсем не просто. Хавлату необходимо было арестовать его, да еще при очевидцах. Я, конечно, не знаю, что там произошло, но могу поставить золотую булавку за то, что Алинор подозревает: дело нечисто. Она вот пришла к Сэндасу, а Сэндас служит Хавлату... — Он опустил на стол раскрытые ладони.

— Просто у тебя богатое воображение,— фыркнула Соня.

— Надеюсь, что так. Сэндас мне нравится. Не так уж и часто мы видимся: я бываю в Арэнджуне всего несколько раз в году. Сейчас я путешествую с караваном, который прибыл утром, а завтра, то есть уже почти сегодня, мы уходим. Надеюсь, что застану Сэндаса в живых, когда снова сюда вернусь. Я всегда рад нашим встречам, и мне будет его не хватать, если с ним что-нибудь случится.

— С ним будет все в порядке,— вставая, сказала Соня.— Он прекрасно может сам о себе позаботиться. Ты тревожишься просто потому, что уже поздно, а ты очень устал. День был бурным.

— Надеюсь, что ты права, Рыжая Соня.

— Береги себя... — Она внезапно рассмеялась.

— Я позабыла, как тебя зовут. Столько новых имен и лиц за один вечер...

— Медвежье Брюхо.— Он протянул руку.

— Ах, да! — Она улыбнулась: из-за его огромного волосатого живота его так и прозвали.—
Доброй ночи, Медвежье Брюхо

— Доброй ночи, Соня.

Они пожали друг другу руки, и Соня поспешила к выходу. У двери она снова оглянулась на Сэндаса и Алинора, и на миг ее охватило недоброе предчувствие, однако девушка отогнала мрачные мысли и решительно вышла на улицу.

Ночь была теплой, но не душной. Отовсюду доносились пьяные вопли и непристойные песни, поскольку жизнь на окраинах Арэнджуна начиналась только с наступлением темноты, а на рассвете затихала: кто отправлялся на промысел в богатые кварталы, а кто отсыпался, чтобы ночью опять приступить к работе, обслуживая посетителей в тавернах или продавая свои ласки по более-менее сходной цене.

Соня бодро шла к снятому ею жилищу, расположенному неподалеку от «Драконьего Семени». Она ни на миг не расслаблялась, хотя и не слишком тревожилась о своей безопасности.

Арэнджун Порочный, где, казалось, со всего мира собрались воры, убийцы, сводники, клеветники и мошенники всех мастей, все же придерживался своеобразного кодекса чести.

Кроме того, Рыжая Соня могла постоять за себя, и лучшей защитой, как она знала по собственному опыту, была ее решительная, уверенная походка, а также кольчуга и висевший на поясе меч. В Арэнджуне, как и повсюду, силу

ценили и уважали, а Соня знала город как свои пять пальцев. Только чрезмерно пьяный, сумасшедший или отчаявшийся человек мог поставить на кон свою жизнь или здоровье, чтобы попытаться заполучить те несколько монет, которые могут оказаться в кошельке у вооруженного мечом прохожего.

Самый безопасный путь к дому, где поселилась Соня, проходил вокруг квартала по главной улице, освещенной редкими факелами и лампами, а самый короткий — по находившейся прямо перед ней улочке.

Это был узкий проход между двумя старыми строениями, заваленный мусором и совершенно не освещенный. Без малейших колебаний и предосторожностей (если не считать того, что она бездумно положила руку на рукоять меча) Соня повернула в проход.

Среди мусорных куч впереди слышались писк и возня. Пары горящих желтых и красных глаз, скользившие невысоко над землей, исчезали, едва она подходила поближе.

Пройдя половину пути, Соня услышала другие звуки: короткий кашель и приглушенный шепот. Она не стала ни ускорять, ни замедлять шаг, но крепче сжала рукоять меча.

Опять шум — чуть слышный, и едва приметное движение во тьме. Да — и спереди, и сзади. Ноздри девушки раздулись, а сердце забилось сильнее, как всегда с ней бывало в предвкушении драки. Если они — кто бы это ни был — попытаются напасть на нее ради денег, то, весьма

вероятно, им предстоит расстаться не только со своими кошельками, но и с жизнью.

Она сделала глубокий вдох, слегка замедлила шаг, и вдруг отовсюду послышались крики.

— Мы ее заловили! — спереди.

— Держите ее! — сзади.

— Давай, живее! — снова спереди, но другим голосом.

— Хватай ее, Чост! — еще один голос сзади.

Множество теней бросилось к ней, она, отпрыгнув в сторону, она прижалась спиной к стене, и ее меч, зашипев, как готовая к нападению кобра, вылетел из ножен и блеснул во тьме.

* * *

Услышав свист выхваченного из ножен меча, незнакомцы, которых скрывала тьма, заколебались. Соня была начеку. Широко расставив ноги, она убедилась, что твердо стоит на земле, и свободной левой рукой быстро схватила кинжал. Полагаясь более на слух, чем на зрение, она следила за тем, как неведомые противники осторожно окружают ее. Стараясь дышать как можно тише, девушка слушала и наблюдала.

Приглушенные шаги. Тишина. Затем тихий шепот:

— У нее меч!

Тени замерли.

Что-то странное в звуках голосов озадачило Соню. Бросив взгляд налево и направо, она попыталась поточнее определить, далеко ли до нападавших.

Проходили мгновения, а тени все не осмеливались приближаться. Четверо против одного — и все же они чего-то боялись. Нервы у Сони были напряжены до предела, чувства обострены, сердце едва не выпрыгивало из груди — сейчас девушка была опаснее разъяренного хищника.

— Давай, вперед, разрази вас гром! — рывнула она. — Кто первый?

Словно отвечая на ее вызов, одна из теней слева, казалось, придвинулась на шаг. Соня, описав мечом широкую дугу перед собой, низко пригнулась, перескочила улочку и прижалась к стене противоположного дома.

Ее быстрое, внезапное движение застало нападавших врасплох.

Ближайший из них взвизгнул, хотя Соня была уверена, что лезвие никого не задело, и побежал, едва не сбив с ног напарника, стоявшего в конце прохода.

Боковым зрением Соня видела, как оба скрылись за углом главной улицы. В неверном свете факелов они показались Соне очень маленькими и шуплыми, будто какие-то сказочные существа в мире теней.

Поскольку справа опасаться больше было нечего, Соня повернулась влево. На фоне отдаленных огней масляных ламп там еще неясно вырисовывались две тени. Дальняя из них в панике крикнула:

— Чост, плохи наши дела! — и исчезла.

Теперь оставалась только одна тень, которая, по-видимому, размышляла, стоит ли ей пробо-

вать удрать, рискуя получить удар мечом в спину, или же остаться и... Что? Начать драку? Молить о пощаде?

Выставив меч, Соня прыгнула вперед...

И незнакомец, отбросив всякие сомнения, кинулся наутек. В несколько прыжков Соня настигла убежавшего и, когда тот выскочил из темноты на освещенную улицу, огрела его по ягодицам плоской стороной лезвия. Грабитель-неудачник взвизгнул и упал на четвереньки.

— Не убивай! — Он сжался от ужаса.

Соня подошла к нему и прижала острие меча к его шее:

— Не двигайся!

Поверженный противник прерывисто, тяжело дышал и еле слышно всхлипывал. Сунув кинжал в ножны, девушка наклонилась к бедолаге, заглянула ему в лицо и широко улыбнулась. Мальчишка... Безусый розовощекий юнец. Сколько ему лет? Двенадцать? Пятнадцать?

Печально покачав головой, Соня похлопала парня по плечу.

— Вставай! И не думай удрать, не то я действительно проткну тебя насквозь. Ясно?

— О боги... Да!

— Вставай, сосунок.

Подросток медленно поднялся на ноги, опасливо косясь на меч Сони.

— Итак, что вы забыли в этом проулке?

Парень молчал.

— Отвечай! И смотри на меня, чтоб тебя...

Широко раскрытые глаза уставились на нее.

— Что ты там делал со своими друзьями? Грabitе запоздалых прохожих, да?

Полутьма не мешала ей разглядеть, как меняется выражение лица мальчишки. Он быстро сообразил, что убивать его никто не собирается и можно еще поторговаться, и из перепуганного щенка мгновенно превратился в прожженного уличного нахала.

Сузив глаза, он оценивающе смотрел на эту высокую рыжеволосую женщину. Нет, она точно не убьет его. Она совсем не похожа на убийцу. Так почему он должен отвечать на ее вопросы?

Ему было не впервой попадаться, и он знал: сейчас она начнет стыдить его, распаляясь все больше и больше, отвлечется, и вот тогда наступит пора бежать. Она не погонится за ним: зачем ей эти хлопоты? А как только он от нее избавится, он отыщет своих дружков и набьет им морды за то, что бросили его в беде!

Соня смотрела на него и прекрасно понимала, о чем он думает, как будто заново перечитывала давно известную книгу.

— Стало быть, не хочешь со мной говорить? Да?

Меч опустился немного ниже.

— Ну...

Тощие ноги подростка напряглись: он готовился бежать.

— Не шевелись! — крикнула Соня, снова подняв лезвие к его горлу.

Взвизгнув, он невольно шагнул назад и, чуть не споткнувшись, начал пятиться, пока не ока-

зался прижатым к стене здания. Острие меча упиралось ему в шею.

— Теперь говори! — прошипела Соня. — Неужели ты думаешь, я дам тебе уйти после того, что вы здесь устроили?

— Б-б-боги... — пробубльнул он.

— Прежде чем что-то делать, полезно подумывать, — доверительно сообщила ему Соня. — Что вас, сопляков, толкнуло на это?

Вместо наглого и бесшабашного юнца перед ней снова стоял до смерти напуганный ребенок, по побледневшему лицу которого обильно струился пот.

— Так что, захотели развлечься? — продолжала Соня. — Глупо становиться калекой шутки ради. Ведь вы могли без рук, без ног остаться. Может, деньги? Ты что, хотел угостить подружку? Или перед приятелями похвалиться? Так что же вам было нужно? А?

Парень тряхнул светловолосой головой и посмотрел Соне в глаза.

— Пожрать, — ответил он.

— Пожрать? — пробормотала она.

Соня наконец-то разглядела, какой он тощий, и до нее дошло, что она должна была понять это раньше. Ей и самой приходилось голодать и так же воровать от отчаяния, поэтому она знала: парень не врет.

— Как тебя зовут?

— Чост, — дрожащим голосом ответил парнишка.

— У тебя совсем нет денег? Даже на хлеб?

Он наклонил голову — осторожно, чтобы не наткнуться на меч.

— Родители есть?

— Нет.

— Где ты живешь?

— Н-не знаю... — Он всхлипнул.

— На улицах?

— Где придется...

Соня покачала головой, сняла с пояса кошелек, большим пальцем открыла его и высыпала на землю четыре монеты — два медяка, одну серебряную и одну золотую. Это была немалая сумма для маленького бродяги. Затем девушка снова повесила кошелек на пояс и убрала меч в ножны.

— Возьми деньги, Чост.

— Что?

— Возьми деньги.

— Н-нет. Ты меня проткнешь.

— Во имя Неба! Не будь дураком!

Ноги у него дрожали, и он с трудом опустился на колени, не отводя взгляда от меча Сони, и собрав монеты, крепко зажал их в кулаке. Затем он встал, глядя на девушку.

— Так ты не убьешь меня?

— С чего бы?

— И городскую стражу не позовешь?

— Нет. Но послушай меня. Ты купишь еды для себя и своих друзей, понятно? Не вздумай проиграть эти деньги или позволить кому-нибудь их у тебя стащить. Ясно?

— О боги, конечно!

— И еще кое-что, Чост. Скажи своим приятелям, чтобы они не пытались больше на меня нападать, иначе в следующий раз я проткну кому-нибудь брюхо. Все ясно?

Он кивнул.

— Ладно, иди. Подожди!

Чост замер.

— Если ты еще когда-нибудь решишься напасть на человека с мечом, не повторяй своих ошибок. Бросай камни, чтобы наделать побольше шума — люди по большей части теряются от этого, найди одеяло или что-нибудь такое, чтобы бросить в противника. И не пытайся сражаться с тем, кого не видишь из-за темноты. Я же говорила, что думать — полезно.

— Я... Конечно, конечно.

— Не поумнеешь — долго не проживешь.

— Н-не проживу, — как эхо, отозвался мальчишка.

Соня подавила улыбку:

— Ладно, мотай отсюда.

Чост быстро кивнул и побежал, затем вдруг остановился и обернулся.

Соня вставила острие меча в ножны и отпустила его. Клинок со звоном вернулся на свое место.

Чост припустил со всех ног, уже не оборачиваясь.

Соня вздохнула. Детишки! Аренджун ничуть не изменился. Здесь по-прежнему никому ни до кого нет дела. В других местах о таких бедолагах заботятся. Дети, выброшенные на улицу, вырос-

тают мошенниками и ворами, и вряд ли это сулит процветание стране.

Впрочем, не ее это дело. Соня дошла до конца улицы и направилась к дому, в котором снимала комнату.

Толкнув старую деревянную дверь, она поднялась по темной лестнице на самый верхний этаж, вошла в комнату, заперла засов, разделась в темноте, положила меч рядом с кроватью, чтобы он был под рукой, юркнула под одеяло, устроилась поудобнее и быстро заснула.

Чост тем временем нашел своих друзей, отругал их за то, что они его бросили, и показал им деньги.

— Она сама дала их мне,— заявил он.

— А ты видел, куда она пошла?

— Да, — ответил Чост, задумчиво подбрасывая монеты на ладони.— Я знаю, где она живет...

* * *

По утрам Аренджун походил на забытый богами и людьми вымерший город.

Воры, мошенники, убийцы, девки, торгующие своим телом, да и просто праздные гуляки исчезали, словно призраки, которые прячутся по темным углам, опасаясь губительного для них солнечного света.

Остальные же обитатели города едва лишь пробуждались, чтобы заняться своими делами. Они или ничего не знали о ночной жизни, которая расцветала, стоило им отойти ко сну, или же просто делали вид, что ее не существует.

Соня проснулась поздно, когда солнце уже сияло в самой середине небосвода. Сладко потянувшись, она зевнула и тряхнула головой, будто прогоняя и сновидения, и воспоминания о вчерашнем дне, когда, увлекшись игрой, она выпила больше, чем обычно позволяла себе.

От этого остались неприятный привкус во рту и легкая головная боль. Некоторое время она лежала на кровати, прислушиваясь к звукам, доносившимся из-за двери: кашлю, воплям, звону разбитой посуды.

Наконец она встала и умылась водой из кувшина в углу, пообещав себе при этом, что сегодня обязательно выберется в общественные бани, чтобы вдоволь поплавать в бассейне. Одевшись, она расчесала длинные роскошные волосы, убрала гребень в голенище сапога и нацепила меч. Затем Соня открыла окно, чтобы проветрить комнату, и сошла вниз.

Перекусить можно было и в таверне. Заняв стол, девушка заказала легкий завтрак и задумалась о том, чем бы ей занять сегодняшний день.

В Аренджун она вернулась только потому, что судьба и приключения привели ее сюда. В деньгах она сейчас не очень нуждалась, но рано или поздно кошелек опустеет, а потому не худо бы заранее поинтересоваться, как можно подзаработать. В конце концов, она ловко управляет с мечом и вполне могла бы наняться в охрану какого-нибудь каравана. Как известно, в Аренджуне сходятся множество дорог, и, имея голову на плечах, тут не пропадешь.

Покончив с едой, Соня расплатилась и вышла. Через два квартала располагались конюшни, где она оставила свою лошадь, и девушка решила проверить, как ухаживают за ее скакуном. Благодарное животное выглядело отдохнувшим, сытым и вполне довольным жизнью, но Соня все-таки еще раз напомнила конюху, что прогуливать лошадь необходимо дважды в день, и на всякий случай дала ему горсть медяков, чтобы за ее любимицей присматривали получше.

День был ясным и теплым, и Соне не хотелось спешить. Она направилась к главной площади, останавливаясь время от времени, чтобы посмотреть товары, выставленные в лавках, или поболтать со старыми знакомыми, помнившим рыжеволосую воровку еще по старым временам.

Иногда ей приходилось огрызаться, чтобы поставить на место нахалов, считавших, что красивая девушка с великолепной фигурой, которая бродит по городу без провожатого, может стать легкой добычей. Иногда, правда, хватало и одного красноречивого взгляда, чтобы язык у смельчака присох к гортани. Пресекая поползновения очередного сластолюбца, она не сразу расслышала, что кто-то окликает ее по имени. Резко обернувшись, Соня увидела Сэндаса, который махал ей рукой из большого паланкина.

— Иди сюда! — позвал он.

Приветливо улыбаясь, девушка ловко проби-лась к нему сквозь толпу.

— Как хорошо, что я тебя нашел! — воскликнул Сэндас. — Ты чем занята?

— Глазю по сторонам.

— А вечером?

— Пока не знаю. Ты хочешь мне что-то предложить? Снова пометать ножи?

— Нет, нет, нет, — расхохотался он. — Есть развлечение поинтересней. Запрыгивай, я расскажу.

Он открыл пошире шторы паланкина, и Соня забралась внутрь. Сэндас крикнул носильщикам, и они, подняв на плечи шесты, снова двинулись по улице.

Паланкин качался и скрипел. Соню слегка удивило откровенно богатое внутреннее убранство. Паланкин оказался достаточно большим для того, чтобы вместить двух или трех человек, обивка была шелковой с украшениями из нефрита, золота и слоновой кости, подушки сиденья обшиты парчой, совсем новой и весьма искусно сотканной.

— Откуда у тебя все это? — спросила Соня. — Обставил богача в метании ножей?

Сэндас снова рассмеялся:

— Увы. Паланкин не мой, хотя я бы от такого не отказался. Он принадлежит Хавлату.

— А-а...

— Слышала о нем?

— Краем уха.

— Это очень богатый и очень влиятельный человек. Около года назад он нанял меня охранником. Как ты понимаешь, я не слишком перетруждаюсь.

— Понимаю.

— Видишь ли... — Сэндас наклонился к ней. — Если хочешь, Соня, я могу замолвить за тебя словечко. Хавлату всегда могут потребоваться умелые защитники, а иметь в своей гвардии воина-женщину — это может ему понравиться... — Он вопросительно взглянул на девушку.

— Наверное,— задумчиво кивнула Соня. — Но нет, спасибо, Сэндас, мне это не интересно.

— Как хочешь. Во всяком случае, я позвал тебя не поэтому. Хавлат задает сегодня пир, и я подумал, что ты захотела бы пойти.

— Пир?

— Да. И он приглашает очень разных людей. Он делает так каждые несколько лун. Кого там только не бывает!

— Сомневаюсь, что я подхожу для этой компании.

— Может, и не совсем, но я уверен, что тебе понравится! Хавлат всегда стремится собрать вокруг себя интересных людей.

— А я что, диковина заморская?

Сэндас усмехнулся:

— Да нет, зачем ты так? Но там прекрасное угощение, да и весело всегда. Ты же совсем недавно в городе, а Хавлат любит рассказы о дальних краях. Понимаешь?

— То есть я должна ему сказки рассказывать или шпионить за кем-нибудь?

Сэндас снова мягко рассмеялся:

— Нет, это вряд ли. Просто я думаю, что тебе понравится, если придешь.

— И сейчас ты едешь туда?

— Не совсем. Хавлат поручил мне купить кое-что на сегодняшний вечер.

— У него нет слуг для таких поручений?

— Конечно, есть. Но я вызвался сам. На денек избавлюсь от работы, покатаюсь по городу, на солнышке погреюсь.

— Понятно.

— Ну так что ты скажешь? Пойдешь?

Соня пожала плечами:

— Ради бесплатной жратвы — почему бы и нет? Только... А почему ты не пригласишь свою подружку?

— Мою подружку? — Сэндас удивленно посмотрел на нее.

— Ту молодую женщину,— пояснила Соня,— которая пришла к тебе в таверну вчера вечером. Сэндас нахмурился и отвел глаза.

— Это совсем не подружка.

— Алинор — ее так зовут?

— Случайное знакомство, только и всего.

Некоторое время оба молчали, а затем Соня спросила:

— Это ее отца казнили вчера?

Сэндас посмотрел на нее в упор, потом взял за руку и крепко сжал ее:

— Соня, не надо об этом.

— Почему?

— Никогда больше об этом не говори. Ни со мной, ни с Хавлатом, ни с его слугами. Ясно? Особенно с Хавлатом.

— Отпусти руку, Сэндас, не то останешься без пальцев,— холодно сказала она.

— Извини. Но я не шучу! Никогда даже не заикайся об этом деле.

— Но почему все-таки?

Сэндас снова отвел глаза. Соня молча ждала, пристально глядя на него. Наконец он тихо заговорил:

— Ты, наверное, слышала о колдунах и черной магии?

Девушка презрительно улыбнулась:

— Меня это не интересует.

Сэндас снова взглянул на нее. На этот раз в его взгляде была боль.

— Отец Алинор... Эrimiор... Они с Хавлатом были врагами. Многие годы они отчаянно сражались друг с другом в Совете. Это ни для кого не было секретом. Но вряд ли кому известно, что позавчера вечером Эrimiор попытался уничтожить Хавлата при помощи черной магии.

— Ты не шутишь?

— Это правда. Потому его и казнили.

— Эrimiор, должно быть, был очень зловредным человеком.

Сэндас покачал головой:

— Все не так просто. Он не был злым. Это был добрый человек, и он очень любил Алинор, свою единственную дочь. Ума не приложу, что заставило его заняться колдовством...

Соня молча пожала плечами.

— Во всяком случае,— продолжил Сэндас,— отчасти поэтому Хавлат задает сегодня пир. Просто чтобы все поскорее забыли о вчерашнем, я думаю.

— Насколько я слышала,— заметила Соня,— Хавлат и сам не очень-то чистоплотный человек.

— О чем это ты?

— Власть — серьезное испытание. Не все выдерживают его с честью.

Сэндас задумался, глядя мимо нее, в щель между полураздвинутыми шторами паланкина. Неожиданно он вздрогнул и приказал носильщикам остановиться.

— Чуть было не забыл! — Сэндас раздвинул шторы со своей стороны паланкина.— Здесь я должен заказать кое-что для Хавлата. Пошли. Как только кончим с делами, поедем прямо к нему. Хорошо?

* * *

Огромный дом советника Хавлата располагался неподалеку от дворца, в квартале, избранном наиболее богатыми и родовитыми людьми города, и всем своим видом подчеркивал пышное величие, которым окружила себя заморийская знать: мраморные фризy и колонны, мозаики из разноцветных драгоценных камней и слоновой кости, шелковые гобелены, пышный сад с большим фонтаном, а также животными и птицами, как в клетках, так и на свободе, рабы и слуги в таком количестве, что у каждого, казалось, была только какая-то одна обязанность: подать воды, открыть дверь, пожелать доброго утра...

Соня с Сэндасом прибыли ближе к вечеру, когда солнце уже касалось верхушек самых высо-

— Извини. Но я не шучу! Никогда даже не заикайся об этом деле.

— Но почему все-таки?

Сэндас снова отвел глаза. Соня молча ждала, пристально глядя на него. Наконец он тихо заговорил:

— Ты, наверное, слышала о колдунах и черной магии?

Девушка презрительно улыбнулась:

— Меня это не интересует.

Сэндас снова взглянул на нее. На этот раз в его взгляде была боль.

— Отец Алинор... Эrimiор... Они с Хавлатом были врагами. Многие годы они отчаянно сражались друг с другом в Совете. Это ни для кого не было секретом. Но вряд ли кому известно, что позавчера вечером Эrimiор попытался уничтожить Хавлата при помощи черной магии.

— Ты не шутишь?

— Это правда. Потому его и казнили.

— Эrimiор, должно быть, был очень зловредным человеком.

Сэндас покачал головой:

— Все не так просто. Он не был злым. Это был добрый человек, и он очень любил Алинор, свою единственную дочь. Ума не приложу, что заставило его заняться колдовством...

Соня молча пожала плечами.

— Во всяком случае,— продолжил Сэндас,— отчасти поэтому Хавлат задает сегодня пир. Просто чтобы все поскорее забыли о вчерашнем, я думаю.

— Насколько я слышала,— заметила Соня,— Хавлат и сам не очень-то чистоплотный человек.

— О чем это ты?

— Власть — серьезное испытание. Не все выдерживают его с честью.

Сэндас задумался, глядя мимо нее, в щель между полураздвинутыми шторами паланкина. Неожиданно он вздрогнул и приказал носильщикам остановиться.

— Чуть было не забыл! — Сэндас раздвинул шторы со своей стороны паланкина. — Здесь я должен заказать кое-что для Хавлата. Пошли. Как только покончим с делами, поедem прямо к нему. Хорошо?

* * *

Огромный дом советника Хавлата располагался неподалеку от дворца, в квартале, избранном наиболее богатыми и родовитыми людьми города, и всем своим видом подчеркивал пышное величие, которым окружила себя заморийская знать: мраморные фризy и колонны, мозаики из разноцветных драгоценных камней и слоновой кости, шелковые гобелены, пышный сад с большим фонтаном, а также животными и птицами, как в клетках, так и на свободе, рабы и слуги в таком количестве, что у каждого, казалось, была только какая-то одна обязанность: подать воды, открыть дверь, пожелать доброго утра...

Соня с Сэндасом прибыли ближе к вечеру, когда солнце уже касалось верхушек самых высо-

ких деревьев на западе. Если Сэндас и надеялся, что девушка будет поражена королевской роскошью дома, а также изысканным обществом собравшихся здесь вельмож, то он был разочарован: она никогда не стремилась к чрезмерному богатству и не преклонялась перед сильными мира сего. Она всегда была твердо уверена: чем ближе человек подобрался к власти, тем меньше человеческого в нем осталось.

— Стойте! — приказал Сэндас носильщикам, когда паланкин поравнялся с одним из боковых входов. — Ты можешь пойти со мной, Соня, — повернулся он к девушке. — Мне нужно переговорить с распорядителем и обсудить кое-какие подробности сегодняшнего вечера.

К дому уже начали стекаться именитые гости. Сэндас то и дело почтительно кланялся, приветствуя важных вельмож. Соня же ни разу никому не кивнула, и с каждым шагом лицо ее становилось все мрачнее.

Заметив это, Сэндас толкнул ее локтем в бок:

— Прояви уважение к этим людям. Улыбайся и приветствуй их. Ты иноземка, тебе не нужно кланяться, но если ты не поприветствуешь их, они будут недовольны.

— И прекрасно, — буркнула она.

Из очередного паланкина вышел толстый загорелый мужчина с вплетенными в бороду драгоценностями. Сэндас широко улыбнулся, поднял руку — и вздохнул, когда увидел, что Соня смотрит сквозь знатного респодина, будто не замечая его. Кивком позвав девушку с собой,

Сэндас повел ее в боковой вход. Войдя в него, они очутились на просторной кухне, где множество рабов носились с подносами, уставленными блюдами и кубками. Вдохнув одуряющий аромат изысканной пищи, Соня внезапно почувствовала, что проголодалась.

— Это Имф, главный распорядитель, — пояснил Сэндас, указывая на мужчину, одетого в тонкую золотистую куртку, короткие штаны из такой же ткани и бело-красные сандалеты.

Тот, казалось, совсем замотался и выкрикивал приказы, едва ли не перебивая самого себя.

— Через западную дверь! — шепеляво кричал он трем полуобнаженным рабыням. — Нет, нет, через западную! Дуры! Ты, Содос, води этих парней направо. И не забудь проверить, у каждого ли гостя есть графин вина, ясно? Девочки! Через ту дверь! Во имя богов! — Имф топнул ногой. — Вы что, все разом оглохли?

Сэндас, пробравшись к распорядителю, попытался привлечь его внимание:

— Имф! Имф!

— Да, Сэндас, чего тебе? Не видишь, что я занят?

Сэндас протянул ему пергаментный свиток.

— Это список того, что заказано на сегодня. Все должны были доставить еще днем.

— Сунь мне в карман. Эй, вы там, с приправами — подождите! Сначала те подносы, ясно? О боги, боги!

Сэндас почесал нос, взглянул на Соню, постукал свитком по руке:

— Имф!
— Через занавешенный выход, вы, ошибки богов!

— Имф!

— Погоди, Сэндас. Нет, нет, Гедос! Эти подносы...

Сэндас в отчаянии повернулся на каблуках. Мимо него как раз проходила рабыня, которая несла на плече поднос с мясом, фруктами и горячими овощами. Не раздумывая, Сэндас воткнул свиток в эту смесь.

— Сэндас! — в ужасе завопил Имф. — Сэндас! Что ты наделал?

Схватив Соню за руку, Сэндас потащил ее прочь из кухни, крикнув на ходу:

— Не забудь оплатить эти счета, Имф!

— Эй, девка, стой,— завопил тот.— Проклятье! Мне нужна эта бумага!

Соня рассмеялась.

— Нехорошо,— заметила она, когда они вышли в длинный коридор,— бедняга, наверное, сейчас по локоть залез в мясо с овощами...

— Нехорошо,— передразнил ее Сэндас.— Но у меня тоже дел полно. Не он один занят. К тому же ему нравится вся эта суета. Он так долго добивался этой должности...

Коридор привел их в просторное помещение перед пирушественным залом.

Хавлат с особо приближенными слугами стоял у открытых дверей в зал и приветствовал каждого гостя, так широко улыбаясь, будто в его жизни еще не было более счастливого дня.

Сэндас отвел Соню в сторону и сказал, что им лучше подождать, когда все гости займут свои места.

Соня оперлась о колонну и скрестила руки на груди:

— Это он и есть?

— Да, это Хавлат.

— Роскошь из него так и прет, не правда ли?

— Что?

Она бросила на Сэндаса многозначительный взгляд.

— Ну и пусть,— извиняющимся тоном пробормотал он,— он и платит хорошо.

— Несомненно платит. А ты не хотел бы поделиться с бедняками на улицах города? Им бы деньги оченьгодились. Тем более что твой господин именно на них и наживается.

Сэндас не удостоил ее ответом, только посмотрел так, будто решил, что девушка сошла с ума.

Последний гость прошел в главный зал, и Сэндас шагнул вперед, сделав Соне знак следовать за ним. Хавлат, заметив его, развел в стороны руки, будто хотел обнять своего гвардейца.

— О-о, Сэндас! Все прошло нормально?

— Да, господин. Все, что я заказал, надеюсь, уже прибыло?

— Полагаю, что так.— Хавлат кивнул.— Надо спросить Имфа. Что это у тебя за гостя, Сэндас?

— Он с явным одобрением взглянул на Соню.

— Ее зовут Рыжая Соня, господин. Вчера вечером она побила меня в метании ножей.

— Даже так? — фыркнул Хавлат. — Насколько я понимаю, Рыжая Соня, ты наемница?

— Да. — Она угрюмо посмотрела на Хавлата.

— Но не заморийка, по-моему?

— Нет. Из Гиркании.

— Понятно...

Отношения между Заморой и Гирканией не всегда были добрососедскими.

— Что же, добро пожаловать. Я люблю Сэндаса как сына, его друзья — мои друзья. Входи. Наслаждайся празднеством, и потом, может быть, мы еще побеседуем.

— Благодарю тебя.

Проходя в зал, Соня чувствовала, что он смотрит ей вслед, и слышала, как Хавлат шепнул Сэндасу:

— Проходи к дальней стене. Женщина-наемник? О боги!

Сэндас покраснел и, ускорив шаг, указал Соне на низкий стол у дальнего конца зала — подальше от знати.

Солнце заходило, огромный зал постепенно погружался в темноту, и отдаленные предметы теряли свои очертания. Рабы то и дело зажигали все новые факелы и огромные масляные лампы. Непрерывным потоком подносили еду и питье. Соня быстро утолила голод и вскоре начала лишь пробовать то или иное изысканное блюдо.

— Интересно, можно ли что-нибудь из этого забрать с собой? — спросила она Сэндаса. — Я уже сто лет не ела ничего подобного! — Она рассмеялась.

Пирующих гостей развлекали танцоры, певцы и музыканты, странствующие лицедеи разыграли комедию в масках, а шестеро силачей сражались по очереди со смертельно опасным киммерийским медведем, которого изловили и привезли в Арэнджун по приказу Хавлата, а потом, чтобы доставить публике особое удовольствие, набросились на зверя все вместе.

Израненный, ошалевший от боли хищник выбрал себе из всех нападавших одну жертву и, кинувшись к ней, резким движением оторвал противнику руку. Вид и запах крови врага придал медведю сил, и он занес было лапу, чтобы добить жалкого человечка, посягнувшего на его жизнь, но пятеро людей навалились на него, и вскоре бездыханное животное вытянулось на полу. Неизвестно откуда появившийся лекарь осмотрел раненого и заявил, что рана не смертельна. Впрочем, зрителей это уже несколько не волновало.

Соню же это представление разозлило.

— Мне наплевать на изувеченного, — заявила она Сэндасу. — Он вполне заслуживает такой участи. А вот медведя жалко.

— Медведя? — изумленно переспросил Сэндас.

— Да, — кивнула Соня. — Бедному зверю не оставили выбора. Его притащили сюда для того, чтобы эти вопящие слабаки смотрели, как его калечат и убивают. С безопасного расстояния, разумеется, и под защитой стражников. А загони любого из этих разинь в медвежью берлогу, вот

тогда посмотрим, что они почувствуют, когда потечет кровь. Их собственная.

— Но они же не охотники,— терпеливо объяснял ей Сэндас.— Это же просто развлечение.

— Да, для этих обожравшихся уродов,— ответила Соня,— но не для медведя. Нет уж, пусть они встретятся со зверем в лесу и повеселятся от души. Лично мне, я думаю, такое развлечение будет больше по нраву!

Сэндас покачал головой: он ее не понимал. Вспомнив, однако, что она приехала издалека и в иных странах — иные нравы, он наполнил ее кубок вином, с извиняющейся улыбкой оглядел соседей по столу, которые могли ее услышать, и перевел разговор на другие темы.

Развлечения, которые Хавлат приготовил для гостей, на этом не закончились. После того как мертвого медведя уволокли, радушный хозяин поднялся из-за стола и, стараясь не наступать на кровь, вышел на середину зала. Призывая к молчанию, он поднял руки, а когда все затихли, объявил:

— Друзья мои! Друзья! Я необыкновенно счастлив представить вам человека, выдающиеся способности которого многим из вас, вероятно, уже известны. Это мой ближайший друг, истинный ученый, человек глубокой мудрости, познавший такое множество всевозможных наук, что мне потребовалась бы вся ночь и весь завтрашний день, чтобы перечислить его чудесные знания и необычайные свершения. Однако же я не буду утомлять вас долгими разговорами. Итак,

позвольте мне представить вам великого мага Куршахаса!

Хавлат возвратился на свое место. Ожидание затягивалось, и гости начали перешептываться.

Соня, пошевелившись, подалась вперед, Сэндас молча отхлебывал вино.

Вдруг прямо посередине зала с оглушительным треском взметнулось пламя. Послышались испуганные возгласы, зазвенели подносы, которые выпали из рук рабынь, кто-то уронил кубок с вином...

Огонь быстро исчез, дым рассеялся, и перед оторопевшими зрителями предстал Куршахас, закутанный в темный плащ.

«Шут! Ведет себя как уличный фокусник»,— презрительно подумала Соня. Но что-то говорило ей, что на самом деле все не так просто.

Куршахас изящно поклонился и, взглянув на пол, заметил пятна крови.

— Как я вижу,— сказал он,— у моего друга ленивые слуги. Но это ничего. Я буду рад помочь.

Он провел рукой — и кровь зашипела, вспыхнула необычным сине-зеленым пламенем, которое мгновенно исчезло, не оставив после себя ни малейшего следа: ни алых пятен, ни пепла.

Гости робко захлопали в ладоши, и Хавлат хлопал громче всех. Куршахас поклонился.

— Я покажу несколько простых фокусов,— заявил он,— чтобы не разочаровывать гостеприимного хозяина. Не согласится ли кто-нибудь помочь мне?

Все притихли, а Куршахас громко рассмеялся:

— Может быть, кто-то из юных служанок...

— Да, да! — крикнул Хавлат, хватая за руку молодую рабыню.

— Господин, — слабо запротестовала она, — я...

— Иди, — холодным тоном приказал ей Хавлат. — Ничего тебе не сделается.

Он грубо протащил ее вокруг стола и с силой хлопнул по ягодицам, так что девушка, спотыкаясь, вылетела на середину и замерла. Куршахас, едва заметно улыбнувшись, окинул взглядом точеную фигуру рабыни, наготу которой прикрывала лишь коротенькая набедренная повязка.

— Смелее, смелее, — подбодрил он.

Девушку трясло от ужаса.

— Ты очень робкая девица, не правда ли? — усмехнулся Куршахас. — Может, ты была бы гораздо смелее, создай тебя боги тигрицей?

Девушка молчала.

— Я помогу тебе, — заявил Куршахас и быстро провел одной рукой по спине девицы, другой — по животу и сразу же сделал шаг назад.

В зале слышались изумленные возгласы.

Рабыня опустила глаза, оглядывая себя, и завизжала. От шеи до колен на ее обнаженной коже возникли коричневые полосы из меха.

— Что скажете? — обратился Куршахас к гостям. — Похожа на тигрицу?

Рабыня стонала и повизгивала от страха.

— Но в душе-то ты не тигрица, верно? — Куршахас задумчиво сдвинул брови. — Скорее, нежный цветок.

Он сделал несколько быстрых движений обеими руками. Полосы исчезли, а светлые волосы девушки превратились в букет полевых цветов.

Зрители оживились, начали шутить, смеяться, и громче всех — Хавлат. Рабыня, упав на колени, разрыдалась. Куршахас покачал головой:

— Неблагодарная девчонка! Полевой цветок, значит, тоже не подходит? Похоже, ты вообще ни к чему не пригодна! Что же, ладно...

Несколько неуловимых жестов — и к рабыне вернулся ее прежний облик.

Испуганная девушка бросилась прочь из зала, сопровождаемая насмешками пирующих.

— Мне, видимо, нужен кто-то другой, — пожаловался Куршахас. — Может быть?.. — Он подошел к столам, внимательно разглядывая гостей, затем решительно шагнул к какому-то толстяку, богато одетому, обвешанному дорогими украшениями. — Вот прекрасный пример! Вот человек, который создал сам себя — из денег. Я не ошибся, сительный господин?

Толстяк радостно фыркнул.

— Можно сказать и так! — Хихикнув, он хлопнул по столу ладонями и гордо оглядел соседей по столу.

— Чтобы это были не пустые слова, — заверил его Куршахас, — я смогу это доказать. Вот!

Перегнувшись через стол, он погрузил правую руку в волосы толстяка и стал быстро их тереть. И из-под руки Куршахаса полетели десятки заморийских золотых монет. Они попадали в лица окружающим, прыгали по столу, летели в тарел-

ки и чаши. Толстяк заходился от смеха. У него кружилась голова, но груда блестящих монет вызывала у него неподдельный восторг.

— Кто следующий? — громко спросил Куршахас, окидывая взглядом зал.

Хавлат глазами указал ему на дальнюю стену, и Куршахас направился к Сэндасу и Соне.

— Кто же следующий? — повторил он.

Воительница напряглась. Сэндас заметил, как ее глаза вспыхнули, встретив взгляд Куршахаса.

— Во имя Неба, — пробормотала девушка, — если он посмеет...

Сэндас тронул ее за плечо:

— Соня, это же только игра...

Куршахас приблизился к их столу.

— Вот мы и нашли! — объявил он. — Взгляните на эту женщину! Волосы этой красавицы похожи на огонь...

Соня вскочила на ноги, отбросив стул, который ударился о стену. Сэндас хрипло вскрикнул от неожиданности. Куршахас тут же отступил на шаг. Сверкнув глазами, Соня выхватила меч и кинжал. Правой ногой она упиралась в край стола, чтобы толкнуть его на Куршахаса, если тот вздумает приблизиться.

Хавлат, кипя от ярости, сжал кулаки.

— Соня! — воскликнул Сэндас. — Разве ты не понимаешь?..

— Ты слышал, колдун? — отчеканила она, не обращая внимания на Сэндаса. — Только посмей сделать шаг, и добрая сталь пронзит твое черное сердце!

Глава третья

о мне! — рявкнул Хавлат. — Стража! Схватите эту женщину!

Из противоположных углов зала на его зов выступили два отряда хорошо вооруженных солдат, держа пики наготове.

— Стойте! — крикнула им Соня, не отводя взгляда от Куршахаса. — Стойте, собаки, иначе этот пол зальет не только медвежья кровь!

Они заколебались.

Хавлат, брызгая слюной, дрожал от ярости.

Со всех сторон неслись восклицания:

— Сумасшедшая!

— Дикарка!

— Она вообразила себя мужчиной...

— Совсем свихнулась, должно быть...

— Смотрите, как она держит меч! Сразу видно, не новичок...

— Ненормальная...

Сэндас медленно поднялся и шепнул Соне:

— Во имя богов, что ты делаешь? Это же не...

— Не подходи! — крикнула Соня Куршахасу. Но маг только отступил на пару шагов, склонился в издевательском поклоне, развел руки и снова сложил их вместе, выпрямляясь.

— Успокойся, огнегрявая, — улыбнулся он, поблескивая глазами. — Ты ошиблась, я вовсе не причиню тебе зла.

— Я ничуть в тебе не ошиблась. Колдун!

Все еще улыбаясь, Куршахас обернулся к Хавлату:

— Друг мой, бедняжка, очевидно, немного перепила сегодня, и мои фокусы разволновали ее.

— А я думаю, — рявкнул Хавлат, — что эту гирканскую девку надо вывести на улицу и дать ей пинка под зад!

Соня яростно уставилась на него.

— Убери меч, женщина! Разве ты не знаешь, что это значит — обнажать сталь в чужом доме?

Соня ничего не ответила. Она смотрела на него с ненавистью и презрением. Сэндас поддерживал своего хозяина:

— Пожалуйста, Соня, тебе ничего не угрожает. Убери меч. Ты ведь не хочешь попасть в темницу?

Она неохотно подчинилась. Девушка дрожала от возбуждения, ее лицо покрывала испарина, глаза горели яростью и, может быть, в них еще не угас страх.

— Неужели ты не видишь, кто он такой? — пробормотала она, обращаясь к Сэндасу. — Во имя Неба! Вы что тут все, слепые, что ли?

— Стража! — крикнул Хавлат. — Выведите Сэндаса и его... его гостью из зала! Живо!

— Из-за тебя я могу потерять работу, — вздохнул Сэндас.

Не дожидаясь, когда стражники приблизятся, Соня повернулась на каблуках и пошла к выходу.

Хавлат провожал ее презрительным взглядом, а парадругих, более темных глаз пристально следила за ней, и в этих глазах разгорался недобрый огонь.

Сэндас последовал за ней, смущенный и раздосадованный. Стража выпустила его, но, выйдя из зала, он услышал за спиной какой-то звук и, обернувшись, оказался лицом к лицу с Хавлатом. Советник схватил его за руку:

— Зачем ты привел ее?

— Я... Не знаю. Она такая забавная... Такая живая. Я думал, что ты...

— Ты ошибался!

— Я прошу прощения. — Сэндас с мольбой посмотрел на Хавлата. — Я и не догадывался, что она такая вспыльчивая и чуть что хватается за меч.

К удивлению Сэндаса, Хавлат какой-то странно улыбнулся.

— Это и впрямь было забавно, — признал советник. — Ей, несомненно, удалось ошеломить Куршахаса. — Его лицо снова приняло жесткое выражение. — Но я стараюсь произвести впечатление на этих людей и не потерплю, чтобы всякие дикари угрожали моим гостям!

— Понимаю.

— Надеюсь, что так! Чтобы ноги ее здесь больше не было!

— Конечно. Но...

— Что?

— А я?

— Что ты, Сэндас?

— Я могу приходить? Ты не прогонишь меня?

Хавлат нахмурился:

— Пока нет. Но другой такой ошибки я тебе не прощу. Это ты тоже понимаешь, не так ли?

— Да, конечно, господин. Конечно.

— А теперь проследи за тем, чтобы эта женщина поскорее убралась отсюда.

— Спасибо, господин.

— Завтра жду тебя на службе, Сэндас. И мы с тобой забудем, что произошло.

— Спасибо, господин. Спасибо.

— Теперь иди.

Сэндас поспешно вышел на улицу. Хавлат смотрел ему вслед, испытывая смесь тихой злобы и странного умиротворения.

Эта странная женщина и в самом деле поставила Куршахаса на место. И это было прекрасно. Все, что выводило Куршахаса из равновесия, было выгодно Хавлату.

Повернувшись, он махнул стражникам, снова вошел в пиршественный зал, сел за стол и начал искать глазами своего мага.

— Куршахас ушел, — пояснила сидевшая рядом женщина. — Сказал, что вернется позже, чтобы подкрепиться. Мне кажется, он был слегка рассержен.

— Он был сражен! — рассмеялся кто-то неподалеку. — Прекрасное представление, Хавлат!

Советник глубоко вздохнул, стараясь подавить довольную улыбку, и потянулся к кубку с вином.

* * *

Сони нигде не было видно. Сэндас забеспокоился: не случилось ли с девушкой что-нибудь? Она, конечно, могла просто-напросто пойти домой, но... Аренджун — коварный город.

Сэндас поспешил туда, где слонялись слуги, и, щелкнув пальцами, подозвал четверых носильщиков:

— Паланкин мне!

Через несколько мгновений его уже несли вдоль по улице, по которой они с Соней прибыли в дом Хавлата. Сэндас пристально смотрел по сторонам и наконец облегченно вздохнул, заметив высокую женщину в серебристой кольчуге, выходившую из таверны. В свете редких масляных ламп ее длинные волосы отсвечивали медью.

— Соня!

Она обернулась.

Сэндас приказал носильщикам остановиться, однако девушка и не думала подходить к нему.

— Соня, подожди! — Он выскочил из паланкина, побежал к ней и, догнав, схватил за руку. Девушка усмехнулась:

— Этак ты пропустишь все развлечения.

— Соня... До твоего дома далеко.

— Я люблю ходить пешком.
— Залезай в паланкин. Я подвезу тебя.
— Прогулки полезны для здоровья.
— Тебе перережут горло, в такое-то время! В городе небезопасно.

— Ты прекрасно знаешь, что я могу за себя постоять.— Постукивая каблуком по камню мостовой, она пристально смотрела на него, и в ее глазах читалась скрытая ярость.

— Брось, Соня,— настаивал Сэндас.— Хавлат в конце концов обратил все это в шутку. Ему даже понравилось, как ты отшила Куршахаса.

— Так я и поверила.

— Послушай, забудь. У меня в паланкине есть полфляги вина. Выпьем, поболтаем... Не заметишь, как дома окажешься...

Соня нахмурилась, затем, тряхнув волосами, со странным, мрачным смехом откинула голову.

— Ради Эрлика и Тарима! — воскликнула она.— Уговорил.

Они вернулись к паланкину, сели в него, и несколько ударов сердца оба молчали. Затем, подняв флягу, Сэндас спросил:

— Выпьешь?

Девушка отрицательно качнула головой.

— Ну что ты, Соня? Уже пора успокоиться. Ничего страшного не произошло. Даже если ты рассердилась на Куршахаса, нельзя же злиться бесконечно.

— Вы все здесь дураки. Богами проклятые дураки.

— Что?

— Неужели ты не понимаешь, кто такой этот Куршахас? — Соня повернулась к Сэндасу. — Ничего не чувствуешь?

Сэндас растерялся:

— Боюсь, что не понимаю. Я считал его фокусником.

— Фокусником! Роскошь и благополучие ослепили вас всех. Этот человек несет зло. Он колдун. У меня кровь застыла, когда я увидела его глаза.

— Ты, стало быть, так хорошо разбираешься в колдовстве? Удивительная женщина, паво слово,— попробовал пошутить Сэндас.

Соня сердито посмотрела на него, затем выхватила флягу и сделала несколько жадных глотков.

— Вот это другое дело,— кивнул Сэндас.— Все забыто? По правде говоря, Хавлат меня удивил. Я-то думал, он тут же выставит меня за дверь, а он... Просто никто не ожидал от тебя такой выходки, только и всего.

Соня отдала ему бутылку.

— Могу поспорить, ты еще и не на такое способна,— продолжил Сэндас.— Разве не так? Покажи мне...

Он отставил бутылку в сторону и заглянул девушке в глаза, а через мгновение Соня ощутила, как его пальцы легко коснулись ее бедра.

— Не надо, Сэндас.

— Но ведь...

Соня посмотрела на него в упор:

— Просто не надо, и все.

Сэндас так удивился, что забыл убрать руку. Девушка как бы невзначай скинула ее.

— Соня?..

— По-моему, мы уже прибыли.

Недовольно бурча, Сэндас поудобнее устроился на подушках.

— Забудь, Сэндас,— тихо проговорила Соня.— Лучше помечтай о чем-нибудь другом.

— Знаешь, у нас в Коринфии,— небрежно бросил Сэндас,— говорят, что женщина, которая не принимает ласки, и дарить их не может.

— Смешно,— фыркнула Соня, и в ее глазах вновь загорелся злой огонек.— В Гиркании есть другая поговорка: если мужчина, выпив вина, не может держать себя в руках, то он и женщину свою не удержит.

Сэндас выглянул из-за шторы.

— Остановитесь здесь! — рявкнул он носильщикам.

Соня выпрыгнула наружу, затем, поправив шторы, вежливо обратилась к Сэндасу:

— Это была отличная идея — пойти на этот пир. Просто боги обделили меня сдержанностью.

— Зато они не обидели тебя в другом. Спокойной ночи.

Он приказал носильщикам нести его обратно к дому Хавлата. Соня посмотрела, как паланкин удаляется по мощеной улице, затем прошла по дорожке, открыла дверь и по темной лестнице поднялась в свою комнату.

— О боги! — пробормотала она, качая головой.— Как все мужчины похожи друг на друга...

* * *

Спала Соня в ту ночь беспокойно. Смеющиеся богато одетые люди в кроваво-красных и белых плащах собрались в комнате, освещенной неверным еветом масляных ламп.

Девушка стояла перед высоким, художавым волшебником, который, ухмыляясь, смотрел на нее холодными глазами и дразнил Соню, предлагая проткнуть его мечом.

Но как она ни старалась, не могла поднять оружие. Меч внезапно стал невероятно тяжелым и выпал из руки.

«Бей! Бей!» — закричал маг и, рывком распахнув плащ, обнажил грудь для удара. Его сердце билось снаружи — пурпурно-черный комок, то вздувавшийся, то опадавший, и каждый его удар отзывался грохотом молота.

Но Соня была не в состоянии поднять меч, и усмехавшиеся рожи, жирные, потные, склонились к ней, заходясь от зловещего восторга.

Внезапно она проснулась — но не кошмар был тому причиной. Девушка села на кровати и прислушалась. Стук продолжался. А за окном...

— Проклятье!..

Не сводя глаз с окна, она опустила руку, нашарила на полу меч и сжала рукоять.

Снова послышался стук — будто камешки ударяли в ставни. Соня встала, взяв меч наизготовку и наконец разглядела, что происходит за окном.

Маленькая неуклюжая фигурка царапала по стеклу. По-кошачьи бесшумно Соня пересекала

комнату, быстрым движением открыла задвижку и резко распахнула окно.

Послышался тонкий крик, и девушка увидела две руки, отчаянно цеплявшиеся за камень подоконника снаружи.

— Что за?..

— Соня!

— О боги! — Бросив меч, она высунулась из окна и схватила ослабевшие пальцы, вот-вот готовые разжаться. — Чост! С какой стати...

— Помоги мне влезть!

Соня втащила мальчишку в комнату. Дрожащие ноги не слушались Чоста, но, оперевшись о подоконник, он устоял.

— Тысяча демонов... — пробормотал он. — Ты чуть дух из меня не вышибла!

— Что ты здесь забыл?

— Я же мог упасть!

— Что ты делал у меня за окном, Чост? — заорала Соня чуть ли не в полный голос, но тут же спохватилась: не стоило будить весь дом.

Она подобрала меч, положила его на кровать и села с краю, вопросительно глядя на мальчика. Он еще не отдышался, но взгляд его выражал вовсе не испуг, а, скорее, явный интерес.

— Что, никогда не видел голой женщины? — усмехнулась Соня.

— Да... Видел.

— Тогда перейдем к делу. Как ты здесь очутился? Я могла бы тебя прикончить.

— Я хотел предупредить тебя.

— Предупредить?

— Ты ведь мне помогла... Я был на улице и заметил, что несколько человек наблюдают за твоим окном.

— Что? — Она мгновенно подскочила к окну и выглянула наружу.

— Они уже ушли, Соня.

Девушка вернулась к кровати и села, пристально глядя на мальчика.

— Чост, откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Один из наблюдавших назвал тебя Рыжей Соней. Он сказал, что заходил в дом и спрашивал хозяина, в какой комнате ты живешь. Я прятался в тени, недалеко от них. Они меня не заметили.

— А как ты нашел мое окно?

— Я... Я шел за тобой, после того как ты дала мне денег. И на следующий день приходил... И видел, как ты выглянула из этого окна.

Соня слегка расслабилась: она чувствовала, что мальчик не врет.

— Когда они ушли?

— Совсем недавно. Тогда я и забрался сюда. Но они пробыли там долго.

— Сколько их было?

— Четверо, по-моему. Трое в доспехах. А четвертый — высокий человек в черном плаще.

Соня нахмурилась. Стало быть, это Куршахас? Или, может быть, Хавлат?

— И что они делали?

— Ничего. Просто стояли. Они даже почти не разговаривали. Они что, угрожают тебе, Соня?

Соне вспомнился ее странный сон, и она подумала, не Куршахас ли его навел.

— Ты заметил, куда они ушли?
— На север. По улице Виноторговцев.
На север... Ко дворцу и домам вельмож.
— Что же, Чост, спасибо.
— Я просто хотел тебе отплатить за добро.
— Тебегодились те деньги?
— О, да. Но они уже кончились.
— Все? Там же была куча денег!
— Нас же все-таки четверо. И еще другие. У Скивы есть сестра, и еще...
— Ладно, ладно.
Взгляд Чоста, обегавший комнату, остановился на столе, на котором лежали два яблока, полбуханки хлеба, сыр и стояла бутылка вина.
— Ты голоден?
— Нет, нет, я недавно стащил немного хлеба с черного хода пекарни.
— Понятно. Тогда возьми хоть сыр и яблоки.
— Н-ну... — Он посмотрел на еду, на Соню, затем опять на еду. — Может быть, яблоко... Я давно уже не ел яблок.
— Пожалуйста.
— И, может быть, немного сыра...
Соня быстро оделась, и сидя на кровати, с любопытством смотрела, как Чост подбирает со стола последние крошки.
— Стащил в пекарне, значит?
— Это ведь было немного раньше, еще утром. Или вчера вечером.
— Что ты собираешься делать, Чост?
Он сыто улыбнулся и ответил:
— Не знаю. Вернусь к друзьям, наверное.

— Если ты устал, можешь спать здесь.
У него загорелись глаза.
— На твоей кровати?
— На полу. Вон там лежит еще одно одеяло.
— А-а... — Он, казалось, был разочарован. — Это плохо.
— Плохо?
— Ты очень красивая.
— Спасибо. — Соня криво улыбнулась. — Я сегодня уже один раз отказалась от ласк. Почему бы тебе просто не поспать? Главное, чтобы хозяин тебя не увидел. Я скоро вернусь. — Она направилась к двери.
— Ты куда? Подожди!
— Я скоро вернусь.
— Я с тобой!
— Чост, тебе надо отдохнуть.
— Не-е-ет! Ты не должна никуда выходить одна.
— Я смогу сама о себе позаботиться. Мне надо узнать, кто они такие.
— Но я же их видел, — возразил Чост. — Я точно могу сказать, куда они пошли. Если мы их увидим, я тебе скажу.
Это было вполне разумно.
— Ладно, пошли...
Они тихо спустились по лестнице и через заднюю дверь вышли в проулок. В нос Соне ударил какой-то странный запах. Чост, который ничего не почувствовал, пояснил:
— Прямо здесь стоял этот длинный.
— Серьезно?

— Да. А потом они пошли туда. Их ждала карета.

— У-гу.

Соня направилась на север. Зачем — она и сама не знала. Конечно, она не надеялась, что Куршахас и трое гвардейцев Хавлата ждут ее неподалеку. Но она все равно не смогла бы заснуть.

Девушка прекрасно понимала, что погорячилась там, на пиру, и у кого-нибудь могло возникнуть желание отомстить ей. Быть может, Хавлату это и понравилось, как сказал Сэндас, но Куршахас... Он явно жесток и злопамятен. Он заставил людей поверить в то, что он просто искусный фокусник, а Соня при всех обвинила его в колдовстве.

Аренджунская знать восприняла ее как дикарку, нацепившую мужские доспехи, но все равно о ее выходе не скоро забудут. Поползут слухи, начнутся пересуды... Куршахас не простит ей этого и постарается заткнуть девушке рот.

Что он предпримет — угадать невозможно. От колдуна всегда надо ожидать неприятностей, а от колдуна, обуреваемого жадой мести, — вдвойне.

Соня не любила прятаться, и не было случая, чтобы она не приняла вызов, но, боги свидетели, здесь, в Аренджуне, девушка хотела только найти работу или же просто провести несколько приятных деньков, а затем без сожаления покинуть город.

И угораздило же ее нарваться на могущественного вельможу и находящегося у него на

службе волшебника! Или, может быть, наоборот? Кто из них кому служит, сам Сет не разберет.

Она тряхнула головой, и перед ее мысленным взором промелькнули события последних двух дней: казнь Эримиора, Сэндас и Алинон в таверне, Хавлат, а теперь еще Куршахас...

И, уже не впервые, Соня уныло подумала о том, что, очевидно, такова ее судьба — вечно ввязываться в запутанные истории.

— Соня! — донесся до нее шепот Чоста.

Они прошли так уже несколько кварталов. Девушка так глубоко задумалась, что совсем не смотрела по сторонам, лишь краем глаза замечая редких припозднившихся прохожих, да время от времени улавливала шум отдаленных таверн и гонги, отмечавшие время в некоторых храмах. Теперь же, после тревожного возгласа Чоста, она мгновенно насторожилась.

— Вон там, Соня! Смотри!

Кварталы знати были уже совсем близко. Улицы здесь освещались гораздо лучше, и в свете вставленных в стенные скобы факелов в дальнем конце проулка Соня заметила молодую женщину, которая удалялась от них.

Соня присмотрелась:

— Она не опасна, Чост. Это просто служанка...

— За ней кто-то идет! — прошипел он.

— Держись подальше и не шуми, — сказала Соня.

За женщиной и в самом деле двигалась тень, большая и неуклюжая, которая неуклонно настигала незнакомку. Соня собиралась было крик-

нуть, чтобы предупредить женщину, но быстрая тень, мелькнув во тьме проулка, исчезла.

— Оно там! — будто прочитав ее мысли, шепнул Чост.

— Чост, я...

Тень снова появилась и напала так стремительно, что Соня не успела и глазом моргнуть.

Женщина коротко вскрикнула, но тень тут же окутала ее, и крик сменился придушенным хрипом. Незнакомка резко выгнулась назад, и ее полностью скрыла тьма.

Соня бросилась вперед, на бегу обнажая меч. Выскочив из ножен, острое клинка задело каменную стену — полетели искры. Тень вздрогнула, насторожившись.

— Отпусти ее! — крикнула Соня. — Проклятье! Оставь ее в покое!

Девушка уже пробежала половину проулка, но не успела она приблизиться к жертве и нападшему, как тень отстранилась. Женщина, бледная и вялая, упала на землю, и голова ее громко стукнулась о плиты мостовой.

Соня взмахнула мечом и сделала выпад.

— Отведай стали, негодяй! — рявкнула она.

Но тень, высокая, черная, с двумя призрачными желтыми огнями вместо глаз, вдруг превратилась в облако, на миг зависла над землей и бесследно исчезла. Стальной клинок пронзил пустоту.

— О боги! — завопил Чост, оставшийся далеко позади.

— Чтоб тебя! — выругалась Соня.

Быстро пробежав до конца проулка, она посмотрела по сторонам. Никого.

Кипя от ярости, Соня вернулась к лежавшей на земле женщине. Чост уже опустился рядом с ней на колени, и в свете факела Соня разглядела, что бедняжка носила дешевое платье и деревянные башмаки. В ее лице не было ни кровинки, и каштановые волосы, обрамлявшие его, казались почти черными.

«Проклятье! — подумала Соня. — Он сломал ей шею!»

Но Чост, который низко склонился к женщине, ощупывая ее, внезапно взглянул на Соню расширенными от ужаса глазами:

— Соня...

— Она мертва, Чост.

— Посмотри, Соня...

Девушка пригляделась. На горле женщины зияли рваные раны, из которых медленно сочилась кровь. Такие следы могли оставить острые клыки не очень крупного хищника. Во всяком случае, подобного оружия Соне встречать не приходилось.

— Во имя Эрлика! — похолодев, выдохнула она.

Чост едва слышно поскуливал от страха.

— Она не первая! — Голос его звенел и срывался. — За последние несколько лун были и другие жертвы, кто умер такой же смертью. Люди почти не говорят об этом, но мы-то знаем, я и мои друзья, что это... — Он замолчал, быстро взглянул по сторонам, глубоко вздохнул, будто

собирался нырнуть в холодную воду, и выпалил:
— Илорку!

Илорку... Соня знала, что это слово пришло из стигийского языка, но теперь вряд ли найдет-ся хоть один человек во всей Хайбории, который не знал бы его. Илорку. Кровопийца. Кровосос. Вампир.

Глава четвертая

Rопаясь в дневниках отца, Алинор узнала не только каким приемам магии обучился ее отец, но и, что самое главное, кто был его наставником. В Арэнджуне жила старая ведьма по имени Осуму.

Эримиор подробно описал, как она взглянет, назвал место, где находился ее дом, изложил на бумаге все, о чем она когда-либо рассказывала ему, и перечислил все предметы, с помощью которых старуха занималась своим ремеслом.

Значит, для того чтобы отомстить, Алинор нужно обратиться к Осуму, имя которой означало «неизвестность», «тьма».

Алинор чувствовала, что уже знает достаточно, чтобы совершать несложные магические действия.

Колдовству ведь вполне можно научиться. Главное — поставить цель.

А затем, если человек обладал достаточным упорством, не был от рождения глуп и умел

справляться со своими страхами, он вполне мог добиться успеха и даже достичь определенных высот.

А бояться было чего, ведь колдуну зачастую приходилось общаться с существами, которые не принадлежали миру людей и порой оказывались гораздо сильнее человека.

Алинор вдруг сладко зевнула. С вечера ей было никак не уснуть, и она взялась за дневники отца и читала далеко за полночь.

Затем она все-таки улеглась, но сон не шел, и девушка опять встала, едва храмовые гонги известили о начале нового дня.

Кто-то тихо постучал. Алинор подошла к двери и открыла ее:

— Заходи, Лейра.

— Я приготовила ванну, госпожа.

— Хорошо.

Пока Лейра ходила по комнате и тушила масляные лампы, Алинор подобрала темные волосы, заколола их, сняла ночную рубашку, надела легкий, свободный халат и сандалии и направилась в купальню.

Теплая вода с целебными травами приняла ее в свои объятия, и девушке почудилось, что она снова вернулась в детство и добрые руки кормилицы ласково поглаживают ее, снимая усталость, баюкая и утешая. На время все тревоги и горести отступили...

Завтрак ждал ее в комнате, но Алинор лишь едва притронулась к еде. Лейра, пришедшая убрать подносы, сказала:

— Госпожа, ты ведь почти ничего не съела. Ты не больна?

— Я просто не голодна,— нахмурилась Алинор.— Я что, теперь должна объяснять рабам свои поступки?

— Нет, нет, госпожа, прошу прощения.— Лейра начала поспешно собирать посуду, уронив при этом серебряный кубок, и на пушистом ковре тут же образовалось безобразное винное пятно.

— Да что с тобой такое? — сердито воскликнула Алинор.— У тебя все из рук валится!

— Прости, госпожа...

— Что с тобой?

Девушка подобрала кубок и, чуть снова не уронив его, поставила на поднос.

— Я... Просто очень расстроена, госпожа. Сегодня ночью погибла еще одна женщина.

— Еще одна?

— Да. И опять эти раны...

— Ай-яй-яй. — Алинор на мгновение задумалась.

— Мне страшно, госпожа Алинор. Я так боюсь... Этих...

— Тебе нечего бояться, пока ты здесь. Ведь ты же не бродишь ночью по улицам?

— Нет, госпожа!

— Тогда успокойся. Теперь позови Тирса — пусть он вынесет этот ковер. И скажи Силуму, чтобы подготовил паланкин. Я собираюсь в город.

— Да, госпожа.— Звеня посудой на подносе, Лейра быстро вышла из комнаты.

* * *

Осуму жила в бедном квартале на южной окраине города. Алинор приказала слугам подождать ее у входа в полуразвалившийся доходный дом, в котором сдавали внаем комнаты.

Богато украшенный паланкин и хорошо одетые слуги привлекли к себе повышенное внимание жителей близлежащих улиц: бедняки, конечно, часто видели, как знать проезжает мимо, но сюда, в их квартал, вельможи и толстосумы почти никогда не заглядывали, предпочитая делать вид, что нищеты, голода и болезней не существует вовсе.

Обитатели жалких лачуг начали стекаться к паланкину, кто из любопытства, кто в надежде на подачку, и городским стражникам пришлось встать на защиту знатной дамы: не приведи Митра, еще обидит ее кто-нибудь, тогда неприятностей не оберешься.

Алинор быстро прошла в проулок и толкнула дверь, которая вела на ветхую и весьма грязную лестницу.

Девушка поднялась на второй этаж и, стараясь обойти кучи всевозможного мусора, стала искать дверь, на которой, как говорилось в записях ее отца, должен быть изображен ястреб. С трудом отыскав ее, Алинор громко постучала. Никто не ответил.

Она постучала снова, и еще раз. Может быть, старухи нет дома? Или она плохо слышит?

Наконец из-за двери послышалось:

— Кто там?

— Осуму, мне надо с тобой поговорить. Я знаю, кто ты такая.

— А ты кто? Отвечай!

— Я дочь Эrimiора. Позволь мне войти.

Дверь чуть-чуть приоткрылась. В щель можно было разглядеть только часть морщинистого лица на уровне плеча Алинор и глаз желтого цвета с черным зрачком.

— Дочь Эrimiора? — прошамкала старуха.

— Алинор. Разве он никогда не рассказывал обо мне?

— Нет. Но я слышала, что у него была дочь.

Алинор поднесла к щели правую руку — на указательном пальце было надето кольцо с печатью дома Эrimiора, вырезанной в камне.

— Теперь ты мне веришь?

— Нет. Откуда мне знать, что ты не украла кольцо?

— Ах ты, старая ведьма! Кто же еще станет иметь с тобой дело после всего, что произошло?!

Дверь захлопнулась. Послышался лязг и скрежет, как будто металлическую цепь протаскивали сквозь железные кольца. Затем дверь открылась, и старуха отступила, впуская гостью. Алинор вошла, осторожно оглядываясь по сторонам.

— Пожалуйста, закрой дверь, дочь Эrimiора.

Девушка выполнила просьбу старухи.

— Что тебе от меня надо? — с испугом спросила Осуму.

Алинор повернулась к ней:

— Я пришла не для того, чтобы вредить тебе. Мне надо знать, что погубило моего отца. Я

подозреваю, что за всем этим стоит Хавлат. Это так?

Старуха промолчала.

— Я могу присесть?

Осуму пожала плечами и жестом указала Алинор на другой конец комнаты, а сама устроилась на плетеной циновке в углу за низким столиком. Девушка снова окинула взглядом старуху и ее комнату и уселась на другую циновку. Осуму оказалась тощей, как скелет, с коричнево-серой морщинистой кожей. Ее одежда состояла из беспорядочного набора старых тряпок и шкур животных, а украшения ей заменяло множество разных безделушек, камней и кусочков резной кости.

Комната была под стать своей хозяйке. В ней пахло благовониями и отбросами, вся она была заставлена деревянными сундуками и ящиками, завалена старыми свитками и толстыми книгами, повсюду стояли бронзовые и железные жаровни, черепа, резные каменные предметы, глиняные горшки, на полу и на стенах — ковры и гобелены с вышитыми на них странными изображениями.

Алинор, устроившись поудобнее за низким столиком напротив хозяйки, отставила в сторону кожаный мешок, который принесла с собой.

— А теперь,— начала девушка, решительно глядя в глаза ведьме,— я хочу узнать обо всем, что может иметь отношение к смерти моего отца. Мне известно, что он приходил к тебе и ты обучала его колдовству. Его послал Хавлат?

— Нет,— мгновенно отозвалась Осуму.

— А ты не лжешь?

— Эrimiор приходил сюда по собственной воле. Он упоминал имя Хавлата, но Хавлат не догадывается о моем существовании. Я думаю, твой отец приходил ко мне из-за того, кто живет в доме Хавлата.

— Я тебя не понимаю.

— Я говорю о Куршахасе.— Ведьма цедила слова, едва заметно шепелявя.

— О Куршахасе?

— А разве ты не поэтому здесь? — Осуму улыбнулась.

— Я знаю, что Хавлат сделал все, чтобы отца осудили как можно быстрее. Видимо, он чего-то сильно боялся.

— Возможно. Но больше всего он хотел скрыть тайну Куршахаса. Для Хавлата Куршахас страшнее смерти.

— Почему?

— Потому что Куршахас — это само Зло. Разве отец ничего не говорил тебе о нем?

— Совсем немного.

Осуму пожала плечами:

— Значит, он считал, что больше тебе знать ни к чему. Куршахас — творение зла, а Хавлат — всего-навсего человеческое существо.

— Куршахас — колдун?

Разинув беззубый рот, Осуму разразилась визгливым смехом.

— Называй его как хочешь. Для созданий Тьмы имена не играют особой роли. Это люди считают, что смогут что-то понять, если дадут

имя необъяснимо. Но зло — это просто зло, и все.

Алинор задумалась ненадолго, затем тряхнула головой и заговорила о другом:

— Ты обучала моего отца магии.

— Я научила его кое-чему.

— И ты продала или отдала ему какие-то магические предметы?

— Может быть.

— И несмотря на это или, наоборот, из-за этого мой отец погиб. Хавлат посоветовал ему воспользоваться магией против Куршахаса, но не собиравшись предоставлять возможность довести дело до конца. Это все был обман. Ты по-прежнему утверждаешь, что Хавлат о тебе не знает?

— В Аренджуне найдется множество мест, где можно изучать магию. Ты думаешь, Хавлат интересовался, кто наставлял твоего отца?

— Расскажи мне об этих местах.

— Дочь Эrimiора, я дала твоему отцу магические предметы, с помощью которых он мог достичь своей цели. Это правда. Но в этом городе найдется не меньше сотни ведьм, которые могли сделать то же самое, и еще не меньше сотни мужчин, которые заявляют, что они колдуны. Здесь же ошиваются уйма иноземных магов, жрецов-вероотступников и гадалок...

— Но большинство из них — шарлатаны. А ты? Ты обманула моего отца или на самом деле помогла ему?

— Пхе! — Осуму презрительно фыркнула. — Магией может заниматься всякий. Добыть благо-

вония и свечи, выучить заклятья и заговоры нетрудно... — Старуха пожала плечами. — Если нет веры, ничего не получится, а если есть и вера, и искреннее желание, то магия срабатывает. Есть демоны и духи, которые ждут. Они пребывают в сновидениях и в вине. Их достаточно просто позвать. Зажги свечи, воскури травы — это облегчит дело. Но демоны приходят и так. Эти живут в твоём сердце, и в моём тоже. Не благовония заставляют демонов приходить, но, воскуривая их, мы вызываем демонов. Если тебе нужна магия, начни ею заниматься. Демоны и духи всегда готовы прийти. Ты молишься богам?

— Иногда.

— И боги отвечают тебе? Они к тебе приходят?

— Не знаю. Может быть... Иногда. Они такие загадочные...

— А демоны приходят быстрее. Боги далеко — демоны близко. Демоны всегда алчут, боги — нет.

Алинор недоверчиво взглянула на дряхлую колдунью: неужели все так просто?

— Но ты учила моего отца магии. согласишься ли ты стать и моей наставницей?

Осуму молча смотрела на нее.

Алинор развязала кожаный мешок и начала доставать оттуда разные предметы.

— Ты давала эти вещи моему отцу. Или он купил их у тебя.

— Может быть.

Алинор разложила на столе два свитка, несколько свечей, талисман, каменный фиал с маслом.

— Это ведь твои вещи? — пристально взглянула она на старуху.

Осуму криво улыбнулась и, наклонившись вперед, взяла кувшин и две бронзовые чаши, стоявшие на столике:

— Давай выпьем вина.

Алинор вовсе не хотелось пить вино ведьмы.

— Отец хорошо заплатил тебе?

— Да. Хорошо. Пей.

— У меня есть деньги — все деньги моего отца. Я могу дать тебе гораздо больше, чем он.

— Деньги? — Осуму хихикнула. — Зачем мне деньги? Твой отец платил иначе.

— Чем же? — Алинор растерялась.

— Пей вино, девушка.

— Может быть, рабами? Или тебе нужно было что-то особенное для колдовства?

Осуму промолчала.

— Может быть, он продал тебе душу, старуха?

— Он давал мне... себя, — пробормотала ведьма. — Прошу тебя... пей. — Она взглянула на гостью и захохотала. — Он занимался со мной любовью! Ты изумлена? Ах-ха-ха! Да-да! Разве тебе самой неведомы желания тела, девушка? Неужели ты думаешь, что они пропадут, когда ты состаришься?

Алинор на самом деле испытала легкое потрясение. Но она умела скрывать свои чувства. Ответив на смех Осуму презрительной улыбкой, девушка вдруг поняла, что от этой отвратительной старухи ей ничего больше не нужно, и полезла в мешок за последним предметом.

— Пей вино, дочь Эrimiора.

— погоди. Сначала покончим со всеми делами. Тебе знакома эта вещь? — Она показала кинжал, который Эrimiор собирался использовать во время ритуального жертвоприношения.

— Весьма возможно.

— Его ты тоже продала моему отцу?

Глаза Осуму сузились.

— Может быть. Но зачем ты...

— Я хочу, чтобы ты посмотрела на него, Осуму.

Алинор медленно наклонилась вперед. Позолота на рукоятки блестела в тусклом свете ламп, острие было направлено прямо на старуху. Внезапно чего-то испугавшись, ведьма отодвинулась.

— Теперь смотри, — сказала девушка, — на печать, что на лезвии, рядом с рукоятью.

Затем она сделала быстрое движение — клинок, находившийся на расстоянии ладони от лица Осуму, словно ожил и прыгнул вперед. Книжки и кубки полетели на пол. Тонкая кровавая линия четко обозначилась на серой, морщинистой коже.

— Ах ты, шлюха! — задохнулась Осуму. — Так ты поэтому?.. — Она осеклась.

Алинор поднялась и вытерла лезвие о циновку. Осуму упала назад, ударилась о стену и, съехав вниз, застыла в неловкой позе со скрещенными ногами.

Она не отрывала взгляда от Алинор, ее глаза горели яростью, в горле у ведьмы клекотало, но она не могла произнести ни слова.

— Немного сока растения динг,— небрежно бросила Алинор.— Ты умрешь, но сначала просто не сможешь ни двигаться, ни говорить.

Девушка быстро собрала в мешок принесенные вещи, затем потянулась к чаше с вином, из которой не вылилось ни капли. Поднося чашу к губам, она не сводила глаз с ведьмы.

— Не-е-ет,— покачала головой Алинор.— Я не стану вкушать твоего вина. Так что, Осуму? Я должна была это выпить? Ты хотела этого, старая ведьма? Ты ведь добавила сюда яд?

Глаза Осуму затуманились, но она все так же пристально смотрела на Алинор.

— А ведь я права, да, Осуму? Мне, пожалуй, лучше не пить это. Может, кто-нибудь попробует это вино за меня, а? — Алинор встала, обошла столик и склонилась над ведьмой, которая неотрывно следила за ней глазами.— Пей, ведьма!

Девушка поднесла чашу к приоткрытым губам колдуньи и наклонила ее. Большая часть вина пролилась, но немного все-таки попало в рот старухи.

Алинор задумчиво взглянула на нее.

— Медленно действует, да, Осуму? А сок динга убьет тебя только к вечеру. Будет больно. Но это хорошо, что тебе придется помучиться. В гибели моего отца есть и твоя доля вины. Но я не могу ждать, пока ты умрешь. А что если я плесну немного этого вина тебе в глаза?

Осуму хрипло выдохнула. Будь у старухи возможность кричать, от ее вопля поднялись бы мертвые.

— Да-да. Через глаза яд быстрее попадет в кровь. Нет, прямо в мозг — и будет шипеть на костях. Что скажешь, Осуму?

Ведьма снова выдохнула.

Алинор подняла чашу над головой колдуньи и наклонила ее. Вино закапало вниз, попадая в глаза Осуму, и в них отразился ужас.

Поставив чашу на столик, девушка удовлетворенно кивнула. Она не стала ждать, пока старуха умрет, а, быстро пройдя по комнате, набила кожаный мешок предметами, которые, по ее мнению, могли пригодиться для магических ритуалов. Большая часть вещей оказалась бесполезной: статуэтки, украшения, мелкие безделушки. Травы, благовония, свечи, ножи — это Алинор и сама легко могла найти и затем освятить должным образом. Из дневников и книг отца девушка узнала достаточно, чтобы разбираться, что надо брать те предметы, которые уже наделены темной силой.

Набрав почти полный мешок, Алинор вышла, плотно прикрыла дверь и быстро направилась к лестнице.

Однако внизу она задержалась. За стенкой, которая закрывала коридор первого этажа, домовладелец орал на молодых мужчину и женщину, требуя, чтобы они немедленно убирались из его дома. Алинор осторожно выглянула из-за угла: молодая пара, похоже, выезжала из комнаты, расположенной прямо под комнатой Осуму.

Дождавшись, когда все уйдут, девушка взвалила мешок на спину, вышла в проулок и спо-

мир сосредоточился в глазах Алинор, а голос невероятным образом, словно обретая плоть, впивался прямо в мозг.

— Я хочу, чтобы ты побеседовал с ним о моем отце, Сэндас,— говорила Алинор.— Ты это сделаешь, Сэндас? Ради меня? Ты должен вести себя решительно, иначе Хавлат увильнет от этого разговора. Тебе, пожалуй, придется обнажить меч — просто чтобы показать ему, что ты не шутишь. Понимаешь, возлюбленный мой?

Конечно, ему все было понятно. Об этом он и сам уже не раз думал. Он давно собирался так поступить, причем не только ради Алинор и себя, но и ради всего Арэнджуна. Шум таверны постепенно стихал у него в ушах, и теперь он слышал только голос девушки.

— Ты понимаешь, Сэндас, любовь моя?

— Да, конечно...

— Ты сделаешь это прямо сейчас?

— Да, конечно.

— Пошли. Я подвезу тебя в своем паланкине. Хорошо?

— Да. Конечно...

Они встали. Алинор ни на миг не отпускала Сэндаса, и молодому человеку казалось, что если девушка уберет руку, то он задохнется или упадет, не сходя с места — погибнет без ее поддержки.

Когда они подходили к выходу, один из приятелей Сэндаса окликнул его:

— Эй, Сэн! Ты куда? Мы начинаем новый тур!

— Оставь его в покое,— усмехнулся другой.

— Сэндас! Еще один круг!

— Оставь его, Чор. Красивая баба мужика-то уж всегда утащит.

Третий, расхохотавшись, поправил его:

— Богатая и красивая баба, приятель. Да-да, богатая и красивая...

* * *

Даже прохладный вечерний воздух не заставил Сэндаса очнуться. Он шел за Алинор как во сне и даже не заметил, как сел в паланкин.

Он слышал только свои собственные мысли: «Да-да, я поговорю с Хавлатом. Обнажу меч. Я хороший фехтовальщик. Один удар — и все. Но поговорить надо. Эrimiор погиб, и в этом виноват Хавлат. Он должен знать, что горожане этого не простят. Надо все объяснить Хавлату».

Когда паланкин остановился, Алинор показал рукой на парадный вход в дом Хавлата:

— Теперь я тебя отпускаю, Сэндас...

— Нет...

— Все будет в порядке. Ты сейчас выйдешь, отыщешь Хавлата, поговоришь с ним и покончишь с этим делом. Понял?

— Да...

— Отлично. Теперь иди.

Она отняла руку, и его пронзила острая боль. Он внезапно почувствовал себя очень слабым и больным. Но это ощущение сразу же прошло, и, выходя из паланкина, Сэндас сделал несколько глубоких вдохов, положил руку на рукоять меча и повернулся к дорожке, ведущей к крыльцу.

— Иди, Сэндас,— слышал он голос Алинор.— Иди...

Он пошел, не оборачиваясь, и даже не увидел, как слуги Алинор подняли паланкин, и тот начал быстро удаляться.

Вперед по дорожке... Вверх по лестнице...

При входе стояли двое слуг. Узнав его, они кивнули, открыли двери и поприветствовали стражника, но Сэндас не ответил.

Был еще ранний вечер, а значит, Хавлат, скорее всего, находился в кабинете в конце первого зала... Вместе с ним там может быть Куршахас... Куршахас? Ну и что? Какое ему, Сэндасу, дело до Куршахаса? Ему нужен только Хавлат. С Хавлатом надо поговорить... И меч...

Он пять раз стукнул в дверь молоточком, соблюдая определенную последовательность, так, чтобы хозяин знал, кто пришел.

— Войди,— слышался голос Хавлата.

Молодой человек шагнул внутрь комнаты и толчком закрыл за собой дверь.

— А, Сэндас. Добрый вечер. Кажется, ты слегка перебрал, парень? И что тебе нужно?

Хавлат был один. Он сидел за столом, перед ним лежал развернутый пергаментный свиток, из открытой чернильницы торчали палочки для письма. Сжав рукоять меча, стражник приблизился.

— Сэндас! Да что с тобой, приятель? — Хавлат встал, оперевшись ладонями о стол.

Молодого человека пробрала дрожь. Ему казалось, что туман, окутавший его сознание, посте-

пенно рассеивается, то накатывая, то отступая плавными волнами. И тогда Сэндас то чувствовал, что во-вот может упасть, то в его мозгу начинал звучать голос Алинор, и силы сразу возвращались к нему. Хавлата он видел как бы сквозь завесу из красного пламени, а в душе его боролись ярость и страх.

— Сэндас? Сэндас!

Не отдавая себе отчета в том, что делает, стражник выхватил меч из ножен.

— Сэндас! Во имя богов...

Хавлат медленно пятился, пытаясь добраться до стойки с мечами, которая находилась возле масляной жаровни.

Стражник вскрикнул и, выставив перед собой клинок, бросился вперед. Хавлат поскользнулся и упал.

— Не-ет!

— За... Эrimiора! — воскликнул Сэндас и опустил меч.

Хавлат откатился в сторону, лезвие, со звоном ударив в плиты пола, высекло из него искры.

— Стража! Стража! — Хавлат вскочил на ноги, подбежал к столу.— Стража!

Будто в полусне Сэндас услышал грохот сапог по коридору. Надо было запереть дверь, а теперь придется бежать к окну рядом со стойкой с мечами... Снова подняв меч, Сэндас двинулся к Хавлату.

— Стра-а-а!

Снова грохот сапог, вопли и проклятия. Хавлат, сжавшись, испуганно смотрел на Сэндаса.

Раздались тяжелые удары в дверь.
— Скорее! На помощь! — завопил Хавлат.
Сэндас повернулся и побежал к окну.
— Схватить его! Живо! Хватайте!

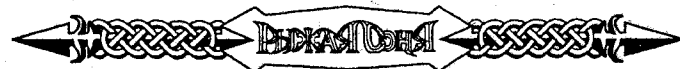
* * *

Соня только что вернулась к себе в комнату. Было еще довольно рано, но она потратила целый день, чтобы найти работу, однако так ничего и не добила, только смертельно устала. Вдобавок ко всему в таверне, куда она зашла перекусить и немного расслабиться, к ней привязался какой-то занудный юнец.

То и дело заглядывая девушке в глаза, он пытался доказать ей, что мир устроен неправильно: боги ленивы и равнодушны к людским бедам, правители злы и алчны, мужчины трусливы и вороваты, женщины... Жалобам его не было конца, и он так надоел Соне, что она вылила на голову бедолаги вино из своей кружки, бросила недоеденный ужин и отправилась домой, подалее от всей этой бестолковой суеты.

Единственное, о чем она сейчас мечтала — это раздеться и заснуть, и чтобы ей приснились широкие заснеженные долины под серебристой луной, а главное — никаких городов. Но удача изменила ей и на этот раз. Не успела она потушить лампу и юркнуть под одеяло, как на лестнице послышался грохот сапог, а затем кто-то начал отчаянно стучать в ее дверь.

— О боги! Неужели этот сопливый плакальщик из таверны притащился за мной?

Спрыгнув с кровати, она схватила меч и приготовилась изрубить в куски любого, кто осмелился нарушить ее покой. Одеваться воительница и не подумала: увидев обнаженную женщину, негодяй наверняка разинет рот, и это будет последнее, на что ему суждено поглазеть...

— Соня! Соня, открой!

Она пересекла комнату, откинула засов и распахнула дверь.

— Во имя Неба!.. Сэндас!

Он влетел в комнату и тяжело привалился к стене, вытирая пот со лба и стараясь отдышаться.

— Запри дверь!

— Какого демона ты...

— Соня, закрой дверь!

Она в замешательстве захлопнула дверь.

— Запри! — Он все еще говорил с трудом.

Она так и сделала, затем возмущенно поинтересовалась:

— Проклятье, ты мне скажешь наконец, в чем дело?..

— Они могли заметить, как я сюда вошел, — выпалил Сэндас. — Поживее, Соня, я тебя умоляю! Спрячь меня!

— Спрятать?

— О... — простонал он. — Если меня схватят, я погиб.

— Тысяча проклятий!..

Она окинула его взглядом: в том, что он попал в серьезную переделку, сомневаться не приходилось. Снаружи послышались голоса, звон оружия и грохот сапог.

— Они меня видели! — в отчаянии воскликнул Сэндас.

— Тихо! — Соня на миг задумалась. В комнате практически не было таких мест, где он мог бы... — Сэндас! Сюда! — Она выволокла стул из угла комнаты и взглянула вверх. Квадратный люк посередине потолка заметить было не так-то просто. — По-моему, это ход на чердак. Сегодня утром домовладелец что-то там искал. Шевелись, Сэндас!

Он поспешно залез на стул. Стражники уже входили в дом.

— Толкай! — крикнула Соня.

Сэндас отчаянно толкнул крышку, и она откинулась на ржавых петлях.

— Подтягивайся, и поживее! Проклятье!

Он вытащил меч из ножен, забросил его в люк, затем подпрыгнул, уцепился руками за края отверстия, подтянулся и исчез в темноте, закрыв за собой крышку.

Девушка слышала, как стражники поднимаются по лестнице. Стараясь не шуметь, она перенесла стул обратно в угол, вставила меч в выемку в полу и легла.

Через несколько мгновений тяжелые кулаки застучали по всем дверям подряд. Когда добрался до ее двери, Соня ответила не сразу.

Дверь заходила ходуном.

— Эй, там, просыпайтесь! Открывайте!

Соня нарочито громко зевнула:

— Вы что все, с ума посходили?

— Открывай! Хозяин! У тебя есть ключ?

— Эй, полегче! — крикнула Соня, взяла меч, подошла к двери и отворила ее, даже не накинув на себя хоть какую-нибудь одежду.

Стражники на мгновение замерли, увидев точеную фигуру обнаженной красавицы.

— Во имя Неба, что все это значит?

— Мы потревожили твой сон, да? — придя в себя, с вызовом спросил один из стражников.

— А ты не видишь?

— Ты носишь меч. Почему?

— Я воин, наемница. К тому же предпочитаю иметь оружие, если толпа буйных придурков станет ночью ломиться в мою дверь.

Кто-то в темном коридоре громко захохотал, затем крикнул, когда его ткнули локтем в ребра, и замолк.

— Как тебя зовут? — спросил стражник.

— Сейлисса из Стигии.

— Это твое настоящее имя? — Он зло прищурился.

— Нет.

— Мне нужно настоящее.

— Назови сначала свое, чтобы я могла пожаловаться на тебя. А потом и мое узнаешь.

— Девушка, ты издеваешься над сотником городской стражи.

— Стражник, я крепко спала, а ты разбудил меня. Теперь я тут мерзну, а твои приятели нагло глазят на меня. Так чего же тебе нужно? Говори, и поживее!

Сотник побагровел от ярости. Стараясь не смотреть на Соню, он окинул взглядом полутем-

ную комнату, затем проговорил, с трудом сдерживая злость:

— Мы ищем одного стражника — преступника, которого необходимо арестовать. Он вошел в этот дом.

— И ты думаешь, что я его прячу?

— Я думаю, что он находится в этом доме.

— А кто хочет его арестовать? Его мать? Или его бедная жена?

— Я тебя предупреждаю...

— А я предупреждаю тебя! Я оплатила эту комнату и не желаю, чтобы мне мешали отдыхать! Кто дал тебе право вламываться сюда?

Стражник выругался.

— Дайте мне пройти! — раздался голос из толпы, и Соня узнала его — это был голос хозяина.

Девушка вздрогнула. Если этот толстый идиот решит показать чердак, она будет вынуждена драться. Во что бы ни влип Сэндас, Соня, которая всегда не задумываясь поддерживала тех, за кем охотятся власти, непременно попыталась бы защитить этого глупого коринфянина.

— Пустите меня! — Жирный домовладелец протолкнулся в комнату Сони. — Это мой дом! — сердито напомнил он ей. — Ты заплатила за комнату, но я заплатил за дом, и я плачу за него налоги городу! Не забывай об этом! И если я пускаю сюда стражников, то это мое дело, а не твое! Поняла?

Соня заставила себя сдержаться. Если дело дойдет до схватки, она позаботится о том, чтобы

этот толстяк первым отведал стали, но сейчас лучше попробовать разойтись мирно. У нее оставался только один козырь.

— А разве не может быть так, — спросила она сотника, — что, пока вы тут теряете время, пытаясь ворваться в комнату к несчастной женщине, этот преступник уже воспользовался вашей тупостью? Он, может быть, уже вылез из окна и находится на полпути в Аквилонию.

Недовольно крикнув и злобно взглянув на девушку, сотник повернулся к своим помощникам:

— Хватит глазеть, недоумки! Спускайтесь и окружите дом. Осмотрите каждый проулок в этом квартале! Живо!

Когда они ушли, домовладелец, окинув Соню долгим взглядом, прошипел:

— Надень что-нибудь на себя. У меня здесь не дом свиданий.

— А я не шлюха. Что-нибудь еще?

— Убирайся отсюда.

— С какой стати? — удивилась Соня.

— С тобой только одна морока.

— Проклятье! Это ведь ты пустил сюда этих негодяев!

— Не ори на меня! Я здесь хозяин. Ясно? Я хочу, чтобы ты убралась!

— Прямо сейчас? — взорвалась Соня. — Чтоб ты сдох, свинья жирная! Я заплатила за комнату, и тебе не удастся пожить за мой счет!

Ошеломленный таким отпором, домохозяин отступил на шаг, затем опомнился и заявил:

— Тогда утром. С самого раннего утра ты должна исчезнуть!

— Мои деньги не хуже любых других!

— Ты можешь навлечь беду на мою голову, препираясь с городскими стражниками.

Затем, заметив, как у Сони сжалась рука, державшая меч, он побледнел и выскочил в коридор.

— Утром! — рявкнул он. — И ни мгновением позже!

Он с шумом захлопнул дверь, прежде чем Соня успела хоть что-нибудь ответить.

— Проклятье! — воскликнула она. — Чтоб его сотня демонов сожрала!

Со стороны окна снова послышался шум. Соня обернулась, скрипя от ярости зубами, но тут же узнала мальчишеский смех. И звон подков. И угрожающие крики стражников.

Она выглянула из окна: толпа уличных оборванцев радостно швыряла в мечников камнями и грязью.

— Проваливайте! — кричали они. — Эй, вы! Громилы! Вон отсюда!

Соня рассмеялась.

Вскоре стражники разъехались в разные стороны, чтобы продолжить бесплодные поиски, а сорванцы все продолжали свистеть и улюлюкать им вслед.

Соня высунулась из окна и крикнула:

— Эй, Чост! Опять нарываешься на неприятности?

— Привет, Соня!

— Лучше укради что-нибудь, пока стража занята!

Чост с друзьями убежали прочь.

Девушка отошла от окна, взяла меч и постучала в люк на потолке.

— Все кончилось, Сэндас! Выходи!

Молодой человек открыл люк и спрыгнул на пол. Соня сделала, прибавила огонь в масляной лампе, вылила остатки вина из кувшина и протянула чашу Сэндасу.

— Пей. А потом рассказывай, что с тобой приключилось.

— О боги!.. — Он сделал жадный глоток.

Соня обернулась, услышав, как у подоконника кто-то скребется: за карниз цеплялись Чост и трое его приятелей.

— Нам можно к тебе?

Она кивнула:

— Входите. — Она отперла задвижки и открыла окно. — У меня осталось немного хлеба и сыра. Только тихо, хорошо?

— Конечно! — Один за другим они перелезли через подоконник.

Сэндас посмотрел на оборванцев, затем перевел взгляд на Соню.

— Это друзья. — Девушка ободняюще улыбнулась ему. — Ты среди друзей, Сэндас. Допивай вино. И объясни наконец, что происходит.

— О боги!.. — снова вздохнул он и поставил чашу.

Соня жестом указала ему на кресло в углу, и Сэндас сел. Чост с друзьями устроился на полу.

Девушка растянулась на кровати:

— Теперь рассказывай.

Сэндас вздохнул, провел рукой по лицу и сбивчиво, тихим голосом начал говорить о том, что случилось накануне вечером. И о том, что он помнил, и о том, чего не помнил, но боялся, что это могло произойти...

Глава пятая

Неадолго до зари Хавлат все еще сидел в своем кабинете над непрочитанной книгой. Заниматься делами или спать ему мешала ярость, которой он не находил выхода. Где-то в городе еще рыскал один отряд стражников, но остальные четыре уже вернулись ни с чем. Похоже, изменнику удалось скрыться.

Хавлат злобно выругался.

Он не мог думать ни о чем, кроме как снова послать стражников обшаривать улицы, чтобы они притащили этого молодого коринфийского пса, которого он был готов разорвать на куски голыми руками.

Повинуясь порыву, он взялся за шнурок, чтобы вызвать одного из своих людей, но тут открылась внутренняя дверь, и в кабинет вошел Куршахас. Хавлат опустил руку.

С кошачьей гибкостью колдун двинулся к Хавлату и мягко положил ладони на полированное дерево стола.

— Этого молодчика еще не нашли? — вкрадчиво спросил он.

— Нет.

— Будешь продолжать поиски?

— Да, конечно. Но если они его не найдут...

— Хавлат с опаской взглянул на Куршахаса.

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе?

— Мне кажется, ты легко можешь его выследить.

Колдун пожал плечами:

— Все не так просто. Но Сэндас, кем бы он ни был, вовсе не враг тебе. Он просто *субук* — мельчайшая фигура на игровой доске. Им кто-то руководит. Его явно опоили. Или внушили, что он должен напасть на тебя.

— Как такое возможно?!

— Это не сложно. Я чую силу, которая его вела. Ее след, хоть и очень слабый, еще остался здесь.

— Но кто же тогда мой враг?

— Алинор, дочь Эrimiора.

— Но она ничего не смыслит в магии!

— А разве Эrimiор был колдуном? Вот когда он по твоему совету нашел наставника... Я уверен, что это она послала молодого человека убить тебя.

Хавлат побагровел:

— Тогда ее схватят еще до того, как наступит утро, и обезглавят к полудню!

— Будь осторожен, Хавлат. За твоей спиной и так уже шепчутся. Не горячись. Это может обернуться против тебя.

— Я пошлю целую армию к ее дому!

Куршахас едва заметно улыбнулся.

— Ее магия еще слаба. Подошли человека, который убит ее тайно. Не давай нового повода для пересудоз. На твоей совести и так уже слишком много явных преступлений.

Хавлат скривился:

— А твоя совесть чиста, Куршахас? Не тебе меня упрекать!

Колдун лишь усмехнулся в ответ, посмотрел в окно и сказал:

— Скоро рассвет. Мне пора уходить.

Он поплотнее закутался в плащ.

Хавлат пристально взглянул на него.

— Не люблю дневной свет, — продолжил Куршахас, глядя на Хавлата. — Он хорош для трусов. Люди обожают лгать и убеждают себя, что истина обитает на сietу, но нам-то с тобой известно, что ее можно обнаружить только в ночи...

С этими словами Куршахас тихо повернулся и вышел. Хавлат, все еще стоявший рядом со шнуром, дернул за него, затем шагнул к столу, налил себе вина и несмотря на то что у него уже немного побаливала голова, выпил.

Послышался стук в дверь.

— Войди!

На пороге появился один из личных охранников Хавлата.

— Кто в моей гвардии самый лучший лучник?

Стражник подумал:

— Господин, во-первых, я сам. И есть еще человек по имени Сатхил.

— Подойди, Хест.

Тот приблизился.

— Я обещаю сделать для тебя все, что будет в моих силах,— сказал Хавлат,— если ты выполнишь мое поручение быстро и безошибочно. Понятно?

— Да, господин.

Хест подался вперед. Не так часто представлялась возможность быстро продвинуться по службе или получить полную независимость. Ради этого он был готов выполнить любой приказ хозяина.

— Знаешь дом, где жил Эримиор? Хорошо. Его дочь до сих пор живет там. Вчера вечером, как это тебе известно, Сэндас напал на меня. А повинна в этом Алинор, отродье изменника. Ее надо уничтожить.

— Будет исполнено, мой господин.

— Возьми лук и самую хорошую стрелу. Я подозреваю, что Алинор могла сделаться ведьмой. Это тебя не пугает?

— Нет, господин. Я верю в Митру. Стрела пронзит ее сердце прежде, чем она успеет открыть рот для заклинания.

— Прекрасно, прекрасно. Ты читаешь мои мысли. Теперь иди. Вернешься победителем — я выполню любое твоё желание. Одна стрела в сердце ведьмы, Хест.

— Можешь считать, что дело сделано, мой господин.— Хест повернулся и вышел.

Хавлат тяжело вздохнул и посмотрел в окно. Утро еще не наступило. Это хорошо. Ночь —

может быть, как сказал Куршахас, и лучшее время для истины, но и для преступлений она подходит как нельзя лучше.

* * *

Хест был прирожденным воином, и хоть детство и юность он провел на улицах города, где научился и воровать, и открывать любые замки, истинным его призванием было бесприкословно выполнять приказы. Служба у именитого вельможи казалась ему вершиной счастья, а теперь он получил возможность упрочить свое положение и завоевать признательность хозяина. О такой удаче усердный служака не мог и мечтать.

Он легко проник через задние ворота во внутренний дворик дома Алинор, запросто, словно пользовался ключом, открыл все замки и вскоре уже шел по безлюдным коридорам. Близился рассвет, небо постепенно светлело, птицы шебуршались и чирикали в листве деревьев, на которой блестели капли росы.

Хест не знал, где спала Алинор, но в домах знати спальни обычно располагались на втором этаже, и это были просторные комнаты с большими окнами — там летняя жара донимала не так сильно. Из дворика он заметил большую комнату наверху, в дальнем западном крыле дома, над садом, и теперь совершенно бесшумно, словно ступал по мягкому мху, направился прямо туда.

Дверь оказалась открыта, охранников не было, но слегка колебавшиеся портьеры мешали разглядеть, что было внутри. Хест проскользнул в ком-

нату и остановился. Глаза быстро привыкли к полумраку, и он рассмотрел позолоченные лампы, бронзовые статуэтки, полки с книгами и свитками — несомненно, кабинет хозяйки дома.

Узкая дверь, скорее всего, вела в спальню. Он подошел к ней, достал стрелу из колчана, наложил ее на тетиву, а затем, держа лук в левой руке, медленно и осторожно толкнул дверь. Она тоже была не заперта.

Это могло удивить кого угодно, но только не Хеста: его господин сказал, что Алинор — ведьма, а кому придет в голову лезть в дом колдуньи, рискуя погубить душу и никогда не обрести покоя или, что еще страшнее, даже не попасть на Серые Равнины.

Он приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы юркнуть внутрь.

За легким прозрачным пологом, окружавшим кровать, он увидел спящую женщину, черные волосы которой разметались по подушке.

Хест натянул лук — столь тонкие занавеси уж точно не отклонят стрелу...

Зазвенела тетива. Стрела со стальным наконечником, который Хест предусмотрительно обмакнул в сильнодействующий яд, мелькнула в воздухе и вошла точно в цель, вонзившись глубоко под грудь...

Спящая даже не вздрогнула, но через пару ударов сердца очертания женской фигуры начали колебаться, рассеиваться...

Хест вздрогнул и едва не задохнулся от ужаса. На кровати никого не было — только куча смя-

тых простыней, пришпиленных к матрасу его стрелой.

— Болван! — внезапно прозвенел женский голос.

Подскочив на месте, Хест обернулся...

— Недоумок! Ты думал, что меня можно захватить врасплох?

Бледнолицая, темноволосая женщина, одетая только в белую рубашку, двигалась к нему из темноты...

Нежная рука коснулась его запястья — и Хест оцепенел, не в силах даже шевельнуться.

— Ты недоумок! — презрительно повторила она. — Собака! Я ни на миг не усомнилась, что Куршахас или Хавлат подойдут ко мне убийцу.

Хест едва мог дышать, и ему оставалось только молча смотреть на нее.

— Ты вернешься к ним, — медленно проговорила Алинор. — Но не сразу. Посмотри сюда, воин... — Она склонилась над столиком, взяла небольшой глиняный сосуд и вытащила пробку. — Видишь это? Он заряжен магической силой. Ты же знал, что я ведьма? И не испугался? Или мечтал о награде, которую, несомненно, твой хозяин наобещал тебе?

По бледному лицу Хеста струился холодный пот, и стражник лишь беспомощно вытаращил глаза, когда девушка прижала открытый сосуд к его груди.

— Сюда перетекает твоя душа. Разве ты не чувствуешь этого? Я знаю, что чувствуешь. Ты не можешь вопить, но ощущаешь, как моя магия

тянет из тебя душу, чтобы обречь ее на вечные муки во Тьме...

Он не смог закричать, даже когда Алинор отняла сосуд от его груди, хотя Хесту показалось при этом, что из него выдирают внутренности. Он просто смотрел на колдунью глазами, полными боли и ужаса.

Алинор тщательно закупирила сосуд и подняла его повыше.

— Когда я разобью его, ты умрешь, — спокойно объяснила она. — Но сначала ты вернешься к Хавлату и расскажешь ему о том, что с тобой произошло.

Хест почувствовал, что может двигаться, но не по своей воле. Лук выскользнул из безжизненных пальцев, сапоги застучали по плитам пола. Повернувшись, он направился к двери.

— Иди к своему хозяину! — шипела ему вслед Алинор. — Пусть это послужит ему предупреждением.

* * *

Чуть позже, когда рассвело и купцы Аренджуна начали ставить свои палатки на площадях, Хест вернулся в дом своего господина.

Хавлат, охраняемый четырьмя стражниками, принимал ванну, когда Хест, с трудом переставляя ноги, вошел в дверь и посмотрел на господина мертвенным, ничего не выражавшим взглядом.

— Хест, что с тобой произошло? На тебе лица нет!

— Она держит меня, — глухо отозвался тот. — Она захватила мою душу. Потом она примется за тебя!

— Хест...

— Она сейчас поднимает сосуд... Открывает его... О-о-о! — Он оглушительно завопил. — О боги! Спасите! Моя душа...

Корчась, он рухнул на каменный пол. Через несколько мгновений крики затихли, Хест последний раз дернулся и замер.

* * *

Грызая яблоко, Соня шла по просыпавшимся улицам Аренджуна, дабы подыскать себе новую квартиру. Слова бывшего домохозяина все еще звенели у нее в ушах: «Проваливай, и скатертью тебе дорога, потаскуха с мечом!» — но гораздо больше ее беспокоил Сэндас. Коринфянин ушел незадолго до зари, пообещав, что обязательно известит ее о своем укрытии. Она старалась задержать его, но он, рассказав свою историю, поспешил уйти. И теперь Соня опасалась за него, потому что Сэндас приобрел сразу слишком много врагов: Хавлат, Куршахас и, может быть, Алинор...

Но прежде чем заняться поисками Сэндаса, ей было нужно найти ночлег, и она шла к южной окраине города, останавливаясь у каждого старого здания, где видела желтую полосу ткани над дверями — знак, что здесь сдаются комнаты.

Чост с друзьями тащились вслед за ней. Сытые и веселые (Соня угостила всех фруктами,

сыром и легким вином), они теперь оживленно болтали, то и дело давая советы, где можно остановиться.

— У моего приятеля есть дядя, который держит постоянный двор...

— Она не захочет жить в доме твоего дяди! Это крысиная дыра! Могу поспорить, у нее есть деньги, чтобы позволить себе...

— А если поискать на другой стороне города?

В конце концов они настолько надоели Соне, что она поняла: ей просто необходимо хоть ненадолго избавиться от этих сорванцов. Она достала из кошелька золотую монету — одну из немногих, что еще оставались у нее.

— Видите это, парни?

Несколько пар глаз широко раскрылись.

— Тот, кто найдет Сэндаса и скажет мне, где он находится, получит золото. Договорились?

— Ты не шутишь?

— Небо свидетель, не шучу. Теперь идите. Он мне очень нужен. И чтобы никому ни слова!

Мальчишки бросились в разные стороны, и только Чост задержался на мгновение и обернулся. Соня положила монету в кошелёк и многозначительно улыбнулась подростку:

— Пожалуйста, найдите его, Чост. Он в большой опасности.

— Ага...

— Постарайся, будь другом.

— Ладно, Соня.

Он тоже убежал. Девушка посмотрела ему вслед и направилась дальше по своим делам.

Уже приближался полдень, когда она подошла к убогому старому дому возле самой южной стены города. Она нисколько не боялась этого квартала, который пользовался дурной славой, а мечтала только о том, чтобы найти домовладельца, который принял бы золото от женщины с мечом и предоставил ей жилище по сходной цене. Ее деньги очень уж быстро таяли.

На ступеньках дома сидела дряхлая старуха. Подняв ко рту бутылку с вином, отпив изрядный глоток, вытерев губы тыльной стороной ладони и даже не взглянув на Соню, она спросила:

— Ищешь ночлег?

— Да...

— Не соглашайся на комнату на втором этаже.

— Почему?

Старуха скосила на нее покрасневший глаз:

— Там жила ведьма.

— Серьезно?

— Да. Умерла только прошлой ночью. Ее убили, могу поклясться. Может быть, другие будут говорить тебе, что она умерла от своего колдовства, но я считаю, что ее прикончили демоны...

Дверь внезапно открылась:

— Чего надо?

Домовладелец оказался обрюзгшим, слепым на один глаз мужчиной, от которого воняло вином и прогорклым жиром. Соня посмотрела на него в упор:

— Есть свободные комнаты?

— Есть, — буркнул он.

— Что стоит?

— Три медяка за одну ночь, пятнадцать за седмицу.

— А не дороговато?

— Три за ночь, пятнадцать за седмицу. Не нравится — найди другое.

— Я могу посмотреть комнату?

Одноглазый смерил Соню долгим взглядом с головы до ног, затем открыл дверь пошире и повел девушку по грязному коридору первого этажа.

— Это только комната. Обслуживать тебя никто не будет. Лошадь есть?

— Да.

— За домом — стойло, медяк за ночь.

— Дела у тебя, должно быть, идут неплохо.

— За лошадь — медяк за ночь.

— А корм?

Хозяин мрачно посмотрел на нее:

— Да. И корм. Медяк за ночь.

Соня оглядела комнату, еще более убогую, чем та, которую она только что освободила.

— Я согласна.

— Плати,— буркнул хозяин, протягивая ладонь.

Соня достала из кошелька последние медяки, которых хватило на оплату двух ночей. Теперь у нее оставалось только три серебряные и две золотые монеты.

— А ключ?

— Замок сломан давным-давно. Если хочешь, чтобы поставили новый, гони деньги.

— Ладно, забудь.

Найдя наконец пристанище, Соня вышла на улицу и заглянула в близлежащую таверну. Она собиралась поесть, а затем сходить за лошадью, чтобы поставить ее в стойло. Где-нибудь по пути девушка надеялась встретить Чоста или кого-нибудь из его приятелей.

* * *

Уже была почти середина дня, когда дочь Эrimiора отложила книги и взялась за горшки и сосуды с настоями, порошками и благовониями, которые она забрала у ведьмы Осуму. События разворачивались быстрее, чем она рассчитывала, и Алино́р понимала, что защищаться ей нужно серьезно, особенно по ночам. Хавлат, а тем более Куршахас, будут мстить. Следуя указаниям одной из книг Осуму, Алино́р перебрала благовонные порошки и начала ссыпать их в медную жаровню.

В дверь постучали, и вошла Лейра с кувшином вина для госпожи.

— Поставь на тот стол. И подойди сюда.

Девушка с опаской приблизилась. Ее госпожа за последние дни стала совсем другой. Ходили слухи, что Хавлат считает ее своим врагом, а слуги к тому же шептались, что дочь их покойного господина — ведьма. Да и ее спальня теперь больше походила на ведьмовскую берлогу, чем на комнату жизнерадостной молодой знатной дамы, какой она была всего седмицу назад.

Даже не взглянув на рабыню, Алино́р сказала:

— Лейра, пригласи сюда всех слуг.

— Прямо сейчас, госпожа?

— Да. Прямо сейчас.

Девушка с ужасом смотрела на порошки. Алинор подняла голову и нахмурилась:

— Чего ты ждешь?

— Ничего, госпожа!

— Ступай! Я жду!

Лейра бросилась разыскивать слуг по всему дому. Одному за другим срывающимся голосом она передавала приказ Алинор.

— Чего она хочет, Лейра? И почему ты так трясешься? Эту птицу пока еще нельзя снимать с огня...

— Прямо сейчас, Зендер! Брось все. Она велела прямо сейчас!

— Но, Лейра,— вздыхал конюх,— разве госпожа не понимает, что мне каждый день надо...

— Силум, делай что тебе говорят. Пожалуй-ста!

Последнего из слуг, Тирса, она нашла во второй кухне — он делал пометки о том, что здесь нужно вычистить и отполировать. Тирс служил в доме Эrimiора очень давно и, можно сказать, был другом покойного хозяина, а Алинор знал с первых дней ее жизни.

— Что же могло так встревожить нашу госпожу? — бормотал он еле слышно, спеша по коридорам.— Могу поклясться, что за последние дни она изрядно изменилась. С тех самых пор, как забрали господина...

Лейра шла за ним, едва не наступая на пятки, но, как только Тирс переступил порог, Алинор

захлопнула перед рабыней дверь. Та, увидев демонически холодные глаза госпожи, отшатнулась, однако странный аромат, витавший в комнате, успел коснуться ее ноздрей.

Едва дверь закрылась, Лейра услышала стук во внешнюю дверь и поспешила вниз. Там стоял посыльный — молодой, красивый, с пышными усами.

— Ты, должно быть, Лейра? — спросил он.

— А-да... Откуда ты знаешь?

— Отправитель сообщил мне, что ты единственная служанка в этом доме. Вот, пожалуйста.— Он вручил ей запечатанную записку, но уходить не спешил.

Лейра развернула послание, но тут же спохватилась:

— Ах да, прошу прощения...

На столике возле двери Алинор держала медяки. Лейра вручила посыльному несколько монет.

— Спасибо. Доброго тебе дня.

— Всего наилучшего...

Эrimiор требовал и от слуг, и от рабов, чтобы они учились читать, поскольку полагал: каждый человек должен стремиться к тому, чтобы знать и понимать как можно больше. Теперь Лейра неоднократно поблагодарила всех богов за доброту и терпение господина, который показал ей все буквы и научил складывать из них слова. Послание было от коринфийского стражника, Сэндаса.

«Лейра, я знаю, что могу тебе доверять. Может быть, ты уже слышала об ужасном преступлении,

которое заставила меня совершить твоя госпожа. Меня переполняют горечь и страх. Я скрываюсь, причем не только от Хавлата, но и от Алинор. Ты должна мне помочь! Ради святого имени Митры, помоги! Пожалуйста, выйди сегодня ночью за городскую стену. В сотне шагов от северо-западной башни есть вязовая роща. Я буду тебя там ждать. Понимаю, что прошу слишком много, но заклинаю тебя именем Эrimiора — господина, которого ты любила, и человека, которого я высоко ценил, — приди и выслушай меня. Писано в полночь. Сэндас.»

Лейра в испуге прижала записку к груди, затем прочитала ее еще и еще раз.

Да, она должна выполнить просьбу Сэндаса. Но как? А если вдруг об этом узнает Алинор? А если...

Она снова пробежала записку глазами. Ради Митры и Иштар! Какая опасность угрожает Сэндасу? И что задумала ее госпожа?

В глубине дома открылась дверь комнаты хозяйки. В холодном поту, трясась от страха, Лейра сложила записку и сунула за пазуху. Затем она поспешила по коридору и вверх по лестнице и в ужасе застыла на месте, увидев Тирса и других слуг, которые двигались ей навстречу. Они шли медленно, неуверенно, и пустыми глазами смотрели прямо перед собой — смотрели на нее, вернее, сквозь нее невидящим взором...

Тирс приблизился, и девушка обратилась к нему:

— Тирс? Что?..

— Лейра, — слышался голос ее госпожи.

Девушка испуганно обернулась. Алинор стояла у двери в свою комнату.

Лейра прижалась к стене, пропуская Тирса вместе с остальными, которые, не обратив на нее внимания, прошли по коридору и стали спускаться по лестнице, чуть ли не на ощупь.

— Подойди сюда, Лейра.

— А-да, госпожа...

— Подойди ближе, Лейра. — Алинор улыбнулась.

Рабыня неуверенно двинулась вперед, пока не оказалась на расстоянии вытянутой руки от госпожи.

— Ты боишься, Лейра?

— Г-госпожа, я...

— Кого? Меня? Или их? Слуг можешь не бояться. Они и шагу теперь не ступят без моего приказа. Теперь они будут защищать и меня, и тебя. Я тоже не причиню тебе зла.

Девушка вздохнула и опустила голову.

— Я обрела власть над Силами, Лейра. Тебя это пугает? Бедный ребенок. Ни с кем ничего дурного не произошло. Просто их души теперь принадлежат мне, а тела подвластны лишь моей воле. Отныне все мои слуги не нуждаются в еде, не испытывают жажды, не чувствуют боли, не устают, и им не надо спать.

— А ты... не...

Алинор снова улыбнулась:

— Тебя я оставляю прежней. Ты не будешь дышать благовонием. Пока ты послушна мне во

всем, не изменишься. Я ведь знаю, ты будешь служить мне, как это было всегда. Не правда ли, Лейра?

— А-да, госпожа...

— Я так и думала. Храни верность мне, дитя мое, и тебе нечего будет опасаться. Ты понимаешь это?

— А-да... Конечно, госпожа... — Лейра тупо кивала.

— Ты знаешь, что мой отец был хороший человек, Лейра. Он всегда по-доброму относился к тебе. Ты должна быть довольна, что я теперь мщу тем, кто мучил и кто убил его.— В голосе Алинора, до этого мягком и ласковом, зазвенел металл.— Кто стучал в дверь?

— П-посыльный...

— Ко мне?

— А-да. Нет! Нет...

— Он принес какое-то сообщение, Лейра?

— Он попал не в тот дом. Ему надо было пройти дальше по улице.

— А! Тогда ладно.— Алинора повернулась, чтобы уйти в свою комнату.— Зендер не сможет сегодня приготовить ужин. Он охраняет дверь кухни. Не заменишь ли его у плиты?

— Да, госпожа.

— И если Зендер попросит есть, ничего ему не давай. И он, и другие не сразу привыкнут. Им может казаться, что они все еще испытывают голод, но их тела больше не могут принимать пищу. Поняла? Теперь беги. Мы-то с тобой будем ужинать.

* * *

Каждый шаг давался ей с трудом, сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот выскочит из груди, нервы были напряжены до предела, как будто она зависла на краю пропасти без малейшей надежды на спасение. Всюду ей мерещилась опасность: то воины городской стражи, то пьяницы, то насильники.

Иногда ей вдруг думалось, что Алинора уже знает про нее все, хотя, когда она уходила, госпожа общалась с темными богами в наркотическом сне, наведенном черным лотосом...

А еще она все время ожидала, что тени напрыгнут на нее из-за каменных стен, повалят на землю, прокусят горло и высосут и кровь, и душу. Илорку...

И даже когда она вышла из городских ворот и спешила к роще по северной дороге, Лейра боялась, что Сэндаса там не окажется. А когда мужской голос хриплым шепотом обратился к ней: «Лейра! Слава Митре!» — девушка тоненько вскрикнула, решив на мгновение, что это тьма заговорила с ней и сейчас проклянет ее.

Сэндас вышел из-за дерева. В свете луны и звезд его доспехи отливали серебром, а поблескивавший на лице пот придавал сходство с привидением.

— Слава Митре! — повторил он.— О боги, детка, иди сюда, быстрее! Ты что, боишься?

Она пошла к нему и, хотя едва знала Сэндаса (встречала его несколько раз в ту пору, когда он был любовником Алинора), приняла его объятия,

потому что они передали ей тепло его тела, тепло, в котором она сейчас так нуждалась.

— Тихо, тихо, дитя мое. Тебе ничего не угрожает. Все в порядке. Мы теперь оба в безопасности. Мы остановим Алинора. Всему этому ужасу скоро придет конец. Если ты мне поможешь, мы сделаем это...

Она взглянула на него снизу вверх и быстро-быстро, захлебываясь словами, начала что-то говорить, но тут же осеклась.

— Что? Что такое? — шепнул Сэндас. — Расскажи, что тебя тревожит.

Она отвернулась и выскользнула из его рук, уже почти спокойная.

— Алинора, — начала она и снова взглянула на Сэндаса, как бы ища у него поддержки. — Сегодня она заговорила... Околдовала... Что-то сделала со всеми слугами дома...

— Зачем?

— Прошлой ночью — ты не слышал? — Хавлат или кто-то другой послал к госпоже убийцу. Мне кажется, что она его уничтожила... Хотя она сказала, что просто затуманила ему мозги и послала обратно к Хавлату.

— Ничего об этом не слышал. Весь день я прятался.

— Но это правда, Сэндас.

Он вытер потное лицо и задумался.

— Она не должна жить, — пробормотал он еле слышно.

— Но ведь это госпожа Алинора! — воскликнула Лейра. — Не больше седмицы назад, всего

несколько дней, она была доброй хозяйкой, а не какой-то там ведьмой, не этой... Этой...

— Она сошла с ума! Думаю, она продала душу темным силам, чтобы отомстить за отца. А если она захочет принести в жертву тебя, чтобы довершить то, что пытался сделать ее отец? Об этом ты подумала? А ты жалеешь ее!

Лейра тяжело вздохнула:

— Скажи, чего ты хочешь от меня. Но я не могу обещать, что выполню твою просьбу. Больше всего мне хотелось бы скрыться, убежать... Хотя, боюсь, она найдет меня где угодно.

— Когда мы сделаем то, что надо, Лейра, нам не придется никуда бежать.

— Что я должна делать?

Он повел ее к плоскому камню за деревьями и усадил рядом с собой.

— Я не хочу причинить тебе зла. Но, пойми, живя в доме Алинора, ты постоянно находишься в опасности. Попробуй защитить себя. Да и меня тоже. Для начала тебе нужно сделать главное — завоевать доверие Алинора. Моли ее о защите. Скажи, что боишься, что не хочешь умирать, что ты сделаешь все, чтобы ей помочь. Это первый шаг. Если она позволит, будь с ней, когда она занимается колдовством. Скажи, что боишься оставаться одна, боишься слуг — что угодно. Если она поверит, что ты напугана до полусмерти или во всем зависишь от нее, то из тщеславия, может быть, и не станет тебя гнать. Потом зайди в ее комнату и постарайся отыскать наиболее важные для нее предметы — любые магические орудия,

но, главное, самые ей нужные. Спрячь их. Когда Алинор обнаружит их пропажу, скажи, что приходили слуги Хавлата или Куршахаса и что они обыскали дом. Понимаешь?

— Да, да... — Лейра с трудом понимала, о чем он говорит.

— Возьми магические принадлежности и принеси их мне. Улица Виноторговцев, на юго-восточной стороне города, таверна «Знак Единорога». Хозяином там ловкий аквилонец. Он знает меня под именем Омбус. Ясно? Омбус.

— Омбус...

— Принеси мне эти вещи. Один-два дня хватит? Хорошо бы успеть за это время.

— Да-да...

— Я не могу тебе сейчас все объяснить. Но от этого зависит и твоя жизнь, и моя.

— Да, да...

— Ее необходимо уничтожить.

Лейра ничего не ответила.

— Ты боишься ее?

— Я... Не знаю...

Сэндас встал, тяжело вздохнув, и потянулся.

— Пошли. Я провожу тебя, Лейра.

Она смотрела на него остановившимся взглядом и молчала.

— Через день-два, Лейра, самое большое через три, все кончится.

Она кивнула. Но страх перед колдовством был сильнее надежды на спасение.

Глава шестая

Дн проследил, как Лейра пробралась сквозь низкий кустарник небольшого садика и приблизилась к боковой двери дома. Задержавшись под масляной лампой, девушка открыла в замок, затем обернулась и помахала молодому человеку рукой, давая знак, что все в порядке и он может уходить.

Сэндас подождал, пока она вошла внутрь и тихо закрыла за собой дверь, и быстро зашагал по улице. Теперь он мог вздохнуть свободно: ее отсутствия, похоже, никто не заметил. Сам он не боялся ходить ночью по городу, всецело полагаясь на свой воинский опыт и сноровку, а сейчас и вовсе любые страхи казались ему пустяком: он был доволен, почти счастлив, ибо больше не чувствовал себя беспомощной жертвой или загнанным зверем. Он перестал просто прятаться, спасая свою шкуру, и начал защищаться.

На пути ему не встретились ни стражники, ни пьяницы, ни грабители, и илорку нигде не пря-

тался в тени. Но все же одна пара глаз не упускала его из виду.

Когда он повернул за угол и быстро пошел по переулку, пара маленьких легких ног поспешила за ним, тихо ступая по плитам мостовой. Сэндас не слышал этих шагов, да и в любом случае не обратил бы особого внимания на светловолосого уличного мальчишку, болтавшегося поздней ночью по улицам Аренджуна.

* * *

Тирс стоял на страже. Спокойный и молчаливый, совершенно неподвижный, бледный, как покойник, в тусклом свете луны, струившемся в боковые окна. Увидев его, Лейра остановилась.

— Тирс?

Он смотрел сквозь нее.

Лейра осторожно приблизилась:

— Ты не узнаешь меня, Тирс?

Она встала прямо перед ним. Старый слуга по-прежнему смотрел на нее пустыми глазами, лишенными малейшего признака разума.

— Тирс, ты больше не признаешь меня? — прошептала Лейра, и прозрачная слезинка поползла по ее щеке.

Девушка повернулась, чтобы пройти мимо. Безмолвный страж шевельнулся, и пальцы его сомкнулись на ее запястье. Она вздрогнула:

— Тирс! Это же я, Лейра. Ах, Тирс...

Несколько мгновений он смотрел на нее бездумным взором, затем отпустил руку и снова повернулся к двери.

Тихо всхлипывая от страха, Лейра поспешила к своей комнате, находившейся дальше по коридору. Войдя, она прислушалась, нет ли какого шума наверху — комната госпожи Алинор располагалась прямо над ней. В воздухе витал легкий аромат пьянящего черного лотоса, Решив, что госпожа, судя по всему, крепко спит, Лейра тихо разделась и юркнула под одеяло.

Но ей не спалось. Она то и дело прислушивалась ко всяким воображаемым ночным звукам, снова и снова вспоминая предупреждения Сэндаса, и когда наконец поняла, что заснуть не может, встала, зажгла свечу, вернулась к кровати, села, подтянув колени к груди и обняв их руками, и глубоко задумалась.

То ли теплый и живой огонек свечи, то ли собственные усилия отогнать все страхи и поверить, что все будет хорошо, — что-то успокоило ее настолько, что девушка незаметно задремала. Разбудил ее резкий звук, донесшийся сверху.

Лейра не знала, сколько прошло времени. Свеча сгорела ненадолго. Прислушавшись, девушка ясно различила шаги наверху. Затем открылась дверь комнаты, кто-то спустился по лестнице, и наконец донесся слабый отзвук хлопка входной двери.

И все. Тишина.

Сон как рукой сняло. Лейра достала из-под подушки записку Сэндаса и перечитала ее, затем еще раз и вспомнила разговор в роще. Как глупо! Разве можно даже надеяться убить Алинор или заманить ее в ловушку? Она же колдунья...

«...А потом зайди в ее комнату и постарайся отыскать наиболее важные для нее предметы — любые магические орудия...»

Может быть, сейчас?..

Сейчас, пока Алинор нет дома, ведь другого случая может и не представиться. А потом бежать... Спасаться... Забыть обо всем этом как о ночном кошмаре...

Лейра, накинув легкий халат, выбежала из комнаты, взлетела вверх по лестнице и оказалась у двери Алинор еще до того, как успела осознать, что делает. Остановившись на пороге погруженной во тьму опочивальни госпожи, она заставила себя успокоиться. Когда Сэндас объяснял девушке, чего ждет от нее, она, соглашаясь, едва ли понимала толком, на что решилась, ибо страх и сомнения были гораздо сильнее рассудка. Но сейчас, сделав первый шаг, она уже не могла и не хотела останавливаться, а страх, душивший ее последнее время, вдруг отступил. Навсегда ли, всего ли на миг — это уже не важно, главное — она была полна решимости действовать.

Лейра знала эту комнату как свои пять пальцев, поскольку уже более четырех лет ежедневно прислуживала здесь Алинор. На столике возле кровати стояла зажженная лампа. Лейра сняла еще одну со стойки у двери, взяла деревянную палочку, с ее помощью зажгла вторую лампу и стала медленно обходить комнату, разглядывая многочисленные старые книги на полках, кубки, амулеты, глиняные сосуды и множество других вещей. Она ничего не понимала в них. «Любые

магические предметы...» Но что она могла взять, чтобы госпожа лишилась силы...

Внезапно Лейра услышала шум.

О Митра! Неужели Алинор вернулась так быстро?

Схватив с полки несколько испещренных символами украшений, Лейра повернулась, чтобы поставить лампу на столик, и при этом посмотрела на окно.

В лунном свете там виднелось что-то черное, меняющее очертания, подобное живой тени. Но оно не молчало, как тень, а скрипело и пощелкивало. И оно лезло в окно!..

Лейра завизжала.

Двойные рамы с треском распахнулись. Тень, струясь и переливаясь, начала принимать осязаемые формы...

Девушка кричала и кричала, уронив масляную лампу, огненные капли от которой разлетелись по деревянному полу.

Снизу донесся топот множества ног: Тирс и другие слуги спешили к ней...

Угрожающая черная тень становилась все реальнее...

В комнату Алинор ворвались Тирс и Силум, а за ними — остальные.

У окна стоял высокий мужчина в темном плаще, сверкая желтыми глазами и зловеще скаля краснотупый рот. Он спокойно оглядел комнату, не обращая внимания на огонь, затем поднял руку. Слуги замерли. Лейра в ужасе отшатнулась.

— Остановитесь! — приказал он и посмотрел на Лейру. — Где Алинор?

— Она... Ее нет. О боги...

— Нет? Где она?

Лейра молчала, разинув рот. Масло, догоравшее на полу, обожгло ее ступни, девушка отпрыгнула и, наткнувшись на шкаф, больно ударилась.

— Где она?

— Кто ты? — взвизгнула Лейра и зажмурилась на миг, словно надеясь, что видение исчезнет. — Что ты такое?

Ночной гость гордо поднял голову.

— Я Куршахас-с-с, — прошипел он. — И пришел уничтожить Алинор. Где она?

Тирс напал первым, остальные устремились вслед за ним. Они передвигались тяжело и неуклюже, и Куршахас, глядя на них, расхохотался:

— Безумные! Бездушные! Околдованные! Так отправляйтесь во Мрак, дурачье!

Одной рукой он схватил Тирса за шею и поднял его над полом. Силум, подходивший с другой стороны, сжал кулаки, но колдун поймал его другой рукой. Острые когти распоролы плоть, и Силум, не издав ни единого звука, отлетел назад. Из его разодранного горла хлестала кровь.

Куршахас, шипя, притянул Тирса к себе и молниеносно, как нападающая змея, вонзил клыки в горло старого слуги. Все так же держа его на весу, выгнув ему шею так, что она, казалось, вот-вот сломается колдун начал жадно лакать горячую кровь...

Лейра дико вскрикнула и бросилась к двери, но, едва выскочив в коридор, запнулась обо что-то и, упав, потеряла сознание.

* * *

Чост долго ждал после того, как Сэндас исчез в «Знаке Единорога». Он понимал, что нужно спешить к Соне, но ему хотелось есть, и он надеялся, что, если немного подождет, сумеет пробраться в таверну и стащить немного хлеба или сыра.

Но свет наверху все горел и горел, и Чост, опасаясь, как бы его не увидел домовладелец или кто-нибудь из постояльцев, все-таки решил отправиться к Соне. Он знал, где она живет, потому что до этого встретился со Стифой, и тот сказал ему, где остановилась рыжеволосая воительница В конце концов, на золотую монету можно купить столько еды, сколько ему и видеть-то не доводилось.

* * *

Добраться до обветшавшего старого здания для Алинор не составило труда. Она шла быстро и бесшумно, как привидение, так что никто ее не заметил, и вскоре она уже поднималась по лестнице к комнате, где еще совсем недавно обитала Осуму. Алинор искала талисман — амулет силы, о котором прочла в дневниках отца и в нескольких книгах, принадлежавших старой ведьме. С его помощью она надеялась победить и Хавлата, и Куршахаса.

Алино́р не нужен был свет. Колдовство, которому она на удивление быстро и успешно обучалась, обострило все ее чувства до предела, и она могла различать предметы даже в кромешной тьме, а уж такой мощный талисман, который искала Алино́р, она, несомненно, не могла пропустить. Молодая ведьма быстро обошла комнату, проводя руками по стенам и мебели. Пусто. Домовладелец, наверное, сразу продал пожитки умершей старухи городским торговцам, немало заработав на этом. Но талисман, как надеялась Алино́р, он не мог продать.

Такую серьезную колдовскую вещьцу. Осуму должна была спрятать получше и уж во всяком случае не оставила бы ее на виду и не положила бы в какой-нибудь сундук. В своих дневниках отец писал, что видел талисман только однажды и слышал, что ведьма старательно прячет его от чужих глаз. Но вот где именно...

Еще раз пройдясь по комнате, Алино́р вдруг почувствовала, как ноги ее коснулась едва ощутимая волна тепла, сменившаяся легким холодом, затем опять теплом и вновь холодом...

Наклонившись, девушка провела руками по доскам пола...

Здесь!

С несвойственной молодой знатной даме силой Алино́р вонзила ногти в швы между досками и тут же нащупала крышку, которая, громко заскрипев, неожиданно легко открылась.

Внизу, под балками и досками, составлявшими пол комнаты Осуму, был потолок комнаты

Рыжей Сони. Девушка проснулась от ударов, скрипа и звука шагов над головой и подумала, что по ее душу явились не то сами Куршахас или Хавлат, не то их слуги.

Стараясь не шуметь, она быстро оделась, взяла меч и поспешила на второй этаж. Затаив дыхание, Соня прислушалась, а затем решительно шагнула к комнате, из которой доносились разбужившие ее звуки.

Дверь распахнулась, и в проеме возникла фигура в темных одеяниях. Соня прыгнула вперед, выставив перед собой меч.

— Ни с места, собака! — крикнула она и тут же осеклась, с изумлением увидев, что перед ней стоял не воин, а женщина, в которой наемница узнала дочь Эrimiора. — Алино́р?..

— Уходи! — прошипела та. — Дай мне пройти!

Но Соня и не думала подчиняться:

— Какие демоны принесли тебя сюда?

Алино́р, не говоря ни слова, повернулась и, пробежав через комнату, встала возле закрытого окна.

— Ты Алино́р, дочь Эrimiора, я узнала тебя, — нахмурилась Соня. — Во имя Неба, что ты здесь делаешь? — Взглянув на женщину, она заметила в ее руке светившийся предмет, который поначалу приняла за масляную лампу. — Это что?..

— Ничего я тебе не скажу! Отойди от двери!

— Ах ты, ведьма! Отвечай, а не то я позову...

— Зови своих предков! — завизжала Алино́р, поднимая руку. Таинственный предмет засиял

ярче, мгновенно ослепив Соню, и она тут же начала слабеть, колени задрожали...

— Чтоб ты сдохла!

Упав на бок, так, что магический луч больше не касался ее, Соня почувствовала, что силы возвращаются. Выхватив кинжал, она запустила им в окно. Зарывав, Алинор отпрыгнула, и клинок глубоко вошел в деревянные ставни. В то же мгновение в комнате стало темно.

Снизу раздались голоса разбуженных постельцев. Соня вскочила и, выставив меч, бросилась вперед, но Алинор распахнула окно и прыгнула на каменный подоконник. Воительница успела лишь крикнуть, когда молодая ведьма бросилась вниз, а меч со свистом рассек воздух.

— Проклятье! Она шустрее летучей мыши!

Сделав еще шаг, Соня наступила на камешек, тускло мерцавший в темноте, наклонилась и подобрала его.

— Это она уронила,— пробормотала Соня.

Быстро схватив талисман, она сунула его в поясной кошелек и, не выпуская из руки меч, выглянула наружу, чтобы посмотреть, куда побежала Алинор, но на улице никого не было.

Из открытой двери неслись возбужденные голоса. Девушка обернулась.

— Что тут происходит?

— Во имя Митры! Можно подумать, здесь целая армия!

— Джос, спроси ее...

Джос, толстый одноглазый домовладелец, забежал в комнату.

— Что здесь происходит? — требовательно спросил он.

— Не знаю,— честно ответила Соня.— Наверное, это был взломщик. Я услышала шум... Это была женщина...

— Женщина?

— Да. Она выпрыгнула из окна. Удрала.

— Женщина-взломщик?

— Да,— кивнула Соня и, вспомнив о мече, вложила его в ножны.— Кто-то был здесь, Джос. Если не женщина, тогда демон в женском обличье и с женским голосом. Во всяком случае, она смылась и вряд ли прихватила что-нибудь с собой. Здесь же нечего брать.

Джос огорченно вздохнул:

— Ладно, ладно. Не знаю, что тут произошло на самом деле, но всем лучше вернуться в свои комнаты. И тебе тоже, женщина.

Провожаемая подозрительным взглядом хозяина, Соня вышла из комнаты и спустилась к себе...

Сев на кровать, она достала талисман и стала его рассматривать. Это был странный предмет из серебристого металла, но более тяжелого, чем серебро, со вставленными в него темными камнями и кусочками кости. По форме он напоминал чудовищную рептилию, свернувшуюся в виде символа вечности. Талисман будил какие-то смутные воспоминания, но какие именно, Соня не могла понять.

Она откинулась на подушки и задумалась. Теперь у нее на руках был отличный козырь или

лазейка, через которую можно проникнуть в запутанную, изощренную игру дочери вельможи, врага вельможи и гвардейца другого вельможи. И колдуна. И Одно Небо знает, кто еще вовлечен в эти магические забавы.

Соня рассматривала талисман. Просто металл, камни, кость — ничего особенного, но это древняя, очень древняя поделка, и силой она, похоже, обладает немалой. Вон как светилась в руках Алинор... Или, может, колдунья давала ему силу?

Как бы там ни было, она непременно за ним вернется. Вот только когда?

* * *

Лейра очнулась на диване в комнате госпожи. У нее кружилась голова, руки и ноги с трудом повиновались ей, но все же она была жива.

Придя в себя, девушка сразу ощупала горло и взглянула на руки — ни малейшего следа крови.

— Теперь, во имя Мрака, скажи, что здесь произошло? — услышала она резкий голос хозяйки.

Лейра повернула голову, чтобы посмотреть на госпожу, стоявшую посреди разгромленной комнаты. Упавшие полки с книгами, шесть изуродованных трупов, разбитые лампы и украшения, открытое окно...

Окно!

Там больше не было никакой тени. Только серый свет занимавшейся зари. Лейра вздрогнула, всхлипнула и, отвернувшись от Алинор, свернулась колючком.

— Оно меня не тронуло! — рыдала она в подушку. — О Митра! О Иштар! О боги, боги, боги! Оно меня не тронуло!

Алинор подошла к ней:

— Выпей это.

Лейра испуганно взглянула на нее.

— Это вино. Выпей. А потом расскажи обо всем.

Лейра пригубила напиток, но вино показалось ей горьким, и она отказалась от остального. Алинор поставила чашку на стол.

— Рассказывай, Лейра. — Голос колдуньи звучал теперь намного мягче. — Что здесь произошло? Как погибли слуги? И почему, когда я нашла тебя, у тебя в руках были мои амулеты?

— И-илорку, госпожа!

— Что?

— Илорку! Я... Услышала шум, госпожа. Вошла сюда — и оно влезло в окно. Боги! Это было ужасно! Слуги не смогли остановить его. Я ударила о полки... Схватила первое, что под руку попало...

— Может быть, именно это тебя и спасло, — задумчиво проговорила Алинор. — Это обереги. Не от всего, конечно, но... Если сюда приходил действительно илорку...

— О боги, госпожа! Это был Куршахас!

— Куршахас?!

— О Митра... Митра!.. — Лейра судорожно вцепилась в подол госпожи. — Это был Куршахас! Куршахас! Я услышала треск... Вошла... Тирс и другие дрались с ним... А он... Он!..

Расжав пальцы, она упала на кровать и снова разрыдалась.

— О боги, боги! Это было ужасно! Это был кошмар! Такого просто не могло быть... Илорку!..

— Ш-ш-ш, Лейра... — Алинор погладила девушку по светлым волосам и обвела комнату холодным взглядом, в котором не было ни малейшего удивления.

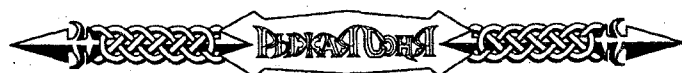
* * *

— А ты уверен, что это был Сэндас? — спросила Соня Чоста.

Мальчишка уже давно сидел в ее комнате и успел довольно подробно рассказать обо всем, что видел и слышал.

Держа в одной руке кусок сыра, а в другой — ломоть хлеба и попеременно откусывая то от одного, то от другого, Чост поведал Соне, как болтался возле таверны на улице Виноторговцев, как заметил Сэндаса, который явно очень спешил и старался быть незаметным. Чост отправился за ним, чтобы удостовериться, что это на самом деле Сэндас, и дошел до северо-западных ворот, но дальше идти не рискнул. Потом девушка прошла через ворота и вскоре вернулась с коринфянином обратно в город. Чост поспешил за ними. Девушка вошла в дом Эrimiора, а Сэндас возвратился в «Знак Единорога».

Насытившись, Чост развалился на полу и закинул руки за голову. Соня сидела на кровати и рассматривала талисман, висевший на цепочке. Неожиданно она обратилась к Чосту:

— Так ты уверен, что это был Сэндас?

— Да, Соня.— Он сел.— Это что за штука?

— Какой-то талисман.

— Дай посмотреть.

Она бросила ему вещицу:

— Видел ее когда-нибудь?

Чост отрицательно покачал головой:

— Нет... Но он вызывает странное чувство.

— Это колдовской предмет.

Чост, состроив невысшимую гримасу, бросил талисман обратно:

— Колдовской?! Я больше до него не дотронусь!

— Он не причинит тебе вреда.

— Во имя Иштар! — воскликнул он.— Колдовство... Где ты взяла эту штуку?

— Ночью взломщик проник в комнату надомной. Пока ты гонялся за Сэндасом.

— Взломщик?

— Да. Алинор, дочь Эrimiора. Я погналась за ней, и она обронила этот предмет.

— Иштар!

Соня покрутила цепочку на пальце:

— Мне кажется, эта побрякушка вполне может оказаться талисманом Судикара. У людей, живущих на побережье моря Виалайет, есть легенда, что древний король Судикар пользовался талисманом, при виде которого его враги каменели от страха.— Она посмотрела на Чоста, который лежал с закрытыми глазами.— В этом городе за последние несколько дней произошла уйма событий. Устал?

Чост кивнул:

— Всю ночь носился по улицам, а теперь набил пузо... Спать хочется.

Соня поднялась:

— Ладно.— Она похлопала мальчика по плечу.— Отдыхай.

Чост тут же вскочил:

— А ты?

Она сунула талисман в поясной кошель:

— Я пойду поищу Сэндаса.

— Хочешь, я пойду с тобой?..

— Я хочу, чтобы ты поспал, Чост. Одному Митре известно, что произойдет в ближайшее время. Вполне возможно, мне понадобится твоя помощь.

— Ну тогда ладно...

— Если проснешься до того, как я вернусь... — Она достала из кошелька золотую монету.

Но Чост жестом остановил девушку:

— Нет, Соня.

— Мы же договорились: кто найдет Сэндаса, получит золотой.

— Если мне потом потребуются деньги, я у тебя попрошу. Ты меня накормила, напоила... И приветила... — Он робко улыбнулся.— А это дороже золотого.

Соня хмыкнула:

— Тогда ладно. Когда тебе будет нужно... — Она убрала монету, еще раз напомнила Чосту, что ему надо отдохнуть, и вышла.

Глава седьмая

ставшись в одиночестве, Хавлат сел за стол, снова и снова вспоминая резкий разговор с Куршахасом.

— И ты не мог ее найти? Волшебник! На что годится вся твоя магия? Ее надо уничтожить, пока она не...

— Дурак! Заткнись, Хавлат, иначе я за себя не ручаюсь! У нас есть еще две ночи. Занимайся своими делами, а в мои не лезь. Ты теряешь хватку, Хавлат. Не оскорбляй меня, не то я выпью твою кровь и обреку на вечные муки твою душу.

Теперь, успокоившись, Хавлат не мог не согласиться, что Куршахас прав. Его власть и сила уже не так велики, как прежде. Мог бы и раньше заметить и тем более должен был хорошенько подумать, когда много лун назад Куршахас пришел к нему и предложил особые услуги, намекая на то, что может сделать его королем, если Хавлат поможет ему кое в чем и позволит удовлетворять его не совсем обычные нужды.

Хавлат тяжело вздохнул: да, он совершил немало серьезных преступлений, но ведь никак не мог предвидеть, что именно это преступление станет для него роковым. Он же не ясновидящий! Да и они не всегда оказываются правы.

Он сердито тряхнул головой и отпил вина. Во всем виноват Куршахас! Колдун. Илорку. Наверняка он, Хавлат, не первая его жертва.

Этот демон в человеческом обличье уже много веков, может, даже с самого начала времен, ходит по земле, отыскивает подходящих ему людей, льстит, соблазняет и развращает посулами славы, богатства, величия. А что он просит взамен? Вроде бы ничего особенного. Но на самом деле вытягивает из своих жертв жизненную силу, полностью подчиняет себе и врывается даже в сновидения, отравляя их бесконечными кошмарами.

Куршахас — вот источник всех бед, главный и самый опасный враг. А значит, бороться надо прежде всего с ним.

«Охотник, который расставляет много ловушек,— услужливо подсказала ему память старое изречение,— может забыть про какую-нибудь из них и попасть в нее.»

«Но охотник, попавший в ловушку,— тут же возразил Хавлат,— знает, как она устроена, а зверь — нет.»

* * *

Ночь, полная колдовства, убийств и кошмаров, закончилась. В Арэнджуне наступил рассвет.

Запели птицы, деревянные колеса тележек торговцев застучали по каменным мостовым. Отпирались двери, распахивались ставни, гасли лампы. Бродяги ныряли в проулки, девицы, до утра продававшие свое тело, отправлялись спать, открывались лавки, ночные патрули сменялись дневными.

День начинался радостно, и даже сгустившимся над городом грозовые тучи несли благодать. Стоявшая несколько дней жара измучила всех, улицы пропылились, листва на деревьях пожухла. А потому весело застучавшие по растрескавшимся камням крупные капли дождя горожане встречали ликованием.

Соня шла на юг по улице Виноторговцев. Она бывала здесь и прежде, но никогда не заглядывала в «Единорог», который располагался на отшибе, у южной стены Арэнджуна. С восточной стороны таверны стояло разрушенное здание, а позади — заброшенное поле. Дверь была открыта настежь. Тощая старуха протирала стойку. Соня вошла, стуча каблуками по грубым доскам пола, и села за столик. Старуха подозрительно на нее покосилась, но все же оставила свое занятие и подошла.

— Что будешь заказывать?

Соня попросила принести яичницу и легкий эль. Старуха кивнула и отправилась на кухню.

Глаза Сони быстро привыкли к полутьме таверны, и, осматриваясь по сторонам, она заметила невысокого мужчину с перекошенным лицом, прилично одетого, сидевшего у противополож-

ной стены. Он пристально глядел на девушку, и она невольно начала тоже смотреть на него.

Как бы между прочим незнакомец потер левый глаз, и Соня узнала этот жест. Мужчина был соглядатаем, Такие люди обычно слонялись по улицам, торгам, тавернам, постоянно держа глаза и уши открытыми, а потом продавали сведения за любую сумму в золоте или серебре, которую только могли выторговать.

Подав знак, мужчина вопросительно взглянул на Соню. Она потерла шею правой рукой и откинулась на спинку стула. Многозначительно улыбнувшись, соглядатай встал, подошел к столу Сони и уселся напротив нее.

— Доброе утро,— улыбнулся он.

— Доброе утро.

— Не могу ли я чем-нибудь помочь?

— Может быть,— пожала плечами Соня.— Все зависит от цены.

Незнакомец снова улыбнулся:

— Это не самое главное.— Он лениво скользнул взглядом по великолепной фигуре девушки.— О цене мы поговорим позже. Надеюсь, сторгуемся.

— Я ищу стражника.

— Какой службы? Городской, королевской? Или чьего-то личного охранника?

— Охранника.

Глаза у соглядатая загорелись.

— Прекрасно. Кто такой? Что натворил? У кого служил? И как давно?

— Один из гвардейцев Хавлата.

Соглядатай почесал затылок:

— Это будет стоить недешево.

— Где он?

— У самого могущественного вельможи Аренджуна есть множество...

— Не играй со мной словами, собака.

Соня говорила совершенно спокойно, но ее собеседник мгновенно почувствовал угрозу.

— У него есть имя?

— Сэндас.

— Может быть, я его и знаю. Но скорее всего он сменил имя.

— Конечно, сменил. Я хочу знать, в какой комнате он живет.

— Похоже, ты и так уже знаешь немало.— Соглядатай с опаской посмотрел на Соню, затем склонился через стол.— Покажи-ка, как выглядит твое золото.

Соня слегка подалась назад, словно собиралась достать кошелек, и тут же резко вскочила, отбросив стул к стене, и опрокинула стол на соглядатая. Он взвизгнул, когда тяжелая столешница придавила его к полу. Девушка, обойдя стол, поставила острие меча к горлу мужчины.

Тот, едва дыша, в ужасе смотрел на нее.

— Что за... Что ты делаешь?

— В какой он комнате? — зловеще улыбаясь, спросила Соня.

— На его двери —улитка...

— Вот тебе мое золото,— прошипела девушка, рисуя на его коже тонкую кровавую полосу.— Теперь вставай.

Она шагнула назад, дождалась, когда он встанет, и снова приставила острие к его горлу.

— Хочу тебя кое о чем предупредить,— прошипела Соня.— Моя плата состоит вовсе не в том, что я сохранию тебе жизнь. Ты должен молчать. Если я еще когда-нибудь увижу твою мору, ты обратишься в камень. Видишь это?

Достав из кошелья талисман, она поднесла его к белому, застывшему лицу соглядатая:

— Узнаешь?

— О Митра! Да ты ведьма!

— Я выверну твою душу наизнанку,— пообещала ему Соня,— если ты еще хоть раз попадешься мне на глаза. Ты меня не видел. Ты никогда даже не слышал об охраннике этого вельможи. Понятно?

Соглядатаю все было ясно. Сэндас совершил нечто ужасное, и Хавлат, самый могущественный вельможа города, нанял эту странную женщину, воительницу и ведьму, чтобы она его выследила.

— Понятно? — повторила Соня.

— О боги, да! — задохнулся он.— Я ничего не скажу, клянусь!

Она отвела лезвие и спрятала талисман:

— Тогда уматывай. Скажешь хоть слово об этом, и твоя душа погибнет во Мраке.

— О Митра, меня уже нет! Улетел, как ветер! — Спотыкаясь на бегу, он выскочил из таверны.

Соня подавила улыбку. Может быть, она спасла Сэндаса. По крайней мере, этот соглядатай теперь дважды подумает, прежде чем предложит кому-нибудь купить у него сведения.

Воительница убрала меч в ножны, повернулась на каблуках и оказалась лицом к лицу со старухой, которая молча стояла рядом, держа поднос с едой.

Соня грозно взглянула на нее:

— Ты тоже никогда меня не видела!

Старая женщина коротко кивнула. Ее глаза оставались холодными, выражение лица — безразличным. Похоже, она привыкла держать язык за зубами.

— Комната с улиткой на двери — это наверху?

Сухая рука указала на противоположную стену общего зала.

Соня направилась туда, открыла дверь и пошла наверх. Нужная ей комната находилась в конце коридора. Девушка осторожно постучала. Ответа не было. Она постучала сильнее:

— Открывай, Сэндас!

В комнате послышались шаги.

— Во имя Митры, кто там?

Соня услышала, как свистнул клинок, вынимаемый из ножен.

— Это Рыжая Соня, ты, идиот! Открой дверь! Дверь отворилась.

— Как ты узнала, что я здесь?

Соня вошла, закрыла за собой дверь и окинула Сэндаса внимательным взглядом:

— Это длинная история. Убери меч. Он тебе сейчас не нужен.

Сэндас подчинился.

— Тысяча проклятий, как ты меня нашла?

— Об этом позже. Я есть хочу.

— У меня только вино.

— Что ж, давай. Думаю, мою яичницу уже отдали собакам. Спасибо,— кивнула она, когда он передал ей бутылку.— Похоже, я тут напугала кое-кого. В ближайшее время тебя вряд ли побеспокоят, но как долго это продлится, не знаю.

— Соня, что происходит? Как ты меня нашла? Знает ли Хавлат?..

— Ничего не знает. Во всяком случае, мне так кажется. Но тебе лучше сменить жилье. Беглецам не стоит подолгу оставаться на одном месте.

— Я не могу переехать,— тихо ответил он.— Я должен ждать здесь.

— Кого? Рабыню Алинор?

Он уставился на нее, широко раскрыв глаза.

— Мне известно кое-что,— пояснила Соня,— но не все. Я хотела с тобой поговорить, потому что сегодня ночью произошло очень много событий. Надеюсь, ты поможешь мне собрать кусочки головоломки.

— А что Лейра?

Девушка пожала плечами и отдала Сэндасу бутылку.

— Не будем терять времени. У нас его, может быть, совсем мало. Если мне придется сражаться с упырями, колдунами и ведьмами в этом проклятом городе, то, клянусь Небом, я хочу знать, ради чего!

* * *

В доме еще пахло горелой плотью шести сожженных на заре трупов. Магический огонь бес-

следно уничтожил и тела, и души несчастных, но стойкий запах, зловещий и едва уловимый, остался.

Лейра чувствовала, что ей необходимо выбраться отсюда, из этого жуткого дома, хотя бы ненадолго.

Разобравшись с останками, Алинор заявила, что собирается отдохнуть. Лейра отпросилась купить кое-какие продукты, взяла корзинку и несколько медяков на століке у двери, наняла повозку с одной лошастью и быстро добралась до улицы Виноторговцев.

Посетителей в «Единороге» было немного — бродяги, несколько женщин, наемники в иноземной форме. Все взгляды устремились на Лейру. Она подошла к стойке и взглянула на тощую старуху, стоявшую за ней.

Та, хмурясь, приблизилась к девушке:

— Что надо?

— Я ищу друга. Его зовут Омбус,— шепотом сообщила ей Лейра.

Старуха побледнела:

— Кого?

— Его зовут Омбус,— повторила девушка.— В какой комнате он живет?

— Улитки. В ту дверь, второй этаж.

— Спасибо,— любезно улыбнулась Лейра.

Старуха, посмотрев ей вслед, окинула взглядом общий зал. Во имя Неба! Если в этом доме собираются заниматься колдовством, сможет ли кто-нибудь из этих негодяев помочь ей?

Лейра нашла комнату и робко постучала.

— Омбус? — негромко позвала она. — Омбус? Дверь открылась. На пороге стоял Сэндас, бледный и измученный, а у дальней стены сидела рыжеволосая женщина в кольчуге-безрукавке. Лейра растерялась.

— Входи, — тихо проговорил Сэндас, взяв девушку за руку и закрыл дверь. — Входи. Ты не знакома с Рыжей Соней, не правда ли? Соня, это Лейра, служанка Алинор.

— Здравствуй, — Соня окинула девушку внимательным взглядом.

— Давай, Лейра. — Сэндас показал на недопитую бутылку. — Садись, выпей.

— Нет, спасибо.

Соня улыбнулась:

— Присаживайся, Лейра. Нам хотелось бы узнать, что ты обо всем этом думаешь. Мы пытаемся разобраться в том, что происходит.

Беседа оказалась долгой. Каждый, рассказывая о том, что ему известно, словно выкладывал маленький кусочек мозаики, пока картина наконец не получилась если уж не законченной, то вполне понятной. Судя по всему, здесь столкнулись интересы знатных и богатых людей. С одной стороны, Хавлат и Куршахас. Куршахас — упырь, колдун, явно имеющий какую-то власть над Хавлатом. По другую сторону была Алинор, которая стремилась отомстить за смерть отца. Ее ненависть оказалась настолько сильна, что она рискнула прибегнуть к магии. Как эта знатная дама сумела стать колдуньей, никто не знал, но в том, что это так, не сомневались. Дальше все было

более-менее ясно. Алинор, околдовав Сэндаса, хотела, чтобы он убил Хавлата. Из этого ничего не вышло, и Хавлат в ответ подослал убийцу к Алинор. Тому тоже не удалось выполнить поручение. Сэндасу пришлось бежать. Прошлой ночью он встретился с Лейрой, чтобы договориться с ней и уничтожить Алинор, а колдунья в ту ночь зачем-то проникла в комнату, расположенную над комнатой Сони.

— Мне кажется, она приходила за магическим амулетом, — сказала Соня. — Алинор могла учиться колдовству у того, кто жил в этой комнате раньше. Я слышала, где-то на том этаже обитала ведьма. Прошлая ночь на самом деле оказалась ночью странных происшествий! Один из моих уличных сорванцов проследил за вами, а Куршахас явился к Алинор, чтобы уничтожить ее. Не застав ее дома, он набросился на тебя, Лейра, и на слуг.

— Но мы-то все равно не знаем, что делать дальше, — мрачно напомнил ей Сэндас и взглянул на Лейру. — Ты все еще согласна помогать мне?

Лейра коротко кивнула.

— Почему бы вам двоим просто не уехать из Аренджуна? — предложила Соня. — Здесь оставаться опасно.

— Соня! Ну как же ты не понимаешь! — в сердцах воскликнул Сэндас. — За мою голову назначат награду. Уж Хавлат-то об этом позаботится. И где после этого я смогу укрыться?

— А ты, Лейра? — Соня взглянула на девушку.

Та отвела глаза:

— Алинор все равно отыщет и убьет меня. Я ей нужна. И даже догадываюсь, зачем. Ее отец, замыслив уничтожить Куршахаса, хотел провести колдовской ритуал с жертвоприношением, для которого необходима жизнь девственницы. Алинор наверняка мечтает завершить начатое.

— Но, Соня, ты ведь не имеешь ко всему этому никакого отношения,— напомнил Сэндас.

— Имею. Разве ты не знаешь, что Куршахас разыскивал меня после пира?

— Ты их с тех пор не встречала?

— Нет. Но я уверена, что Куршахас не отказался от своих замыслов.

Сэндас немного расслабился:

— Куршахас был уязвлен, в этом нет сомнений. Но вряд ли он все еще интересуется тобой. И он, и Хавлат сейчас хотят лишь одного — прикончить Алинор. И я тоже хочу этого. Больше всего на свете.

— Но, расправившись с Алинор, они ведь не оставят в покое жителей Аренджуна,— заметила Соня.

— Мне наплевать, что будет с Аренджуном! — Сэндас сжал кулаки.— Алинор — опасная ведьма, ее необходимо уничтожить. И это должен сделать я, чтобы Хавлат убедился: я не хотел его смерти. Тогда и моей голове ничто не будет угрожать.

Соня внезапно почувствовала отвращение:

— А ты уверен, что отважишься предстать перед своим разъяренным хозяином и перед Куршахасом?

Сэндас вздохнул:

— А у меня есть выбор? Если я принесу ему голову Алинор, он простит меня.

— Сильно сомневаюсь, что Хавлат умеет прощать.— Рыжеволосая воительница пожала плечами.— Впрочем, твое дело. А что касается Алинор... У вас с Лейрой есть какой-то план?

— Да.— он испуганно взглянул на Соню.

— Я не стану вмешиваться,— успокоила она его.— Но если будет нужна помощь, обращайтесь. Может, я буду в благодушном настроении, и вам удастся уговорить меня.

— Это касается только Алинор и меня,— заявил Сэндас.— Я все обдумал. Вот, возьми, Лейра.— Он достал из кармана кусок пергамента и вручил его девушке.

Там были изображены перекрещивающиеся линии, а внизу — несколько слов и подпись Хавлата.

— Где ты это раздобыл? — удивилась Лейра.

Сэндас нахмурился, чтобы скрыть улыбку:

— Сам нарисовал, только и всего.

— И что ты собираешься с этим делать?

— Читай. Это записка от Хавлата к Куршахасу, план, как убить Алинор и закопать ее в роще, где мы с тобой встречались. Сегодня ночью Куршахас должен схватить ее и принести туда, а потом они с Хавлатом принесут ее в жертву темным богам.

— И что я должна с этим делать? — спросила Лейра.

— Показать Алинор. Скажи, что нашла вчера ночью. Пусть она прочитает и решит, что Курша-

хас появится сегодня. Я достаточно хорошо ее знаю, чтобы утверждать: в полночь она отправится в рощу, надеясь застать там Хавлата одного и убить. Но там она встретит лишь мой меч, который снесет ей голову.

Наступило долгое молчание.

— Знаешь, Сэндас,— заговорила Соня,— даже если у тебя все и получится, Хавлат и Куршахас все так же будут творить безобразия. И вот это меня беспокоит больше всего. Но я не стану вмешиваться. Я просто пожелаю тебе удачи.

* * *

Убедив себя, что больше ее эти колдовские игры не касаются, остаток дня Соня провела в поисках работы.

К вечеру она договорилась с главой каравана какого-то вельможи. Караван отправлялся на запад через Коринфию, Офир и Немедию, чтобы закупить товары. Покинуть Арэнджун он должен был через седмицу, а вернуться — через четыре луны. Вельможе были нужны телохранители и воины, и начальник охраны пообещал Соне, что она будет получать не меньше других стражников, если будет выполнять свои обязанности наравне с ними.

Перекусив в небольшой таверне и проглотив две кружки эля, девушка отправилась домой. Размышляя об утреннем разговоре, она старалась убедить себя не вмешиваться и даже не пытаться спасти Сэндаса от магии Алинора. Самоуверенный дурак! Соне уже приходилось сталкиваться с кол-

довством, и она знала: не всегда в борьбе с магами можно полагаться на честную сталь. Да и вообще, если это не вопрос жизни и смерти, лучше держаться от колдунов подальше. А этот задиристый щенок даже не распознал в Куршахасе настоящую темную силу, однако вызвался победить серьезную ведьму.

Возле дома она купила у уличного торговца сыра и фруктов, не сомневаясь, что Чост все еще спит, а когда проснется, снова будет смертельно голоден. Ей было жаль этого славного парнишку, вынужденного скитаться по трущобам и явно заслуживавшего лучшей жизни.

Положив еду на стол, Соня села на кровать и вытянула ноги. Чост подкатился к ней, что-то пробормотал, но так и не проснулся. Девушка с улыбкой взглянула на него. Не совсем мальчик, но еще не мужчина, может, чуть младше Лейры. А жизненный опыт — как у старика...

В его возрасте Соня еще ничего не знала об окружавшем ее мире. И только потом, хотя и довольно скоро, ей пришлось узнать, насколько сложна эта жизнь, которая подобно маятнику качается между двумя крайними положениями: восторгом и счастьем с одной стороны, ужасом и агонией — с другой.

Она долго не могла понять, как хорошие, добрые люди, которых она иногда встречала, могли выживать в этом чудовищном мире. И как могли продолжаться эта бойня, это зло и насилие в мире, если и правда существуют добрые боги, о которых ей говорили те, кто в них верил. Ей

казалось, что мир трясется, качается, неловко спотыкаясь на своем пути.

— Мир — это паутина,— говорил ей кто-то.— Паутина, где все взаимосвязано, и только боги знают как, а мы просто бредем наугад.

«Бредем наугад» — именно так можно было описать ее собственную жизнь. Иногда ту радость, которую она ощущала, гуляя в одиночестве по лесу или сидя у очага в хорошей компании, казалось, не мог вобрать в себя один человек. Но бывали, и не раз, мгновения, когда жизнь представлялась настолько бесцельной, бессмысленной, полной страданий, что культ самоубийства, существовавший у марииков, виделся ей вполне оправданным.

Но что больше всего изумляло Соню, так это неукротимая воля к жизни. Причем не только у воинов, которые выставляют напоказ силу и доблесть, не у купцов, вельмож, не у сильных мира сего, а у самых простых людей, не имеющих ни титулов, ни власти, ни денег. Для многих людей история представляет собой длинный перечень имен королей, названий великих битв, деяний высших богов. Но для простых мужчин и женщин история — это имена их предков, законченная работа, построенный дом, тихие радости, горе и слезы, рождения и похороны, воспоминания и мечты. Самые обычные люди, горожане и сельские жители, жили тихой жизнью, ссорились, молились своим богам, делились друг с другом хлебом, сыром и водой, давали приют путникам и без конца трудились.

Поскольку они не обладали каким-либо влиянием, власть не могла их развратить, они не были богаты, и деньги не могли свести их с ума, они не хотели ни с кем воевать, ибо не нуждались в чужих землях. И именно благодаря этим маленьким людям, которых так презирают люди богатые и могущественные, и держится этот мир. Их вечный труд, их верность устоям, их дети, которые, сменив родителей, подставят свое плечо, и есть основа мироздания. Они — фундамент большого дома.

В какой-то деревне, названия которой она не могла припомнить, Соня сидела как-то со старой женщиной, и они вместе смотрели на двух юных сорванцов, боровшихся в пыли.

— Вот это оно и есть,— говорила старуха,— наше будущее, смысл нашей жизни. Наши сыновья и дочери. С каждой новой жизнью мы стараемся улучшить самих себя. Когда-то наш мир был цветущим садом. Боги сотворили его светлым и радостным. Но человеку всегда чего-то не хватает. Вот люди и начали роптать, а боги за это наделили их всяческими пороками и сказали, что, когда люди их победят, мир снова засияет от общего счастья. Вот для чего мы живем. Ради наших детей. Чтобы учить их. Чтобы они стали лучше нас.

Соня снова взглянула на Чоста и подумала, что у нее тоже может быть такой сын, но тут же отбросила эту мысль. Хотя она и была молодой, сильной, красивой женщиной, ее жизнь складывалась совсем не так, как у других. И менять ее

Соня не собиралась. Она встала, прошла к столу, отрезала себе сыра.

Чост проснулся и сел, протирая глаза:

— Соня?

— Да, я здесь.

— Боги! Я что, проспал весь день?

— Да,— улыбнулась ему девушка,— весь день.

Твои сны, наверное, были очень приятными, Чост. Очень...

* * *

Алинор прочитала записку и пристально посмотрела на испуганное лицо Лейры:

— Почему ты не сказала мне об этом раньше?

— Я... Я и смотреть на него боялась, госпожа.

— Еще бы! — Алинор пощупала пергамент, присмотрелась к подписи.— Похоже, это на самом деле написано рукой Хавлата. Какая удача!

У Лейры немного отлегло от сердца.

— Значит... Сегодня ночью, да? — Алинор прошла к масляной лампе и сожгла записку.— Стало быть, сегодня. Что ж, там и встретимся.

Лейра повернулась, чтобы уйти.

— Ты пойдешь со мной, Лейра.

— Д-да, госпожа.

— Теперь иди.

— Да, госпожа.

Дверь тихо закрылась за рабыней.

— Да,— еле слышно пробормотала Алинор.— Ты мне можешь понадобиться. Мрак требует невинной крови.

Глава восьмая

Наступил вечер, но дождь все не прекращался. Хавлат знал, что Куршахас появится только тогда, когда солнце полностью скроется за горизонтом и наступит ночь. Он приказал принести себе еды и поужинал в одиночестве.

Не успели слуги убрать подносы, как пришел Куршахас и молча сел напротив него. Хавлат внимательно посмотрел на колдуна:

— Будешь есть? Или пить?

Темные глаза Куршахаса сверкнули.

— Кто была та рыжеволосая женщина, которая бросила мне вызов несколько вечеров назад, на пиру, Хавлат?

— Понятия не имею.

— Ее зовут Рыжая Соня, и она жила на южной стороне города. Узнать это мне помогли гадания и расспросы. Но теперь она съехала оттуда, а какая-то магия защищает ее от меня. Я не могу ее найти.

— Может, лучше поискать Алинор?

Куршахас ухмыльнулся, обнажив белые зубы:

— А если она помогает Алинор? Эта женщина — не ведьма, и все же теперь она находится под защитой колдовства. Если мы найдем ее, то, может быть, найдем и Алинор. Кроме того, она нужна мне самому. Я не хочу ее убивать. Просто она станет илорку. Ты правда не знаешь, где она?

— Снимает какую-нибудь дешевую комнатенку, я думаю. Или уже уехала из Аренджуна.

— Нет. — Куршахас встал. — Она в Аренджуне, и я ее найду. — Он криво усмехнулся. — Когда-то у меня были двадцать красавиц, все посвященные в темные тайны Ордру, все просто сходили с ума по алому вину жизни, и каждая обладала глубоким умом. Но их у меня похитили.

— Похитили? У тебя?

— Это было очень, очень давно, Хавлат. Их убили. Да, нас можно уничтожить. Но такие, как ты, никогда не смогут узнать, как это сделать.

Хавлат вздрогнул:

— Кое-что и мне известно, Куршахас. Солнечный свет, некоторые магические ритуалы...

— Ты против меня бессилен, — прошипел Куршахас. — Я знаю тебя. Ты принадлежишь мне. Много лун назад ты продал себя мне, приняв участие в обрядах Семрога. — Повернувшись на каблуках, Куршахас шагнул к двери, но затем снова повернулся. — Дневное создание, — медленно проговорил он, — ты для меня не более чем призрак. Ты и твоя раса — детишки. Дети, которые дряхлеют и умирают, так ничего и не узнав

— ни мудрости, ни сути вещей. Вы боитесь смерти, вы не умеете жить. Дурачье! Вы проходите, как дождь, Хавлат. Пришли и ушли, и ты и твои людишки... А мы, кто живет в гробах и могилах, прячется в тени, беседует с демонами, мы смеемся над вами и пожираем вас. И лишь избранных приобщаем к своим тайнам.

С этими словами Куршахас исчез — быстро и бесшумно, как тень.

Хавлат остался наедине с вечерней тьмой, и дождем, и холодом...

...Он думал, как уничтожить Куршахаса.

* * *

Дождь утихал, хотя ветер все еще выл, носясь по полям за воротами города. До слуха Сэндаса долетал лишь бесконечный шорох капель, стекавших с широких листьев и стучавших по озеру, по кустам, камням и упавшим стволам.

И вот наконец на мощеной дороге, ведущей от ворот, зазвучали шаги. Сэндас выпрямился и покрепче сжал рукоять меча.

Две женщины, одетые в серые плащи, приближались к тому месту, где ждал Сэндас...

Он глубоко вздохнул. Шаги приближались. Ветер шумел в листьях. В сером свете луны Сэндас уже мог различить лица.

* * *

Она заснула! Задери демоны Митру и всех богов за то, что не помешали ей заснуть! Вроде бы и день-то был нетрудным...

Соня ускорила шаги. До северо-западных ворот еще идти и идти, а храмовые гонги по всему Арэнджуну уже возвещали полночь.

Как же она могла так расслабиться?!

Она и выпила-то всего полкубка легкого вина, затем, чтобы дать отдых ногам, прилегла, но сна-то ни в одном глазу не было...

Соня все еще чувствовала себя усталой, разбитой, слегка одуревшей. Может, что-то было в ее вине? Или Алинор наслала забытье? Или Куршахас?

Она побежала, расплескивая лужи.

Задери демоны всех богов! И Сэндаса тоже. За его дурость!

* * *

— Лейра,— нахмурилась Алинор,— я не чувствую здесь какой-либо магии. Но все же что-то здесь не так...

— Алинор!

Она обернулась — глаза полыхнули желтым светом, а плащ взвихрился, как тень, пытавшаяся поймать лунный свет.

Лейра, взвизгнув, отпрыгнула в сторону.

— Сэндас! — невольно вскрикнула она.

Алинор зашипела. Сэндас взмахнул мечом:

— Ведьма! Получи за то, что предала меня!

Алинор легко ускользнула от клинка. Резко вскинув руку и указав пальцем на коринфянина, она прокричала несколько слов на странном языке. В тот же миг ее рука засветилась, как раскаленное добела железо. Сэндас снова поднял меч

для нового удара, но ведьма сделала едва уловимый жест, и...

Сэндас завопил.

Лейра упала на землю, сжалась в комок и тоненько заскулила от страха, отказываясь верить в то, что видела собственными глазами.

Алинор громко зашипела, и из ее кулака в грудь коринфянина ударил белый луч. Клинок вылетел из ослабевших пальцев.

Рухнув на бок, Сэндас перекатился на спину. Не помня себя от боли, он разорвал на груди рубашку, резко выгнулся, обмяк и застыл, устремив последний взгляд уже мертвых глаз в бездонное ночное небо.

Алинор обернулась к Лейре:

— Ты! Ты знала обо всем! Мерзавка! Ты хотела моей смерти?!

Лейра завизжала на невысказанно высокой ноте и, не спуская глаз с хозяйки, начала, пятясь, отползать от нее.

* * *

Жадно вдыхая влажный полуночный воздух, Соня бегом проскочила ворота, оставив позади тусклые огни города, и, спотыкаясь, понеслась по неровно вымощенной дороге.

Впереди показалась роща. Соня побежала быстрее. Сердце едва не выпрыгивало из груди, ноги одеревенели, влажные волосы хлестали по лицу, глаза болели.

Вот они! Две фигуры в плащах — одна на земле. Но где же Сэндас? Неужели она его убила?

На бегу Соня выхватила меч, и в тот же миг вопль Лейры вознесся к небесам.

— Алинор! — рывкнула Соня.

Ведьма обернулась.

— Ты! — взвизгнула она, поднимая руку.

Соня бездумно отпрыгнула в сторону, когда рука Алинор засветилась, выхватила из кошель талисман и подняла его вверх...

Он засиял в лунном свете как, раскаленный уголек, и осветил лицо Алинор, грудь, руки...

Ведьма, зашипев, отступила.

— Вставай! — крикнула Соня, подбегая к Лейре. — Живо, поднимайся на ноги!

Талисман все еще сиял, высвечивая искаженное ненавистью и страхом лицо Алинор.

— Отдай его... — зарычала колдунья.

— Лейра, спрячься за меня! Быстро!

— Он мой! Мой! — кричала Алинор, жмурясь и отступая еще на шаг, и еще.

— Лейра, быстрее! Уходим отсюда! Я за тобой!

Алинор, споткнувшись, упала на траву, по-прежнему прикрывая глаза.

— Тебе больно? — злорадно спросила Соня. — Помни, ведьма, талисман теперь у меня, и я умею им пользоваться! — Она мельком взглянула на Лейру. — Беги, девушка!

Лейра всхлипнула:

— Соня, я...

— Молчи! Не останавливайся! — И она тоже начала отступать.

Алинор исчезла во тьме, когда свет талисмана отделился от нее, и только желтые глаза свети-

лись, словно у хищника. Затем и это свечение исчезло.

Наконец, когда они почти добежали до ворот, когда роща скрылась из виду, Соня положила талисман в кошель, сунула меч в ножны и схватила Лейру за руку.

— Теперь пошли, быстрее! Ко мне. Она попытается найти нас, и я не знаю, сколько у нас времени...

* * *

Чост с пятью друзьями через окно забрался в комнату Сони вскоре после полуночи. На столе было полно снеди: вино, сыр, хлеб и тонкие, крошечные кусочки хрустящего теста с медом, — так что и Чост, и Стифа, и все остальные сумели утолить голод.

Они не стали зажигать свет, но, пока набивали животы, решили, что до возвращения Сони не уйдут, чтобы она не подумала, что ее обчистили уличные воришки. Насытившись, они уселись на полу возле окна, где было немного светлее, и начали обсуждать дневные похождения. Вскоре лунный свет пропал, но, подумав, что ночное светило закрыли тучи, с самого утра кружившие над городом, никто не обратил на это внимания.

Двое парней неожиданно громко зевнули.

— Что-то спать хочется... — пробормотал Чост.

Он посмотрел в окно, и ему показалось, что одна из черных грозовых туч медленно вплыла в комнату и остановилась на расстоянии вытянутой руки от него и его спутников. Но это почему-

то совсем не испугало, а лишь слегка удивило Чоста.

Мальчики один за другим засыпали, и в этом не было ничего странного, ведь за долгий день все очень устали, да и ужин для них, привыкших к постоянному голоду и лишениям, оказался весьма плотным.

Черный туман зашипел, и в нем вспыхнули два желтых огня, затем вдруг показалась рука, которая становилась все плотнее и плотнее. Чост равнодушно взглянул на нее, свернулся клубочком и задремал.

* * *

Соня ничего не заподозрила, когда поднималась с Лейрой к своей комнате, не ощутила никаких странных запахов, не слышала криков, не почуяла смертельной опасности.

Открывая дверь, она все еще думала о встрече с Алинор и о том, что ждет их грядущим днем, и вдруг увидела Куршахаса, стоявшего у окна. Он держал в руках мальчика, голова которого была откинута назад, а глаза, подернутые пеленой смерти, открыты, с горла на пол капала кровь. Куршахас поднял на Соню желтые глаза, и она резко остановилась на пороге.

— Во имя Эрлика! — задохнулась она.

Куршахас зашипел, уронил жертву, и окостеневший труп, белый, бескровный, с глухим стуком упал, но и это не пробудило его товарищей.

Соне внезапно показалось, что колдун, от которого исходили волны то холода, то жара,

вырос до невероятных размеров, нависнув над ней, а ее сердце сжалось, усохло и жизни в нем осталось так мало, что она не чувствовала даже тихого биения.

Глаза упыря будто вытягивали из нее душу.

Но жажда жизни, которая всегда ее так удивляла, была в девушке невероятно сильна, и отчаянным усилием Соня отвела глаза от глаз Куршахаса.

— Лейра! Прочь отсюда!

Она отступила на шаг, протянула руку и ударила девушку по щеке, да так, что Лейра вылетела в коридор, стукнулась о стену и съехала на пол...

А Соня впрыгнула в комнату, ногой закрыла дверь и выхватила меч из ножен.

— Будь ты проклят!

Ужасно ухмыляясь, Куршахас шипел.

— Илорку!

С бледного подбородка колдуна медленно падали красные капли.

— Ты мне нужна! — рыкнул он.

Соня бросила быстрый взгляд на спящих мальчишек и громко крикнула:

— Чост! Эй, вы все! Просыпайтесь! Вставайте!

— Они не проснутся, — захохотал Куршахас, — пока я им не прикажу. Они видят мои сновидения и скоро заснут моим сном.

— Чудовище!..

— Я тебя знаю, Рыжая Соня! — продолжал Куршахас, будто не слышал ее. — Но ты напрасно пытаешься бороться со мной. Хочешь защититься

при помощи колдовства? Я чувствую это. Ты, наверное, воспользовалась каким-нибудь жалким заклятием, Рыжая Ведьма, в надежде, что сможешь избавиться от меня? Ха-ха-ха! Твоя магия сумела развеять сон, который я наслал на тебя, но впредь она тебе не поможет. Теперь ты моя. Ты больше не будешь сражаться с магией, ибо она победила тебя, ты не убьешь больше ни одного демона, ибо сама станешь такой! Ты будешь алкать крови, скрываться от дневного света, спать в гробах и совершать обряды Семрога и Ордру! На колени!

Соня попыталась поднять меч, но он показался ей тяжелее горы. Глаза Куршахаса ярко горели, и девушка чувствовала, как желтые огни взрываются в ее голове, лишая воли, заставляя подчиняться. Невообразимо тяжелый меч тянул ее вниз.

Она рухнула на колени.

— Ползи! — приказал Куршахас и расхохотался. — Ползи! Ползи ко мне и моли, чтобы я одарил тебя поцелуем! Пол-лзи-и!

Она уронила меч. Ее голова закачалась вправо, влево, назад, вперед... Низвергающаяся подобно водопаду музыка зазвучала отовсюду. Соню охватили воспоминания детства, ей почудилось, что в руках Куршахаса она ощутит себя такой же защищенной, как на коленях отца, и что впереди ее ждут бесконечное блаженство, чудесный лунный свет и теплая земля, нескончаемые сновидения и алые реки, несущие жизнь и невыразимое счастье...

Она поползла. Царапая колени о деревянный пол, она натыкалась на Чоста и его друзей, переползала через них, боясь оторвать взгляд Куршахаса, который становился все выше, а глаза его все так же горели и манили, как окна далекого родного дома.

Домой... К Куршахасу...

— Иди, Соня... Сюда... Ко мне...

Непреодолимая сила влекла ее в объятия колдуна, но в душе рос и усиливался не менее мощный протест, почти животное отвращение к созданию Мрака, которое хочет лишить ее всего человеческого.

— Иди ко мне, Соня...

«Соня! Еще шаг, и монстр уничтожит тебя!»

— Сюда, Соня. Ползи...

«Человек рожден не для того, чтобы ползать! Встань, Соня!»

— Да-да, тебя ждет награда...

«Тебя ждет смерть! Ты станешь чудовищем!»

— Я здесь, Соня... — Он склонился к ней. — Ты любишь меня, Соня. — Из его желтых глаз струился холод. — Я твой господин, Соня.

Его зловонное дыхание коснулось ее щеки.

— Не-ее-е-т!

В ужасе и отчаянии она отшатнулась. Куршахас, рассмеявшись, потянулся к ней...

Но Соня, даже не понимая, что делает, вытащила талисман...

Глаза Куршахаса побелели.

С великим трудом преодолевая слабость, девушка поднялась на ноги — и колдун отступил.

Она подняла руку со вспыхнувшим талисманом — и упырь завизжал.

Собрав все оставшиеся силы, Соня бросилась вперед. Талисман ударил Куршахаса по груди. Белое свечение, казалось, заполнило его изнутри, взвился белый дым, раздалось громкое шипение. Куршахас отшатнулся и завопил.

В этот же миг комнату окутал черный туман, заслонивший окно. Колдун менял форму, таял — отступал. Соня рухнула на пол, отчаянно вцепившись в талисман. Призрак — черный дым, свернувшись, как ковер, перекатился через подоконник и исчез.

* * *

Очнувшись, Соня поняла, что прошло совсем немного времени. Ей больше не было старшно, злость тоже прошла. Услышав чьи-то всхлипывания, она перекатилась на полу и подняла голову.

Лейра сидела возле кровати и рыдала, закрыв лицо руками. Посмотрев на нее мутными глазами, воительница провалилась в сон.

* * *

Алинор благополучно добралась до своего дома, несмотря на то что не пошла не через северо-западные ворота, не желая встречаться со стражниками, которые, услышав крики, мчались к роще.

Прячась в тени и жадно вдыхая прохладный ночной воздух, который окончательно привел ее в чувство, колдунья проскользнула вдоль стены,

вошла в город через небольшие северные ворота и переулками пробралась к дому.

Войдя в свою комнату, она зажгла масляные лампы, опустилась в кресло и посмотрела на себя в зеркало: бледная, измученная, губы дрожат...

Стало быть, талисман у женщины по имени Рыжая Соня, и она знает, как им пользоваться!

Алинор выругалась. Тот, кто обладает талисманом, получает и его силу. Если она не сумеет его раздобыть, ей не справиться ни с Хавлатом, ни с Куршахасом. Значит, нужно добраться до Рыжей Сони... Нужно...

Не успев даже осознать, насколько утомилась, Алинор заснула глубоким сном, хотя губы ее все еще продолжали что-то шептать.

* * *

Было уже позднее утро, когда Соня проснулась, сразу вспомнила, что произошло, и ярость мощной волной захлестнула ее. Лейра и мальчики с пепельно-серыми лицами молча стояли вокруг — все, кроме Стифы, друга Чоста, который лежал на полу. Он был мертв.

Соня протянула Лейре деньги:

— Уведи ребят. Купите еды. И не суйтесь сюда — я сама вас найду.

Они ушли, растерянные, напуганные. Соня накрыла тело Стифы одеялом с кровати, а затем отправилась в дом, где размещались отряды городской стражи, и сообщила об убийстве.

Девушку слегка удивило, что ее ни в чем даже не заподозрили и не стали задавать глупых воп-

росов. Прошлой ночью произошло еще одно непонятное убийство, в роще за городской стеной. Аренджун задыхался от преступлений. Смерть подростка, в котором не осталось ни капли крови, несомненно, дело рук того же, кто совершил несколько таких преступлений. Городская стража давно ищет его и никак не может поймать.

— Кем был этот парень? Это твой сын? Брат?

— Его звали Стифа. Он мне не родственник. Просто уличный бродяжка. Я пригласила его, чтобы накормить. Он заснул. Я вышла, а вернулась поздно. Он был уже мертв. И обескровлен.

Один из стражников нахмурился:

— Он начал забираться в дома, этот головорез. Обычно он болтался на задворках таверн.

Соня взглянула на него:

— А кто бы это мог быть?

Стражник пожал плечами:

— Даже не представляю... Но лучше не болтать об этом. О городе поползут дурные слухи...

— У Аренджуна и так слава не из лучших,— перебила его Соня.

— И все же тут пересекаются караванные пути. Если торговцы перестанут заходить в город, от этого пострадают все мы.

— А от илорку, который свободно разгуливает по улицам?

— Забудь это слово,— разозлился стражник.

— Илорку? А почему бы и нет?

— Жители и так паникуют. Вельможи недовольны. Лично я в упырей не верю, но слухи-то не остановить.

— Да,— согласился с ним другой стражник.— Лишние разговоры нам не нужны.

Соня нахмурилась:

— Вы бы лучше не слухи останавливали, а кровопийцу!

С этими словами она ушла. Позавтракав в небольшой таверне, девушка вернулась к себе, как раз когда выносили тело Стифы. Домовладелец молча наблюдал за этим, но, увидев Соню, тут же отвел ее в сторону и поинтересовался, почему это убийца залез именно в ее комнату.

— Ты хочешь, чтобы я уехала? Да?

Джос поморщился:

— Просто я буду присматривать за тобой.

— Проклятье, я уйду, ты только скажи.

— Просто я не спущу с тебя своего единственного здорового глаза, иноземка. И помни: он у меня зоркий. Женщина с мечом! Хе!

Соня пошла искать Лейру и Чоста и вскоре нашла их в дешевой таверне на торговой площади. Соня присела рядом.

— Стифу унесли. Мне очень жаль, Чост.

Тот ничего не ответил.

— Я знаю, кто это сделал,— продолжала Соня.— И я остановлю его.

— И кто же? — тихо спросил Чост, глядя прямо перед собой.

— Если я тебе скажу, то ты соберешь свою шайку, вы влезете в самое пекло и все погибнете.

— Нет, не погибнем.

— И думать об этом не смей, Чост. Я умею постоять за себя, но прошлой ночью сама оказа-

лась на волоске от гибели. Все мы живы только благодаря случайности. Но теперь я начинаю кое-что понимать. Лейра, с тобой все в порядке?

Та коротко кивнула:

— Это был Куршахас? Да, Соня?

— Да,— вздохнула Соня.

— Так же он проник и в дом моей госпожи. В ту ночь он убил всех слуг. У Алинор тоже есть какие-то магические амулеты, и она сказала, что они-то и спасли мне жизнь. Но я не знаю... Мне кажется, Куршахас мог бы убить и меня, если бы захотел...

— Что будем делать? — спросил Чост.

— Я убью этого монстра,— ответила Соня.— Я знаю, как это сделать. А ты не знаешь, Чост.

Парень молча смотрел себе под ноги.

— Чост!

— Разве я что-то сказал?

— Я догадываюсь, о чем ты думаешь,— заметила Соня.— Если ты хочешь погибнуть так же, как Стифа...

Она остановилась, увидев, как подозрительно заблестели его глаза.

— Извини.— Она взъерошила ему волосы и, отвернувшись, мрачно оглядела площадь. Город уже почти совсем проснулся.— Идем.

Она встала и повела их к своему дому. Чост и Лейра шли за ней, держась за руки. Обернувшись, Соня подумала: «Чудесно. Замечательно. Почему бы вам не влюбиться друг в друга и тем самым еще больше все осложнить?..»

Глава девятая

Рак только Хавлат плотно позавтракал, резкая боль в животе, возникавшая всякий раз, когда он нервничал или был голоден, слегка утихла, но не прошла. Он вытер губы, встал и начал задумчиво ходить по комнате. Подойдя к окну, он остановился, глядя, как солнечные лучи играют в листве деревьев, на траве и мощеных дорожках.

Вошел слуга, чтобы убрать блюда и подносы:

— Господин, я могу объявить, что ты сейчас выйдешь к посетителям?

— Что? — Хавлат отвернулся от окна.— Нет, нет. Не сейчас. Отложим ненадолго. А что, много дел накопилось?

— Пришли представители городской стражи. Думаю, их беспокоит, что в городе происходит слишком много убийств. Также прибыли посланники из дворца, несколько купцов...

— Пусть ждут. Забери посуду и исчезни.

— Как пожелаешь, господин.

Хавлат подошел к стойке с оружием, отодвинул задвижку и открыл панель. Перед ним засверкали ряды лезвий — мечи, ножи, дротики, короткие мечи, кинжалы. Необычное и древнее оружие было его страстью. Потянувшись, он снял старый нож, сделанный в Стигии. Необычным он был уже потому, что, как правило, стигийцы изготавливали оружие из бронзы, а лезвие этого было железным. Несмотря на почтенный возраст нож казался новым, и Хавлат считал, что это, по-видимому, ритуальное оружие или даже просто украшение. Однако как-то за чашей вина один мудрец заявил, что подобными ножами убивали илорку, которых, если верить легендам, тысячелетие назад в Стигии обитало довольно много.

Сейчас Хавлат вспомнил эти слова и, нервно ухмыльнувшись, взвесил нож на руке. Затем он закрыл и запер стойку, сунул нож за пояс, вышел из комнаты через маленькую дверь и стал спускаться по узкой лестнице, скрытой внутри стен. Когда Хавлат приобрел дом и узнал об этих тайных ходах, он приказал запереть двери. Отныне он один пользовался этими проходами, чтобы подсматривать за гостями или незаметно перемещаться по дому.

Теперь он направлялся к старым земляным подвалам и катакомбам под фундаментом. Здесь поселился Куршахас, прячась от смертельно опасных для него солнечных лучей.

Каменный саркофаг стоял в одном из самых дальних помещений. Хавлат знал, как туда добраться, хотя и бывал здесь нечасто. За несколько

лун, прошедших с тех пор, как появился Куршахас, Хавлат побывал здесь только дважды. В первый раз он показал Куршахасу место, где тот мог скрываться в течение дня. Во второй его гвардейцы искали здесь слугу, который удрал, чтобы избежать наказания. Тогда уже наступила ночь, и, пройдя лестницу только до половины, они услышали вопли, затем мрачный смех и дальше уже не пошли. Куршахас в ту ночь тоже не появлялся.

Хавлат снял со стены факел, остывший и почти целый, зажег его и, держа перед собой, сделал несколько шагов, но тут же решил, что Куршахас, по всей видимости, должен находиться в центральном подвале.

Хорошо просмоленный факел быстро разгорелся, и вокруг заплескали длинные черные тени. Крысы выскакивали у него из-под ног и снова прятались в грязных нишах затененных дальних углов, паутина задевала по лицу. Хавлат то и дело вздрагивал и отводил ее рукой.

Паутина? Внезапно ему пришла в голову неожиданная мысль: разве колдун не снес бы ее, если бы каждую ночь натыкался на паутину, выходя из этой дыры?..

Факел, дрожавший в крепко стиснутом кулаке, высветил саркофаг, который покоился на базальтовом алтаре. Кто бы ни оставил саркофаг здесь на вечное хранение, это, несомненно, сделали очень давно — еще до того, как над туннелями построили дом и, может быть, даже еще до той поры, когда Аренджун был крошечным по-

селением, где сходились торговые пути. Тело похитили в незапамятные времена неизвестные грабители, должно быть, надеясь найти драгоценности под бинтами, спелёнавшими покойника.

Хавлат обливался холодным потом, трясаясь от страха. Может быть, это Куршахас посылает ему из каменного гроба тревожные мысли?

Вставив факел в скобу на стене, Хавлат достал из-за пояса нож и приблизился к саркофагу, крышка которого доставала ему до груди.

«Митра,— взмолился он,— О, Митра милостивый, помоги мне.»

Похолодевшими пальцами он попытался приподнять крышку, но та даже не шелохнулась. Тогда он подцепил ее ножом, и из образовавшейся щели с громким шипением вырвалось облачко пыли, которое, попав в лицо Хавлату, заставило его закашляться.

Упершись ладонями в тяжелую крышку, Хавлат приоткрыл ее и заглянул внутрь.

Спящий колдун ничем не отличался от покойника: дыхание не вздымало грудь, не подрагивали закрытые веки,— но Хавлат прекрасно знал: если он не пронзит монстра ножом, Куршахас проснется на закате, поднимется по лестнице, войдет в его комнату...

«Митра, помоги! Боги, направьте мою руку!»

Хавлат замахнулся, нацелившись острием в грудь колдуна, и... На миг потерял сознание. Когда он вновь обрел способность видеть и слышать, рука его все так же сжимала нож, а в запястье второй руки, которой он опирался на

саркофаг, впились ледяные пальцы упыря. Глаза Куршахаса были открыты, а желтый огонь, горевший в них, казалось, прожигал душу.

«Дурак! Червь! Ты что, думаешь, я ничего не вижу и не чувствую? Ты забыл об обрядах Сем-рога? Теперь ты принадлежишь мне!»

— Митра... Помоги ... — прохрипел Хавлат.

«Митры нет, человек из плоти. Есть только я. И ты».

— О боги-и-и!..

« И богов нет».

— Не-ет! — взвизгнул Хавлат, роняя нож.

Глаза Куршахаса горели все тем же огнем, а пальцы по-прежнему держали руку Хавлата.

«Когда я встану, я приду за тобой. Ты дурак!»

Свечение в глазах колдуна поблекло, пальцы расжались..

Задышавшись, Хавлат отшатнулся и чуть не упал.

Крышка саркофага сама по себе встала на место.

Хрипло дыша, Хавлат повернулся и побежал прочь, а в его ушах все звучал и звучал ужасный, бесплотный голос Куршахаса...

* * *

Алинор было нелегко сломить свою гордость и решиться на то, чтобы пойти наконец к Соне и попробовать объяснить ей, что несмотря ни на что у них все-таки одна цель: им надо победить Хавлата и Куршахаса. Колдунье очень не хотелось идти к воительнице, но времени уже оставалось

мало, и потому поздним утром, встав и приняв ванну, Алинор облачилась в темно-красное платье, надела множество украшений и вышла из дома.

Наняв повозку, она быстро доехала до дома, где остановилась Соня, и, войдя в боковую дверь с переулком, на мгновение задержалась, в очередной раз уговаривая себя, что это необходимо для дела и что иначе они все погибнут. Наконец, решительно тряхнув головой, она направилась к комнате Сони, на которой был нарисован малиновый дракон, и постучала.

Дверь открылась почти сразу же. На пороге стояла Рыжая Соня в кольчуге-безрукавке. Огненные волосы падали ей на плечи и спину, а серые глаза оживленно горели. Тускло блестел меч на левом бедре.

Если Соня и удивилась, то сумела это скрыть. Она лишь слегка нахмурилась и холодно проговорила:

— Пусть я кану в Бездну, если это не демон в обличье Алинор.

Лейра и уличный бродяжка, сидевшие на кровати, встали и изумленно уставились на гостью.

— Это не демон, Соня, — спокойно ответила она. — Я сама пришла к тебе.

— Какая из темных сил толкнула тебя?

— Я могу войти?

— А разве демоны спрашивают разрешения?

— Я не демон. Видишь? Я ношу железные амулеты, отпугивающие демонов. Вместе со мной в твою комнату не войдут злые силы.

Соня задумалась ненадолго, затем отступила на шаг и кивнула.

Лейра, задрожав, шагнула назад и чуть не упала на кровать. Чост приобнял ее за плечи, будто напоминая, что она не одна.

Алинор бросила на них лишь мимолетный взгляд и тут же повернулась к Соне. Воительница стояла у двери, положив руку на рукоять меча и слегка согнув колени, готовая в любое мгновение броситься в бой. Левую руку она держала у кошеля на поясе.

— Ну так что? — спросила Соня. — Ты пришла за талисманом?

— За талисманом. Я хочу, чтобы ты поняла: без него мне не победить нашего общего врага.

— Хавлата? Но как...

— Хавлата — само собой, но главное — Куршахаса.

— А, тогда понятно. Илорку.

— Да, упыря. С Хавлатом я и так могу справиться, но моя жажда мести не будет утолена, если я не уничтожу то, что стремился уничтожить мой отец.

— Жажду мести вообще трудно утолить.

— Рыжая Соня, мне нужен талисман, и я прошу тебя помочь мне.

Соня презрительно фыркнула:

— Я тебе доверяю ровно настолько, что откажусь, не задумываясь.

— Я тебе тоже не верю, Соня. Не в этом сейчас дело. Если мы не поможем друг другу, Куршахас уничтожит нас.

— Вполне вероятно, ты и права. Только я все равно тебе не верю.

— У меня есть замысел. Ты можешь хотя бы выслушать меня?

— Если моя жизнь хоть на миг должна оказаться в твоих руках...

— Моя задумка может спасти твою жизнь, Рыжая Соня. Если мы договоримся, у нас есть надежда, иначе...

— Хорошо, я послушаю,— кивнула Соня.— Чост, налей мне вина.

— Да, Соня.

— Алинор, присаживайся — на тот стул. И предупреждаю: не делай резких движений, не бормочи непонятных слов, не то я воспользуюсь талисманом и испепелю тебя.

— Его сила принадлежит тому, кто им владеет. Я, даже если бы захотела, не смогла бы напасть на тебя.

Чост вручил Соне чашу. Девушка сделала глоток и спросила Алинор:

— Выпьешь?

— Нет.

— Тогда рассказывай.

— Если ты согласишься помочь мне, Соня, я прошу только одного: начать действовать немедленно — сегодня, сейчас.

Соня усмехнулась:

— Если это будет наиболее разумным. Выкладывай.

Алинор быстро и кратко изложила свои мысли, и Соня поймала себя на том, что все время

согласно кивала, если не считать пары раз, когда предложила некоторые поправки. Когда колдунья замолчала, Соня поднялась, решив, что пора приступить к делу.

— Чост, Лейра, не вздумайте увязаться за нами,— предостерегла она.— Оставайтесь здесь, и если мы не вернемся до наступления ночи, сообщите городской страже, что в доме Хавлата совершено убийство. И, ради светлого Неба, пусть не медлят...

* * *

Уже наступила середина дня. Возле дома Хавлата царило оживление. Охранники парадного входа молча кивали входящим и выходящим, но остановили высокую рыжеволосую женщину в доспехах, которая поднималась по лестнице в сопровождении двух наемных слуг. Слуги несли огромный скатанный ковер.

— Назови свое имя,— потребовал начальник стражи.

— Рыжая Соня, из Гиркании.

— Какое у тебя дело к господину Хавлату?

— Я могу сказать это только ему.

— Или ты отвечаешь, или идешь обратно.

— Куршахас,— тихо сказала Соня.

— Что?

— Дело касается Куршахаса, волшебника. Ты должен немедленно разрешить отнести этот ковер Хавлату.

— Какое отношение имеет ковер к господину Куршахасу?

— Для тебя он, может, и господин, а для меня — демон.

— Почему мне об этом не докладывали?

— Не было времени. Дело очень срочное.

Охранник поразмыслял немного, переглянувшись с приятелями, стоявшими у двери, и наконец решил:

— Ладно. Скажи своим людям, пусть передадут ковер моим стражникам. Они пойдут с тобой.

Слуги положили ковер, получили деньги и ушли.

Начальник охраны опустился рядом с ним на колени:

— Я должен его осмотреть...

Не успел он и глазом моргнуть, как Соня воскликнула:

— Не прикасайся! Здесь замешано колдовство! Ты что, думаешь, я стала бы рисковать собственной жизнью и тащить его сюда, не будь на то приказа самого Хавлата?

Охранник побледнел:

— Колдовство? Во имя Митры, объясни...

— Время не терпит! — Соня топнула ногой. — День подходит к концу — скоро наступит ночь. Просто отведи меня к Хавлату!

Но охранник даже не двинулся с места.

— Скажи своим людям, чтобы отнесли ковер вашему господину! Быстрее! Ты мне еще спасибо скажешь!

Ее настойчивость убедила охранника. Разные слухи ходили в последнее время про Куршахаса... Во всяком случае, если это и была уловка, то

никакая женщина с ковром не сможет противостоять гвардейцам Хавлата.

— Энрир. — Начальник кивнул стоявшему рядом стражнику, и они вместе подняли ковер на плечи. — Что-то он слишком тяжел...

— Там кости, — деловым тоном сообщила им Соня. — Кости, оставшиеся еще со времен Ахерона, которые со временем превратились в железо. Охранники переглянулись.

— Теперь проводите меня к Хавлату.

— Он отдыхает после обеда...

— Он ждет меня.

Они прошли несколько коридоров и поднялись по короткой лестнице. Гвардейцы шли впереди, а Соня за ними, внимательно глядя по сторонам.

Еще двое охранников стояли у двери опочивальни Хавлата. На кивок начальника стражи они ответили поклоном и расступились. Длинная алая ковровая дорожка вела к возвышению в середине комнаты, на котором стоял диван со множеством подушек, где возлежал Хавлат. Однако он не спал.

— Что происходит?

— Господин, — сказал начальник стражи, — эта женщина...

— Я тебя знаю! Я тебя знаю! — внезапно возопил вельможа

— Я Рыжая Соня, — ответила девушка.

Гвардейцы положили ковер на пол.

— Да что же это все означает? — Хавлат спустился с возвышения и уставился на Соню.

Начальник стражи положил руку на рукоять меча:

— Господин, разве ты не ждал?..

— Сиятельный Хавлат,— быстро вмешалась Соня,— выслушай меня. В этом ковре находится оружие, которое может противостоять илорку Куршахасу и даже уничтожить его.

— Что?! — Хавлат отступил на шаг, ошеломленный.

— Да, это правда. Я с самого начала поняла, что Куршахас — упырь. Я подозревала также, что он имеет какую-то власть над тобой. Я хочу тебе помочь.

— Молчи, женщина! — резко бросил ей Хавлат, искоса взглянув на стражников, тревожно переминавшихся на месте.— Однако... Если у тебя на самом деле есть оружие против него...— Вельможа приблизился и дрожащими руками потянулся к ковру.

— Подожди! — остановила его Соня.— Нам нужно быть осторожными. Посмотри на это.— Она достала талисман, который мягко засветился в ее руке.— Этот предмет защищает меня, Хавлат. Если ты будешь держаться со мной рядом, то он защитит и тебя. Но за твоих гвардейцев я не отвечаю.

Хавлат взглянул на охранников.

— Им лучше выйти.

Хавлат окинул Соню подозрительным взглядом:

— Откуда мне знать, что ты ничего не замышляешь?

— Ты испугался одной-единственной женщины? Твои люди будут рядом и услышат тебя, если ты их позовешь. Но сила, заключенная в ковре, опасна для них. Это магия против Куршахаса...

Хавлат глубоко вздохнул. Что ему терять? Скоро упырь явится за ним, а так у него есть хоть какая-то надежда.

— Выйдите,— приказал он охранникам.— Подождите у двери. И не закрывайте ее полностью. Я позову вас, если это будет нужно. Быстрее!

Все четверо вышли, оставив дверь слегка приоткрытой.

Хавлат обратился к Соне:

— Если это какая-то уловка, я не советовал бы тебе...

— Это просто уловка, чтобы обмануть зло, которое так долго царило в Арэнджуне, Хавлат. Отойди, пожалуйста.— Соня положила талисман обратно в кошель и склонилась над ковром.

— Подожди! — воскликнул Хавлат.— Ты сказала, что я должен стоять с тобой рядом...

Соня потянула за край ковра, тот начал разматываться, и из него появилась дочь Эrimiора, которая тут же вскочила на ноги.

Некоторое время Хавлат безмолвно смотрел на нее, а затем, побледнев, перевел взгляд на Соню.

— Наконец-то... — прошипела Алинор.

Хавлат потянулся к мечу, открыл было рот, чтобы крикнуть, но в то же мгновение Алинор вытянула руки вперед, сжав кулаки, и произнесла какое-то слово. Вельможа задрожал. Колдунья,

не отводя от него сжатых кулаков, повернула голову к Соне и резко бросила:

— Запри дверь!

Соня захлопнула дверь и заперла ее на тяжелый засов. В коридоре послышались протестующие крики стражников, затем в дверь застучали кулаками. Соня крикнула:

— Тихо! Приказ господина!

Удары прекратились, но Соня понимала, что гвардейцев так легко не обмануть и скоро они вернуться, чтобы взломать дверь. Она выругалась и мысленно попросила богов даровать ей и Алинору удачу.

Хавлат не шевелился, прикованный к месту магией, и только переводил взгляд в одной женщины на другую.

Колдунья приблизилась к вельможе и встала прямо перед ним.

— Убийца моего отца,— шипела она,— скоро, собака, твою душу поглотит Бездна!

Соня рывкнула:

— Живее, Алинор! Узнай, что нам нужно, и отпусти его. У нас нет времени!

Алинор, не отводя взгляда от Хавлата, ответила:

— Всеу свое время, Рыжая Соня. Это мгновение нельзя торопить. Я так ждала его!

Соня сделала шаг вперед, и негромко, чтобы не услышали охранники, повторила:

— У нас нет времени!

Алинор посмотрела на Соню — в глазах ведьмы снова горел желтый огонь.

— А я говорю, что это мгновение принадлежит мне!

— Ты думаешь, что охранники поверили мне?

— По приказу этого человека моего отца разорвали на клочки...

— Тебе нужен он или Куршахас?

— Мне нужны оба! — Алинор снова обернулась к вельможе. — Сейчас я разрешу тебе говорить. Если попытаешься позвать гвардейцев, умрешь в невыносимых мучениях. Но если скажешь то, что мне нужно, смерть твоя будет быстрой. Понял? Конечно, еще бы! Мой отец тоже хотел избежать боли.

— Живее, Алинор! — прошипела Соня.

Колдунья слегка расжала пальцы, и по телу Хавлата пробежала дрожь. Он громко сглотнул, набрал в грудь воздуха и разинул рот, собираясь закричать...

Алинор стиснула кулаки, вытянув указательные пальцы, и произнесла магическое слово. В грудь Хавлата ударили две тонкие молнии, и его лицо исказилось от боли. Он упал на колени, задыхаясь и вытаращив глаза. Алинор резко опустила руки, и Хавлат упал ничком.

— Страшные муки,— вкрадчиво заговорила ведьма. — Представь, как оно будет, Хавлат, ощущать их всем своим существом, и причем целую вечность. Представь...

Вельможа корчился на полу, не в силах даже приподняться.

— Итак,— сказала Алинор, снова вытягивая указательный палец,— где Куршахас?

— В-в... Подвалах,— прохрипел Хавлат.— Саркофаг...

— Как туда добраться?

— Через дверь... Позади. Заперта... Ключ... У меня.

Соня, слегка ошеломленная увиденным, наклонилась, быстро ощупала одежду Хавлата, достала кольцо с ключами и начала по одному перебирать их, пока вельможа не выдохнул:

— Этот...

— Теперь,— продолжила Алинор,— объясни, где именно искать его.

— Вниз... До конца. Длинный коридор... Предпоследняя... Справа.

— Прекрасно.— Колдунья отступила назад, сжала кулаки, и Хавлат снова застыл.

— Быстрее, Алинор! — Соня подошла к потайной двери и проверила ключ, который с тихим щелчком легко отомкнул замок.— День идет к концу.

Хавлат застонал от боли. Соня резко обернулась и увидела, как колдунья, что-то пробормотав, подняла руки, затем опустила их, нацелив на Хавлата выпрямленные пальцы, из которых тут же вылетели десять молний. Глаза вельможи вылезли из орбит...

— Умри! — взвизгнула Алинор.— Сгинь навеки!

Хавлат дико закричал. На мгновение Соня застыла на месте от страха. Она не раз слышала крики умирающих, но никогда еще в человеческом голосе не звучало такое неистовое отчаяние

— как будто Хавлат чувствовал, как огненный водопад уносит его душу, обреченную на вечные муки.

Соня видела, как Хавлат опрокинулся на спину, и каким-то образом поняла, что он был мертв еще до того, как ударился о плиты пола. Стараясь не показать, насколько ей страшно, она перевела взгляд на Алинор:

— Почему ты просто не убила его?

— Смерть убийцы моего отца,— пояснила колдунья,— не могла быть легкой. Я никогда бы не простила себе этого.

— И ты правда послала его душу в огонь?

— Надеюсь! — рыкнула Алинор.— Но даже если у меня не получилось, он все равно так думал!

Охранники начали ломать наружную дверь. Сжав кулаки, ведьма повернулась на шум.

— Пошли! — крикнула ей Соня.— Если они ворвутся сюда, мы не справимся со всеми!

Алинор спокойно, будто ничего не случилось, прошла мимо нее и стала спускаться по ступенькам. На нижней площадке они обнаружили толстую свечу в бронзовой скобе на стене, и Соня обратила внимание, что свеча догорела уже до отметки, обозначающей заход солнца. Из соседней скобы торчал факел. Воительница взяла его и зажгла от свечи. Затем они пошли дальше, все глубже и глубже под землю.

— Сюда,— мрачно заметила Алинор, идущая впереди. Она, похоже, прекрасно видела в темноте.

Факел вскоре осветил конец коридора и черные провалы выходящих в него дверей.

— Не спеши,— предостерегла Соня.— Если он уже проснулся...

— Здесь,— внезапно сказала Алино́р, остановившись перед открытой дверью.— Соня, дай мне талисман.

— Нет.

Алино́р обернулась, встав к ней лицом к лицу:

— Соня...

— Он останется у меня и защитит нас обеих. Теперь пошли. Будь осторожна.

Алино́р скрестила руки на груди, пробормотала защитное заклинание — и вошла. Соня направилась за ней. Саркофаг у дальней стены был закрыт крышкой, девушки подбежали и начали сдвигать ее. Крышка отъехала в сторону неожиданно легко. Соня подняла факел повыше — каменный гроб был пуст.

— Хавлат врал! — прошипела Алино́р.

— Нет... Может быть, и нет. Но нежить бывает коварной. Куршахас мог спрятаться.

— Тогда мы должны его найти.

Соня покачала головой:

— А если солнце уже зашло?

— Мы должны его найти! — сердито повторила Алино́р.

— Скорее всего, он найдет нас. Охотиться за ним здесь слишком опасно. Куршахас тоже ищет нас. Он сам к нам придет, Алино́р. Но пусть это случится наверху.

Ведьма вопросительно посмотрела на нее.

— Мы вернемся в комнату,— пояснила Соня.— Куршахас явится к Хавлату, однако встретим его мы.

Они поспешили обратно. Соня задержалась у двери, сделала Алино́р знак сохранять тишину, вставила факел в скобу и прислушалась.

— Что там? — спросила колдунья.

Нагнувшись, Соня заглянула в замочную скважину.

— Там гвардейцы. Они ворвались в комнату и стоят возле тела Хавлата.

— Открой дверь. Я собью их с толку.

— Нет, не сейчас. Пока еще рано...

— Но ты же говорила, что времени у нас...

— Тихо! — Соня помолчала немного, размышляя, потом снова заглянула в замочную скважину и выпрямилась.— Ты не заметила других дверей, пока мы шли по лестнице? Нет? Я тоже. Теперь послушай. Ночь еще не наступила, так что Куршахас, вероятно, все еще в подвале. Поднимаясь к Хавлату, он наткнется на нас.

— Ты хочешь ждать его здесь?

Соня кивнула:

— Мне не хотелось бы сражаться со всеми гвардейцами дома Хавлата, хоть я и умею владеть мечом, а ты — магией. Надо немного подождать. Скоро совсем стемнеет. Тогда, если Куршахас не придет, ты их околдуешь, и мы выберемся отсюда. Но если мы вяжемся в драку, скорее всего, нам будет не до Куршахаса.

Стараясь шуметь как можно меньше, Соня опустила на пол и села, скрестив ноги.

— Садись,— посоветовала она Алинор.— Отдохни немного.

Не говоря ни слова, Алинор села.

Соня посмотрела еще раз в замочную скважину, потянулась и вздохнула, подумав о том, что еще не известно, сумеют ли они убить упыря или станут назавтра такими же, как он.

* * *

Незадолго до наступления темноты Чост решил, что вполне может оставить Лейру в одиночестве и быстро сбегать по своим делам. Однако подруга пыталась его удержать.

— Что ты задумал? — закапризничала девушка.— Не оставляй меня здесь. Я боюсь. Чост, прошу тебя!

— Не беспокойся. Ничего не случится, ты в полной безопасности. Лучше отдохни. Я скоро вернусь.

— Ты куда?

— Мне нужно раздобыть кое-что, чтобы помочь Соне.

— Но она же сказала...

— Тихо, Лейра. Отдыхай. Я вернусь еще до того, как ты проснешься.

Он был так уверен в себе, его слова звучали так убедительно, а Лейре так хотелось верить, что все страхи кончились, что она послушно положила голову на подушку и закрыла глаза.

И тут же губы Чоста, неумные, но жадные и настойчивые, коснулись ее губ. Через миг парень уже стоял у двери.

— Отдыхай,— напомнил он ей и выскочил в коридор.

Лейра потянулась, легла на спину, посмотрела на деревянный потолок и вздохнула...

Затем она взглянула на окно, за которым уже сгущались сумерки, и ей стало вдруг страшно. Она представила, что упырь впился в ее шею, высасывая кровь, а вместе с ней — и жизнь. Девушка зажмурилась и затрясла головой, отгоняя кошмарное видение. Время, казалось, тянулось бесконечно...

В коридоре слышались шаги — возвратился Чост. Лейра приподнялась на локте:

— Что?..

Чост ухмыльнулся, закрыл за собой дверь и достал из-за пояса кинжал.

— Что это такое?

— Нож. Железный нож.

— Где ты его достал?

— У дурака-старьевщика, и задешево. Но я-то знаю ему цену.

— Чост... Зачем тебе нож из железа? К чему все это? Что ты задумал?

Он подошел к кровати и сел:

— Он может очень нам пригодиться, Лейра. Поверь мне.

Лейра с интересом взглянула на оружие. Нож был грубый, потемневший, кое-где с пятнами ржавчины, но все же крепкий и более-менее острый.

— Мне еще повезло,— признался Чост,— что я так быстро и так легко раздобыл железное

оружие. Может быть, это и глупо, но я подумал: вдруг он понадобится...

Лейра попыталась улыбнуться, но из ее глаз непроизвольно потекли слезы, и она в испуге прижалась к Чосту. Он положил нож на кровать, обнял девушку и поцеловал ее, уже не так осторожно, как первый раз...

Глава девятая

Во время отдыха, который и сном-то назвать было нельзя, у Куршахаса иногда возникали видения, рассказывающие о прошлом, а иногда и о будущем. Как раз перед тем, как на Аренджун опустилась тьма, ему снова привиделись его собственная смерть и возрождение. Это произошло давным-давно, в другом мире.

Ему вспомнилось поле битвы — звуки труб, ржание лошадей, вопли, лязг оружия, предсмертные хрипы и кровь, окружавшие его со всех сторон.

Он считал, что умер. Он помнил, как умирал. Но затем очнулся, ощущая клыки суккуба у себя на горле и острые когти, впившиеся в его плоть.

Это ощущение показалось ему чудесным, таким необыкновенным, запредельным, искрящимся подобно драгоценному камню, что Куршахас, пробудившись от смерти на этом поле боя, задрожал и обнял это немыслимое существо, обна-

женное, белое, холодное, черноволосое и зеленоглазое, которое целовало его ярко-красными губами, доставляя нечеловеческое наслаждение...

Но скоро она вырвалась из его объятий и, шипя, огрызаясь и взрыхляя когтями землю, понеслась дальше по залитому лунным светом полю битвы, чтобы продолжить свой кровавый пир.

Куршахас поднялся, взглянул по сторонам и понял, что отныне стал совсем другим. Его переполняли доселе неведомые чувства.

Всю ночь он бродил, прислушиваясь к своим странным ощущениям. Незадолго до рассвета он решил, что ему хочется есть, и поел жареного мяса, которое нашел в ранце одного из мертвецов. Его тут же вырвало. Затем, увидев возле убитого воина бурдюк с вином, Куршахас нагнулся, чтобы запить мерзкий привкус еды, но, еще не понимая, что делает, схватил человека за голову, запрокинул ее и с наслаждением впился в горло. Первый же глоток соленой, густой крови вызвал у него великую жажду, и он пил и пил, пока не понял, что больше не сможет проглотить ни капли.

А при первых проблесках зари его пронзила такая боль, какой он не испытал, даже когда меч распорол его живот на поле сражения. Куршахасу показалось, что он сейчас умрет, и это испугало его гораздо больше, чем пугала смерть тогда, в другой жизни. Он помчался вперед, не соображая, куда бежит, думая лишь об одном: укрыться, спрятаться от безжалостных лучей солнца, спасти эту новую, такую восхитительную жизнь. Он

нашел впадину в скалах и завился в нее вместе с другими ночными существами.

Когда возшло солнце, он впал в таинственный полусон...

Он пробудился с наступлением ночи.

Он знал, что мертв. Он понял, что, хотя не попал в Мир Усопших, все равно остался мертвецом, когда заметил, что не различает больше цветов. И кровь, которая давала ему жизнь, уже не казалась больше алым потоком, она стала черной, как залитые лунным светом пруды в полуночных болотах...

* * *

Он пробудился, и это воспоминание, яркое, незабываемое видение, полусон-полуявь, исчезло, отодвинулось, уступив место всепоглощающей жажде крови.

Разбрызгивая грязную воду городской канализации, Куршахас дошел до решетки, дотянулся до нее, сдвинул в сторону и выбрался наружу. Постояв еще пару мгновений на безлюдной улице, упырь взглянул на бледную луну, закрыл глаза и сосредоточился, чтобы определить, куда идти. Дом Рыжей Сони располагался неподалеку, на этой же улице.

Куршахас открыл глаза и совершенно бесшумно двинулся к цели.

* * *

— Пора? — шепотом спросила Алинор.

— Да.

Соня отперла замок и, распахнув дверь, вошла в опустевшую комнату, Алинор — за ней. Дверь сама закрылась за ними.

Тишина. Темнота. Куршахас так и не появился. Совсем недавно охранники унесли отсюда тело Хавлата, вероятно, чтобы подготовить к похоронам. Соня окинула взглядом комнату и увидела еще две двери кроме той, что вела в подвалы.

Первая выходила в коридор, по которому они сюда пришли, а вторая, в противоположном конце — неизвестно куда. Может, через нее удастся бежать?

— Пойдем, Алинор. И будь начеку. Вдруг нам понадобится твое колдовство...

Дверь оказалась заперта. Соня довольно быстро подобрала ключ, однако можно было и не стараться: девушки попали в гардеробную.

Держась поближе к стене, воительница отправилась дальше. Алинор не отставала ни на шаг.

Вдруг Соня резко остановилась.

— Что случилось? — шепотом спросила колдунья.

— Слушай!..

Расположенная напротив дверь открылась, и по стенам комнаты заплескал свет множества факелов. Слуги в сопровождении охранников пришли навести порядок в опочивальне усопшего господина.

— Во имя Эрлика! — Соня прижалась к стене. — Они нас заметят! Давай назад! Тем же путем, каким пришли!

Стараясь даже не дышать, девушки успешно добрались до спасительной двери, и Алинор осторожно открыла ее.

Петли протяжно заскрипели, однако колдунья успела быстро юркнуть в образовавшуюся щель. Зашипев от отчаяния, Соня шагнула за Алинор.

— Эй, вы там! Стойте!

Воительница, услышав звон металла, захлопнула дверь и закрыла ее на задвижку.

— Они нас заметили!

— Тогда надо спрятаться в подвале. Скорей, Соня!

— Проклятье Эрлика! — воскликнула Соня, сообразив, что означал звон, который она слышала. — Я потеряла ключи. Мы в ловушке!

* * *

Дом погрузился во тьму. Сумерки незаметно перешли в ночь.

Лейра крепко спала, улыбаясь своим ласковым снам, а Чост сидел в кресле, напряженно вглядываясь в темноту за окном, и думал, не пора ли отправляться к городским стражникам и поднимать тревогу...

Ему вовсе не хотелось этого делать: он привык во всем полагаться на себя. К тому же у него были свои счеты с Куршахасом, да и железный нож он добывал для того, чтобы, убив упыря, отомстить за Стифу.

Стифа был его ближайшим другом с тех самых пор, когда они, тогда семилетние уличные маль-

чишки, подрались из-за найденного на торговой площади большого яблока. А потом так и расставались ни на один день. Постепенно вокруг них сколотилась целая компания, и каждый из мальчишек был готов пойти за другого и в огонь, и в воду...

Незаметно для себя Чост задремал, но его полусон был каким-то странным. Глаза мальчика оставались открытыми, но все, что он видел, вроде бы и не касалось его, как будто происходило где-то далеко и не с ним.

Возле окна за клубилась густая черная тень, которая быстро приобрела очертания человеческой фигуры.

Совершенно безучастно Чост смотрел, как из стгутившегося туманного облака в комнату шагнул Куршахас, как вампир склонился над спавшей девушкой и молча положил ей на грудь бледную руку.

Лейра тут же открыла глаза, но в них не было даже намека на страх.

Куршахас спросил:

— Где Рыжая Соня?

— Ушла,— спокойно ответила Лейра.

— И куда же она ушла, дитя мое?

— К Хавлату.

— А зачем?

— Чтобы убить упыря.

— Она и сейчас там?

— Да,— кивнула Лейра.— Там.

— Ты прекрасное дитя. Ты пойдешь со мной к Хавлату?

— Я... Боюсь.

— Чего?

— Колдунов. И упырей тоже.

— Взгляни на меня. Разве я не красив?

— Очень красив.

— Ты любишь меня?

— Да...

— Я смогу тебя защитить. Тебе нечего бояться.

Иди со мной.

Лейра села на кровати, раскинула руки и обняла Куршахаса.

Он поднял ее и прижал к себе.

— Мы сейчас уйдем. Я отнесу тебя к Соне.

— А Чост?

— Забудь о нем. Ты любишь меня. Пошли.

— Да... Да...

Чост смотрел, как Куршахас с Лейрой на руках шагнул на подоконник и исчез в ночи.

Вдруг он очнулся. И все вспомнил. Схватив нож, Чост бросился к пустой кровати, затем к окну. Куршахаса нигде не было.

С хриплым воплем ярости и отчаяния он вскочил на подоконник, прыгнул в проулок и помчался вперед.

* * *

— Во имя Эрлика! — воскликнула Соня.— Они притащили таран!

Она вспрыгнула на возвышение, толкнула диван в сторону, прижалась к стене, выставив перед собой обнаженный меч, и окинула взглядом комнату. Отсюда, сверху, было видно, что на

лужайке под окном собрались стражники. Значит, и этот путь перекрыт.

Алино́р встала рядом с ней, задумчиво посмотрела на дверь, которая начала прогибаться под ударами, и повернулась к Соне:

— Соня...

— Что?

— Дай талисман.

— Нет!

— Только магия может спасти нас. Он мне нужен...

— Я не дам тебе даже прикоснуться к нему! Только через мой труп!

Алино́р задрожала от ярости, как пантера, готовящаяся к прыжку...

В этот миг раздался треск дерева и дверь, ведущая в коридор, распахнулась. Десяток гвардейцев ввалился в комнату вместе с тараном — коротким обломком мраморной колонны, и все с грохотом попадали на пол. За ними ворвались еще не менее двух десятков солдат, вооруженных мечами и топорами. Глаза у всех горели, и каждый воин был готов сразиться с целой армией.

Их предводитель, высокий мужчина с бородой, расчесанной на пробор, поднял руку, удерживая остальных, и крикнул, обращаясь к Соне и Алино́р:

— Проклятые убийцы! Сдавайтесь или умрете на месте!

Не успел он договорить, как распахнулась вторая дверь и в комнату ворвался еще десяток гвардейцев Хавлата.

— Вперед! — крикнул их рыжеволосый десятник. — Они убили нашего господина!

— Ни с места! — взвизгнула Алино́р, слегка присела, подняла руки и резко опустила их.

Воздух сгустился и задрожал. Рыжий десятник был уже на полпути к девушкам, почти у ступенек, когда его настиг удар магической энергии. С громким воплем он упал на спину. В грудной пластине его доспехов появилась раскаленная дыра, из которой хлынула темно-красная кровь.

Алино́р, вздрогнув, обмякла, но, собравшись с силами, снова гордо выпрямилась.

— Кто следующий? — крикнула колдунья.

Стражники замерли. Никто не решался пожертвовать собой, пока один из воинов не заявил:

— Она не сможет убить всех нас! — и шагнул вперед.

— Смогу! И убью! — бросила Алино́р ему в ответ. — И тот, кого коснется моя магия, навеки канет в Бездну!

Гвардейцы опять заколебались.

— Подходите! — расхохоталась ведьма. — Ну, кто первый? Смелее! — Она снова подняла руки. — Я хочу услышать ваши вопли! Я хочу погреться у пламени, которое поглотит ваши души!

Женщину словно обуяли демоны.

— Сразитесь со мной! — вопила Алино́р. — Убийцы моего отца! Подходите! Чего вы ждете?! — Она опустила руки, направив пальцы на воина с бородой...

Внезапно в высокое окно в углу комнаты ворвался ветер. Солдаты закричали, указывая туда. Алинор повернулась на каблуках и застыла на месте. Куршахас!

Он прыгнул — или вплыл? — в окно и теперь стоял в другом конце комнаты, мрачно улыбаясь, держа на руках Лейру.

— Что здесь происходит? — ровным голосом спросил он Соню и Алинор.

— Чудовище! — взывала Алинор, бросаясь вперед.

Куршахас отмахнулся от нее, взяв Лейру под одну руку, так что ноги ее касались пола, а голова лежала на его груди. Глаза девушки были закрыты.

— Алинор, — спокойно проговорил он, качая головой, — Соня. Сдавайтесь. Или стражникам, или мне. Иначе я убью этого ребенка.

У Сони на мгновение замерло сердце, и она невольно опустила меч.

Куршахас в упор смотрел на Алинор:

— Сдавайся, дочь Эrimiора.

— Чудовище! Губитель душ! — крикнула колдунья и направила магический огонь на упыря. — Сгинь!

Как ни странно, ее молниеносная атака отбросила Куршахаса на несколько шагов назад, но он тут же бросил Лейру на пол и двинулся на Алинор.

Горящими глазами Куршахас уставился на ведьму и пробормотал:

— Глупое создание...

Воздух снова задрожал, и между Алинор и колдуном появился мерцающий свет. Гвардейцы опустили оружие и, пятясь, начали отступать. Соня прижалась к стене и подняла меч, готовая дорого продать свою жизнь...

Алинор, почувствовав силу, намного превосходившую ее собственную, застонала и, задыхаясь, сжала кулаки так, что у нее задрожали руки.

Куршахас продолжал наступать.

Чем ближе он подходил к Алинор, тем сильнее дрожал воздух и ярче разгорался магический свет, пока тела упыря и ведьмы не начали светиться изнутри.

Ковры и занавеси в комнате внезапно занялись огнем, статуэтки и жаровни задребезжали, зазвенели и закачались на ножках. Задрожали и заходили ходуном даже плиты пола, а в местах их соединений повалил дым.

Алинор жалобно завопила, словно демоны начали терзать ее душу.

Куршахас рассмеялся и сделал еще один шаг.

Крик колдуньи звучал все громче и тоньше, она воздела руки... Упала на колени... Рухнула на бок...

Протянув руки, упырь взял ее голову в ладони, сжал длинные пальцы, и на пол хлынула алая кровь. Куршахас расхохотался, и, рассыпая кровавые брызги, резко встряхнул руками.

— Теперь, — рявкнул он, повернувшись к Соне, — ты!

Совершенно бездумно, даже не понимая, что делает, она рывком достала талисман, обернула

его цепью рукоять меча и нацелила острие в горло упыря.

Куршахас взвизгнул и попятился. Он отходил все дальше и дальше, пока не наткнулся на окаменевших от ужаса стражников.

— Убейте ее! Я приказываю! Убейте ее!

— Соня!

Девушка подняла голову. В окно рядом с возвышением влезал Чост. Куршахас оглянулся и, взмахнув рукой, попробовал его схватить, но Чост увернулся от колдуна. На бегу он взмахнул ножом, и потемневшее от времени железное лезвие прорвало плащ и вспоролло плоть упыря. Тот вскрикнул от боли и с изумлением уставился на кровь, обагившую плиты пола.

Подбежав к Лейре, Чост склонился над ней.

— Очнись! — крикнул он, схватил ее под мышки и потащил.

Куршахас медленно пошел к нему.

— Стой! — воскликнула Соня, и, выставив перед собой меч, бросилась вниз по ступенькам.

Куршахас отшатнулся от нее и забился в угол под окном.

— Убей его! — крикнул один из стражников. — Убей!

Соня встала над колдуном, сжимая нацеленный на него меч с талисманом.

— Этим меня не убьешь, — ухмыльнулся Куршахас.

— Знаю, — тихо ответила Соня. — Но это ослабляет тебя, Куршахас, высасывает твои силы и не дает действовать.

Глаза упыря на мгновение сверкнули злобным желтым огнем, затем снова засветились угрюмым красным светом.

Не сводя с него глаз, воительница обратилась к стражникам:

— Достаньте оружие! Железное оружие, во имя Неба! Соберите мечи, копья, ножи — что угодно, но из железа!

Куршахас зашипел и зашевелился в углу. Соня ткнула мечом в его сторону — он взвизгнул и съехался.

— И принесите соль! — рявкнула Соня. — Как можно больше!

Поколебавшись всего мгновение, бородатый десятник приказал:

— Всем оставаться здесь! А ты... Ты и ты... И ты — со мной.

Через несколько ударов сердца они уже вернулись.

— Окружите меня, — велела Соня. — Те, у кого есть железное оружие, встаньте рядом. Не подходите слишком близко и не смотрите долго ему в глаза. Берите мечи и копья. Привяжите ножи к палкам. К нему нельзя приближаться!

Несколько стражников встали рядом с Соней, окружив упыря, не давая ему возможности бежать.

Чост перенес Лейру на диван, уложил ее, взял чашу воды со стола, смочил в ней ткань и обтер горячий лоб и лицо девушки, то и дело поглядывая на Соню и воинов.

— Соль! — потребовала воительница.

Куршахас зашипел. И снова Соню охватила волна ужаса и отвращения.

Кто-то протянул ей мешок.

— Развяжите! — приказала она, затем протянула руку и достала горсть соли.— Демоны ведь любят соль, а, Куршахас? — Голос ее дрожал от ненависти.

Упырь поднял голову, вытянул руки и напрыгся, будто собираясь прыгнуть...

Соня швырнула соль в него. Он оглушительно завопил и зажал лицо ладонями. Сквозь белые пальцы заструился дым. Плоть колдуна начала пузыриться, как расплавленная смола.

Соня глубоко вздохнула:

— Мне никогда не нравились пытки, но, во имя Эрлика, демон, ты получишь еще, если попробуешь ускользнуть!

— Убей его! — поторопил ее один из стражников.

— Нашим оружием с ним не справиться,— объяснила Соня.— Железо его ранит, соль жжет, талисман вытягивает из него силы, но уничтожить его может только одно средство.— Она взглянула на открытое окно.— Мы должны дожидаться зари.

* * *

До самого рассвета Соня ни разу даже на миг не отвела взгляда от Куршахаса, ни на волос острие меча не отклонилось от его лица, хотя неоднократно тот или иной стражник предлагал девушке сменить ее, чтобы она смогла отдохнуть.

— Нет,— качала головой Соня.— Я не хочу упускать ни одного мгновения. Пусть он знает, что именно я обрекаю его на смерть. Понял, Куршахас? Сколько лет ты прожил, отвратительный могильный червяк? А? Скольких людей погубил или превратил в таких же чудовищ, как ты сам?

Куршахас прошипел:

— Ты осуждаешь меня, но и я, и все мои собратья были когда-то такими же, как ты. Ты называешь меня воплощением зла, но его искра есть во всех людях. Осуждая меня, помни, что ты осуждаешь и себя!

После этого он разговорился, все чаще пытаясь отвлечь усталых стражников, обещая им великие победы, власть, неисчислимые богатства, любовь женщин и бессмертие, но каждый раз Соня или кто-то из стражников тыкал его железным острием или бросал в него щепотку соли, и упырь замолкал, стараясь забиться подальше в угол.

Масляные лампы постепенно догорали, но никто не зажигал новые и не добавлял масло в старые, боясь отойти от колдуна хоть на миг. Слишком силен был страх перед темной силой, и многие понимали: не появившись вовремя этот парень с железным ножом, и, вполне возможно, Куршахас сумел бы одолеть всех, подчинить своей воле и сейчас пировал бы, жадно лакая их кровь и обрекая их души на вечные муки.

Чост не отходил от Лейры, то и дело трогал ее горячий лоб и молился о том, чтобы она

пришла в себя. Ее ноздри слегка подрагивали, грудь плавно поднималась и опускалась, глаза оставались закрытыми. Что сделал с ней Куршахас? Проснется ли она когда-нибудь?..

Взглянув на Чоста, колдун попытался сыграть на его страхах:

— Разве ты не понимаешь, мальчик, что, если эти ублюдки меня убьют, ее душа отправится со мной?

— Заткнись, отродье Тьмы!

— Увидишь! — Упырь хрипло рассмеялся. — Но будет поздно.

— Замолчи! — Вскочив на ноги, Чост поднял железный нож.

— Чост! — рывкнула на него Соня и ткнула Куршахаса мечом.

Колдун зашипел и грязно выругался, потом попытался схватить лезвие, но обжег руки и с воем отдернул их.

Ночь, казалось, никогда не кончится, и утро не наступит. Чтобы хоть чем-то занять время, один из воинов спросил Куршахаса:

— Сколько ты прожил, илорку?

Тот лишь фыркнул в ответ.

— Скажи, мне интересно. Сколько тебе лет?

— Я поил твою прапрабабушку своей кровью во время обрядов Семрога, дурак. Она любила меня и отдавалась мне с восторгом.

Стражник рассмеялся: его ничуть не затронули слова Куршахаса.

— Нет, серьезно. Скажи. Ты помнишь короля Атрона?

— Он что, твой герой? Он был просто грязью. Грязью!

— А древний Ахерон помнишь?

Упырь вдруг заговорил совершенно серьезно:

— Я жил среди пурпурных теней Пифона — столицы Ахерона. Я ровесник богов, которым вы, дураки, поклоняетесь. Вы подняли руку на божество. Ничего у вас не получится. Я могу возродиться даже из пепла. Однажды я так и сделал....

Соня удивленно взглянула на него. Куршахас выглядел слабым и изможденным. Ночь была на исходе, а ему не перепало ни капли крови. Может, он начинает заговариваться?

— Я божество темных лесов, — выдохнул Куршахас, закрывая глаза и устало откидывая голову назад. — Известно ли вам, сколько жизней я впитал? Я поглощал целые народы. И все же они не исчезли. Как дождь, как зеленая трава, как и все на свете, они появляются снова, полные новой жизни, новой крови... Почему? — Открыв красные, полные ненависти глаза, он внезапно завопил: — Почему? Почему вы, пустые, никчемные существа, должны жить и умирать в невежестве, в то время как боги проклинают меня? Меня! Почему не вас?

Он попробовал сесть и снова потянулся к мечу Сони. Один из стражников ткнул его железом. Куршахас упал, завывая от боли, но вдруг снова рассмеялся глубоким, гортанным смехом.

— Я нужен вам, — зашипел он. — Я — то зло, которое вы стремитесь победить в себе. Что вы будете делать без меня? Когда вам некого будет

ненавидеть, придется признать, что вы сами себе ненавистны. Ваша жизнь станет бесцельной. Зачем вам тогда боги? Черви! Вы не знаете, что такое полноценная жизнь! Вы как туман — серые, бесполезные, преходящие. Только я мог даровать бы вам истинную жизнь! — Куршахас хрипло завыл. — Убейте меня сейчас! Во имя Ордру и Семрога, будьте вы прокляты. Убейте меня сейчас! Сейчас! Не дайте мне увидеть солнечный свет!

* * *

Соня отвернулась от него. Ее ноги одеревенели, спину ломило, руки, казалось, налились свинцом, а голова гудела.

За окном стало заметно светлей. С улицы донесся звон храмовых колоколов, возвещавших приход нового дня. Зашебетали ранние птицы.

Куршахас вздрогнул и попытался было встать, но его вынудили снова сесть.

— Укройте меня! — взвизгнул он. — Во имя Ордру, не дайте мне умереть на солнце!

Воины крепче сжали мечи и пики. Те, кто отдыхал в стороне, подошли поближе. Несколько стражников поднялись на возвышение.

Заря разгоралась все ярче.

— Не дайте мне умереть! — вопил Куршахас. — Я не простой смертный! Вы не понимаете, какую жизнь хотите уничтожить. Вы ничего обо мне не знаете! Все вы — это я! Не дайте мне умереть!

Взошло солнце, и Соня мрачно проговорила:

— Отойдите теперь все...

Куршахас медленно поднялся на ноги, наклонившись, будто бы для последнего, отчаянного прыжка. Его глаза потеряли яркий желтый блеск и отсвечивали белым, а зрачки стали маленькими и серыми.

Широкий золотой луч высветил неправильный прямоугольник на противоположной стене у пола. Куршахас застонал:

— Не дайте мне умереть!..

Он медленно осел, шипя и извиваясь, и его окружило легкое облако серого тумана.

Соня сделала глубокий вдох:

— Отойдите. Быстрее!

Окружавшие ее воины расступились, а она вышла вперед. Подняв меч, она нацелила его на грудь Куршахаса и заставила колдуна выйти из угла. Он тихо шипел и постанывал, но был слишком слаб, чтобы сопротивляться. Дойдя до прямоугольника солнечного света, упырь упал на него ничком.

От тела Куршахаса клубами начал подниматься дым. Слабо пошевелившись, колдун вскрикнул и замер. Вскоре у него осыпались волосы — светло-серые и легкие, как пепел, плоть потрескалась, как пересохший пергамент, и отвалилась, кости рассыпались. Все было кончено. Под темным плащом не осталось ничего, кроме тонкого слоя мельчайшей пыли.

В комнате наступила полная тишина.

Соня взяла масляную лампу, поднесла к одежам Куршахаса, разбросанным на каменном полу, и бросила ее. Разлившееся масло вспыхнуло,

уничтожая то, что совсем недавно было кровавым злодеем.

Чост, не выпуская руки Лейры, вдруг почувствовал, как сердце девушки забилося сильнее. Затрепетали веки, лицо порозовело. Затем она открыла глаза:

— Чост...

Соня медленно подошла к креслу и тяжело, словно древняя старуха, опустилась в него. Дрожащими руками девушка налила себе вина, залпом осушила большую серебряную чашу, уронила ее, запрокинула голову и мгновенно заснула.

Глава одиннадцатая

Величайшим потрясением для Аренджуна стала смерть двух видных вельмож — Хавлата и Куршахаса. Три дня городская стража потратила на то, чтобы разобраться в этом более чем странном происшествии. Подробности дела оказались столь удивительны и ужасны, что было решено запретить всем, кто был хоть как-то к этому причастен, рассказывать о том, что они видели и слышали, под страхом изгнания.

Однако никакие угрозы не смогли остановить слухи, и вскоре весь город говорил только о событиях последних дней.

Соня честно поведала стражникам обо всем, что ей пришлось пережить, и ее не только признали невиновной в смерти Хавлата, но и присудили девушке награду, обещанную за поимку убийцы, который несколько лун держал в страхе весь город. Сто золотых монет!

Итак, все выяснилось. Теперь Соня была свободна и богата и могла позволить себе отдохнуть

и расслабиться. Однако, справедливо рассудив, что без помощи друзей ей пришлось бы туго, воительница решила отдать половину награды Чосту и Лейре.

— Вы это заслужили,— сказала она им,— и я не знаю, как еще отблагодарить вас. Чем думаете заняться? Останетесь в городе?

Чост покачал головой:

— Уедем. На запад.

Соня понимающе улыбнулась.

— Этим городом мы сыты по горло,— продолжил Чост,— а с такими деньгами я смогу стать честным человеком.

Соня выразительно фыркнула.

— Ну... Хотя бы на время,— рассмеялся он.

Лейра хитро взглянула на него.

— А ты, Лейра? — спросила Соня.— Сможешь все забыть?

— Вряд ли. Но... — Она потерлась щекой о плечо Чоста.— Не приди беда, и радости бы не было.

— Она больше не будет прислуживать,— заявил Чост.— Даю слово! Когда мне надоест честная жизнь, я займусь мошенничеством и непременно разбогатею. Тогда и в Арэнджун можно вернуться. С деньгами-то мне не придется воровать. А вот друзьям помочь смогу.

Соня снова улыбнулась:

— Надеюсь, у тебя все получится. Но это потом. Пошли Чост. Теперь ты вполне можешь угостить меня. Не зря же я тебя кормила столько времени!

* * *

В тот же вечер она покинула город, не дожидаясь каравана, который договорилась сопровождать. Ей хотелось хоть на какое-то время забыть о Арэнджуне, а уж возвращаться сюда и вовсе не входило в ее планы.

Она направилась на юго-запад по наезженной дороге, по которой уже ездила раньше. Довольно скоро начал моросить дождик, и Соня решила остановиться на ближайшем постоялом дворе. Оплатив небольшую, но чистую и довольно уютную комнату, она проверила, хорошо ли позаботятся о ее лошади, и спустилась в общий зал, чтобы поужинать.

Все здесь неожиданно напомнило ей о прошедшей седмице, и она невольно подумала о том, сможет ли вообще когда-нибудь забыть это приключение.

В углу мужчины метали ножи в мишень, и один из игроков смеялся так же весело и беззаботно, как когда-то Сэндас. За соседним столом сидел высокий, худощавый мужчина в темном плаще — скорее всего, ученый, а вовсе не волшебник, но в его взгляде было что-то странное.

В середине зала расположились статная молодая женщина и светловолосый парень, взглянув на которого, Соня тут же вспомнила Чоста...

Она купила вторую бутылку, пошла в свою комнату; села там на кровать и не спеша выпила вино, прислушиваясь к доносившимся снизу звукам лютни и пению, а затем легла, и ей приснился дом, отец, мать и братья...

И сколько же дорог ей суждено пройти, прежде чем она сможет вернуться туда, где была счастлива? Где не было ни горечи, ни печали, а мир казался светлым и радостным. Он звал, манил, приглашал, и она не могла не откликнуться на этот зов...

Эпилог

Вместе с последними отблесками пламени угас и голос рассказчицы, и только теперь старый Юхас осмелился пошевелиться. На цыпочках, чтобы не спугнуть воцарившееся молчание, он прошел к очагу, подбросил дров и разжег огонь, а затем обернулся к гостям.

— Если господам угодно отужинать

— Конечно! Неси скорее все, что найдется! Я голодна, как стая волков! И вина неси — в горле пересохло. — Голос девушки был веселым и звонким, она словно торопилась сбросить с себя оцепенение, наведенное образами прошлого, завладевшими ею в этот вечер.

Север повернулся к подруге.

— Спасибо за историю, Соня. Я и не знал за тобой таланта сказительницы!

— О, ты еще многого обо мне не знаешь! — Она засмеялась.

— Но скажи, что же случилось с этим талисманом? Кстати, ты поступила совершенно правильно

но, не отдав его Алинор. Кто знает, каких бед она могла бы натворить, если бы такая сила оказалась в ее руках...

Рыжеволосая воительница погрузилась в размышления.

— В ту пору мне тоже так казалось. Но, с другой стороны, тогда она, возможно, осталась бы в живых... Вот в этом-то и беда с магией: никогда нельзя быть уверенным, что поступаешь правильно!

— Разве только с магией? А когда в жизни бывает иначе? И все же — талисман?..

— Я так и знала, что он не даст тебе покоя! Но тут нет ничего интересного. Я сменяла его на хлеб, когда кончились деньги. И то сказать — дали за него немного. Так что магия никогда не приносила мне удачи

В углу протестующе закричал и заворочался кожаный мешок, скрепленный кожаными печатями. Соня погрозила ему пальцем.

— Смотри у меня! Будешь колобродить — в овраг выброшу!

Как ни странно, *кивес* тотчас же затих. Север расхохотался.

— Смотри-ка, он тебя боится!

— И правильно делает.

— Ну, не хмурься. Он нам никаких хлопот не доставит. Приедет Вамматар, заберет его в Халогу — и все. Можем вздохнуть спокойно.

Он ошибался. В тот миг он еще не подозревал, насколько сильно он ошибается...

СОДЕРЖАНИЕ

Макс Шейдлинг

ВЕТЕР МЩЕНИЯ

5

Питер Нейл

ЗОВ АРЕНА

161

МИР ПАУКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:
«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,
«ПОСЛАННИК»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
КНИГА X

«ПАЛОМНИК»
НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

Литературно-художественное издание

**РЫЖАЯ СОНЯ
И ЗОВ АРЕНЬ**

Руководитель проекта: Дмитрий
Ивахнов. Составитель: Наталья
Баулина. Художник: Владислав
Асадуллин. Художественный
редактор: Игорь Богданов.
Серийное оформление: Дмит-
рий Вяземский. Верстка: Лариса
Андреева. Технический редак-
тор: Валентин Успенский. Кор-
ректор: Светлана Митина.

Подписано в печать с готовых
диапозитивов: 11.02.00. Формат
84X108 1/32. Гарнитура «Пала-
тино». Печать офсетная. Бума-
га типографская. Усл. печ. л.
21,0. Тираж 5000 экз. Заказ 1531.

Издательство «Северо-Запад
Пресс». Лицензия ИД № 00450
от 15.11.1999. Санкт-Петербург,
ул. Казначейская д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-
Петербург, а/я 125.

sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест».
Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Налоговая льгота — Общегосударственный
классификатор Республики Беларусь
ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Отпечатано
с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства
«Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

**ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
«АСТ»**

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел.(095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЕТЕР
БЕЗДНЫ

1

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛАДЫКА
ПАДШИХ

2

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЦИТАДЕЛЬ
ПЕСКОВ

3

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН
СНОВ

4

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ

5

РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ
БОГ

6

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЩЕЛЬЕ
СМЕРТИ

7

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КРОВЬ
ВЕДЬМЫ

8

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ

9

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЗНИКИ
КАМНЯ

10

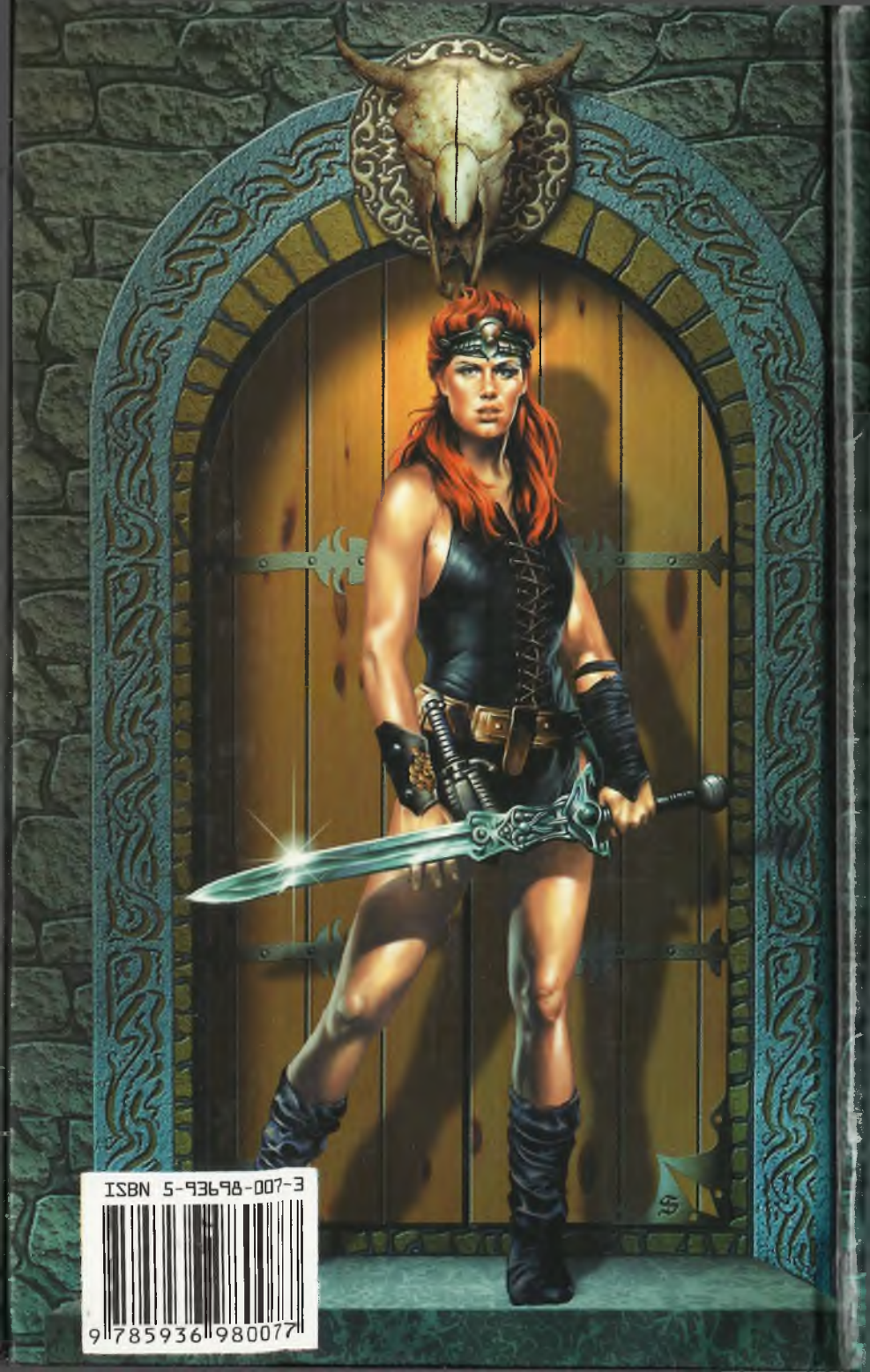
РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕЧ
СЕВЕРА

11

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЗОВ
АРЕНЫ

12

ISBN 5-93698-007-3

9 785936 980077